

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 3 (9)

Academic Journal

Series:
Psychology. Pedagogics. Education

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 3 (9)

Научный журнал

Серия
«Психология. Педагогика. Образование»

Москва
2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Редакционная коллегия серии

Т.Д. Марцинковская, гл. ред., д-р психол. н., проф. (РГГУ), В.Т. Шабельников, зам. гл. ред., д-р психол. н., проф. (РГГУ), М.О. Резванцева, отв. секретарь, канд. психол. н., доц. (РГГУ), Т.М. Марютина, д-р психол. н., проф. (РГГУ), В.Р. Орестова, д-р психол. н. (РГГУ), Т.П. Скрипкина, д-р психол. н. (РГГУ), Т.Д. Швеленкова, канд. психол. н. (РГГУ), М.К. Акимова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), Е.Э. Кригер, д-р психол. н. (РГГУ), А.Г. Асмолов, д-р психол. н., проф. (МГУ), В.Т. Кудрявцев, д-р психол. н., проф. (МГППУ), Т.В. Рябова, выпускающий ред., канд. психол. н., доц. (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), А.Г. Катаева, канд. ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т, Сан-Диего, США), Д. Верч (Вашингтонский ун-т, Сент-Луис, США), П. Штайнер (Ун-т Пенсильвании, Филадельфия, США), А. Вио (Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция), М. Денн (Ун-т им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция), Г. Тиханов (Ун-т королевы Марии, Лондон, Великобритания).

Ответственный за выпуск: Т.Д. Марцинковская, д-р психол. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	9
--------------------	---

Тематические сообщения

<i>Г.В. Шукова, С.Л. Артеменков</i> Методологические проблемы современной зарубежной психологии восприятия	10
--	----

<i>Е.П. Белинская, Д.К. Франтова</i> Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия	28
---	----

<i>Е.М. Дубовская, А.А. Кочеткова</i> Гендерные особенности межличностного общения в юношеском возрасте	44
---	----

<i>О.В. Гавриченко, Т.Д. Марцинковская, В.Р. Орестова</i> Киноязык в современной культуре	58
--	----

Эмпирические исследования

<i>Т.Д. Шевеленкова, М.А. Казанцева, А.В. Коновалова</i> Переживание своего существования в стенах больницы как фактор комплаенса и повторной госпитализации больных, страдающих параноидной шизофренией	73
---	----

<i>Н.Ю. Федунина, Г.С. Банников, О.В. Вихристюк</i> Связь семейной сплоченности и адаптивности по опроснику FACES-3 с коррелятами суицидального поведения в подростковом возрасте	95
--	----

<i>Е.С. Жукова</i> Возможности и ограничения соревновательных форм выявления одаренности	121
--	-----

<i>О.В. Гребенникова</i>	
Социальная идентификация современных подростков и юношей	134

Работы молодых ученых

<i>Е.Б. Максимова</i>	
Соотношение структурных компонентов эмоционального интеллекта и эмпатии в подростковом возрасте	148

<i>А.П. Карабанов</i>	
Современные направления исследования аффективных механизмов принятия решений	167

CONTENTS

Editor's note	9
---------------------	---

Thematic Reports

<i>G. Shukova, S. Artemenkov</i> Methodological issues of modern foreign perception psychology	10
<i>E. Belinskaya, D. Frantova</i> Activity in the virtual interaction as a factor of identity construction by social networks users, intergenerational differences	28
<i>E. Dubovskaya, A. Kochetkova</i> Gender peculiarities of interpersonal communication in adolescence	44
<i>O.V. Gavrichenkova, T.D. Martsinkovskaya, V.R. Orestova</i> The language of cinema in modern culture	58

Empirical Research

<i>T. Shevelenkova, M. Kazantseva, A. Konovalova</i> Experience of the own existence within the hospital walls as a factor of compliance and re-hospitalization of patients suffering from paranoid schizophrenia	73
<i>N. Fedunina, G. Bannikov, O. Vikhristyuk</i> Association of family cohesion and adaptation on FACES-3 scale with correlates of suicidal behaviour in adolescence	95
<i>E. Zhukova</i> Potentialities and limits in the competitive forms of identifying giftedness	121
<i>O. Grebennikova</i> Social identification of modern teenagers and young men	134

Works of Young Scientists

E. Maximova
The ratio of structural components of the emotional intelligence
and empathy in adolescents 148

A. Karabanov
Modern trends in the study of affective mechanisms
of decision-making 167

От редактора

Уважаемые коллеги, вашему вниманию представляется 3-й номер Вестника РГГУ «Психология. Педагогика. Образование» с новой редакционной коллегией и с новым оформлением, соответствующим международным и ВАКовским стандартам.

Мы стараемся сделать наш журнал более интересным и разнообразным, включая в него статьи по разным проблемам психологии и образования, а также эмпирические работы и тематические сообщения известных ученых и молодых исследователей.

В данный номер вошли статьи, посвященные актуальным проблемам современной психологии восприятия, гендерной идентичности и представлений об окружающем мире подростков и юношей, информационной социализации факторов, определяющих процесс принятия решений. Не менее важными и значимыми для современной психологической науки являются проблемы психического и психологического здоровья, а также связанные с ними вопросы диагностики психического состояния детей и мотивов добровольного обращения за помощью психически больных людей.

Эмоциональное развитие детей, особенно одаренных детей и подростков, занимает в настоящее время одну из центральных позиций в исследованиях многих ученых, а потому закономерным является появление статей, посвященных данной проблематике на страницах нашего вестника.

Тематические сообщения

Г.В. Шукова

Психологический институт РАО

С.Л. Артеменков

Московский государственный психолого-педагогический университет

G.V. Shukova

Russian Academy of Education Psychological Institute

S.L. Artemenkov

Moscow State University of Psychology and Education

Методологические проблемы
современной зарубежной психологии восприятия

Methodological issues of modern foreign
perception psychology

В работе выделены актуальные методологические вопросы современной зарубежной психологии восприятия, связанные с наличием дивергентных и конвергентных тенденций развития исследований и онтологизацией предмета исследования. Показана современная «перцептивная» специфика неуклонно нарастающей в последние 2–3 десятилетия тенденции к формированию онтологических исследовательских подходов. Интенсивные методологические поиски ведутся здесь в двух направлениях: в отношении предмета исследования и в отношении его объекта. Онтологизация предмета психологического перцептивного исследования имеет своей целью выявление природных принципов организации психической реальности, что позволяет открывать все более глубокие и существенные уровни организации психической реальности. На основе обширного эмпирического материала констатируется стойкий интерес к фундаментальному исследованию «новой» перцептивной реальности как одному из вариантов развития современного научного познания. Выделены отрицательные стороны онтологизации, провоцирующие существенные искажения общей картины объекта или предмета исследования. Обсуждаются актуальные вопросы сопоставимости эмпирических

© Шукова Г.В., Артеменков С.Л., 2017

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-06-00574.

данных разных исследований; современные интерпретационные модели перцептивной эмпирики – доминирующий сегодня байесовский подход, а также гештальттеоретические модели и энактивистский подход (подход «постановления», по-русски). Желательность принципиального обновления содержания предмета исследования перцепции осознается, судя по литературе, достаточно четко. Несмотря на огромную историю анализа феномена «восприятие» в философии и науке, сегодня наблюдаются новые попытки его экспликация, акцентирующие те аспекты перцептивной процессуальности, что актуальны на современном уровне познания. Представлены новые методологические решения в исследованиях классической перцептивной проблематики.

Ключевые слова: методология, метод, восприятие, перцептивные исследования, когнитивизм, байесовский подход, гештальттеория, постановление, форма познания.

The work highlights current methodological issues of modern foreign psychology of perception, associated with the presence of divergent and convergent trends in the development of research and ontologization of the subject of research. The modern “perceptual” specificity of the tendency to the formation of ontological research approaches is shown. This tendency has been growing steadily for the last 2–3 decades with intensive methodological searches being conducted in two directions: in relation to the subject of research and in relation to its object. Ontologization of the subject of psychological perceptual research is aimed at revealing natural principles of the organization of mental reality, which allows researchers to discover ever deeper and more essential levels of the organization of psychic reality. On the basis of extensive empirical material, there emerges an ascertaining of a strong interest in the fundamental study of the “new” perceptual reality as one of the options for the development of modern scientific knowledge. Some negative aspects of ontologization were singled as causing significant distortions in the overall picture of the object or subject of research. Topical issues of comparability of empirical data from different studies are discussed; modern interpretation models of perceptual empiricism – the Bayesian approach that dominates today, as well as the Gestalt theory and the approach of Enactivism, for which it is proposed to use the Russian term “Postanovlenie”. The desirability of a principled renewal of the content of the subject of perceptual research is, judging from the literature, quite clearly understood. Despite the huge history of the analysis of “perception” phenomenon in the philosophy and science, today there are new attempts to explicate it, accentuating those aspects of perceptual processes that are relevant to the modern level of cognition. New methodological solutions are presented in studies of classical perceptual issues.

Keywords: methodology, method, perception, perceptual research, cognitivism, Bayesian approach, gestalt theory, enactivism, form of cognition.

Введение

Методологические вопросы исследования перцепции имеют непреходящую актуальность, а в исторической специфичности их содержания отражаются исследовательские тренды, характерные для тех или иных этапов развития науки. Современная психология восприятия, как и во многом психология в целом, характеризуется множественностью исследовательских позиций и подходов, теоретические основания которых часто слабо связаны между собой или даже конфликтуют. Вместе с тем, методологическая раздробленность соседствует сегодня с противоположными тенденциями объединения исследований восприятия под «знаменами» когнитивизма, гештальтпсихологии и т. п. Существенное место в развитии экспериментальных исследований занимают требования их общей объективности. Наблюдается движение к онтологизации, комплексности и междисциплинарности исследовательских схем и активное использование современных технологических возможностей в развитии классических методов исследования. В целом в современной зарубежной психологии восприятия имеет место ряд важных тенденций, которые нуждаются в экспликации и анализе, чему и посвящена настоящая статья, рассматривающая методологические вопросы перцептивных исследований.

Дивергентные и конвергентные тенденции

Современный этап развития психологической науки характеризуется большим многообразием исследовательских подходов и методов, разветвлением и раздроблением направлений исследований, основанных на большом разнообразии различных концепций и теорий. По всей видимости, это связано с постоянным расширением проблематики науки и всё более узкой специализацией ее направлений. Возможности науки в поиске закономерностей действительности ограничены, в частности, ее практикой, и появление новых подходов в существенной мере связано с расширением инструментальной экспериментальной базы науки. Во главу угла (в связи с влияниями хорошо забытого старого) встали представления о поэзийности – сотворении, что выражается в расширении контекста изучаемых явлений и процессов, в множественности понятий и т. п. Методологически это выражается в переходе от позиции абсолютного внешнего наблюдателя к «участной» динамической позиции, включенности в исследуемый процесс. Эта новизна методологии во многом является общенаучной, а не только психологической. На

практике это, однако, часто выражается в попытках контролировать все большее количество качественно разных факторов без изменения позитивистской экспериментальной схемы, традиционно признаваемой в качестве экспериментального стандарта.

Вместе с тем кроме дивергентных тенденций в современной психологической науке наблюдаются и интеграционные процессы – объединение исследований сходной направленности. Одним из важных достижений второй половины XX – начала XXI в. явилась когнитивная идея, объединившая все психические процессы, имеющие познавательную направленность, в единую сферу когнитивной психологии и в целом когнитивной науки. Эта сфера включает междисциплинарные исследования познания, понимаемого как совокупность процессов приобретения, хранения, преобразования и использования знаний живыми и искусственными системами (Фаликман, 2014).

Как известно, объединяющая сила когнитивного направления связана с возникновением и развитием информационного подхода и вычислительных технологий, а также с интеграцией знаний, накопленных разными науками. В методологическом плане важным фактором формирования и развития когнитивного направления стала возможность построения информационных моделей изучаемых процессов и их экспериментальной проверки. Теоретико-когнитивное и компьютерное моделирование в этом плане является важной составляющей когнитивного подхода и существенной основой его результативности. В связи с этим информационно-процессуальный подход можно считать метатеорией когнитивного направления: когниция здесь равна координированному взаимодействию активных ментальных процессов внутри многокомпонентной системы памяти.

В контексте когнитивного подхода перцептивные процессы были включены в общий строй психических процессов, связанных с человеческим познанием и его спецификой. В результате центр тяжести перцептивных исследований во многом сместился в область взаимодействия перцепции с другими познавательными процессами, вниманием, мышлением и др. В частности, одно из определяющих мест занял и до сих пор занимает вопрос о моделировании процесса сенсорной категоризации. Современная исследовательская проблематика здесь включает, например, вопросы существования единой модели сенсорной категоризации для всех модальностей восприятия, учета влияния окружения и контекста в этом процессе, его (контекста) идентификации и измерения, связи сенсорной категоризации с кросскультурными различиями, мультимодальных

связей категорий, вопросы о примитивах, прототипах и перцептивных пространствах сенсорных категорий, их связи с различными концептами, другими конструктами и т. д. (Jraissati, 2014).

Кроме когнитивизма, в перцептивной науке можно выделить ряд других исследовательских подходов, разрабатывающих сенсорные модели и принципы их создания. В основе различных сенсорных моделей лежат базовые понятия и объяснительные принципы, которые, по выражению Выготского, «выводят нас за пределы данной науки и заставляют находить место данной области явлений в более обширном круге явлений» (Выготский, 2003, с. 50). В когнитивной психологии одно из важных процессуальных представлений связано с взаимодействием в восприятии восходящих и нисходящих информационных потоков. Для описания процессов используются структурообразующие принципы гештальтпсихологии, математика пространственно-временного распространения вероятностей и ряд других.

В методологическом плане важной чертой новизны теоретического подхода можно считать то, что новая концептуальная модель позволяет предвосхитить новые явления или факты, которые не были актуальны ранее, и получить затем соответствующие экспериментальные свидетельства. Так, например, когнитивная модель восприятия Найссера позволила выявить эффекты избирательности зрительного восприятия и внимания, а теория постановления (о которой будет сказано ниже) фактически послужила толчком к обнаружению и исследованию явлений слепоты к изменениям. Существенной является также возможность правильно предсказывать результаты экспериментов по восприятию (например, см.: Артеменков, 2010).

Онтологизация исследований

В научном познании под онтологизацией понимается процесс приведения теоретической модели системы или процесса в некоторое устойчивое представление, которое определяется как онтологизированный образ. Необходимость онтологизации результатов научной теории объясняется, во-первых, требованиями упрощения сложных явлений или процессов при существовании проблемы понимания сложного научного знания, во-вторых, важностью разработки методологии внедрения результатов научной теории в практику (Рахматуллин, 2014). При недостаточности или частичности знаний о сути исследования под онтологизацией понимается процесс его определения в рамках тех представлений, которые имеются в данный момент,

т. е. объект объявляется тем, что о нем сейчас думают на основе проводимых исследований.

Неуклонно нарастающие в последние 2–3 десятилетия тенденции к формированию онтологических исследовательских подходов имеют в современной психологии восприятия следующую специфику. Интенсивные методологические поиски ведутся здесь в двух направлениях: в отношении предмета исследования и в отношении его объекта. С одной стороны, онтологизация предмета психологического перцептивного исследования имеет своей целью выявление природных принципов организации психической реальности. Трансформация предмета перцептивного исследования в сторону акцентирования его бытийности является эффективным средством повышения онтологической корректности психологического знания в плане соответствия данных психологической науки изучаемой ею жизни. Это позволяет открывать все более глубокие и сущностные уровни организации психической реальности. С другой стороны, в современной психологии восприятия накоплен обширный эмпирический материал, позволяющий констатировать стойкий интерес к фундаментальному исследованию «новой» перцептивной реальности как одному из вариантов развития современного научного познания. А именно, актуальная задача поиска возможностей анализа активности индивида в естественных условиях получила свое решение в области психологии восприятия в виде формирования особого исследовательского направления, в котором в качестве объектов фундаментального психологического исследования используются «естественные процессы». Строгое изучение восприятия реальных стимулов («real-world stimuli») позволяет увидеть новые – не фиксировавшиеся ранее – перцептивные закономерности и тем самым поставить новые исследовательские задачи в отношении целостности восприятия и его природной сообразности (см. подробнее: Шукова, 2016).

Так, например, в ходе лабораторных исследований того, как крысы научаются проходить лабиринт, долгое время не удавалось выявить те способности к научению, которые обнаруживают эти животные в естественной среде. Точно так же исследование памяти у человека путем предъявления списков бессмысленных слогов немногим способствовало объяснению того, как происходит обучение в школе или осуществляется запоминание в повседневных условиях.

Иными словами, искусственная ситуация, создаваемая в эксперименте, может в решающих отношениях отличаться от реального мира, что приведет к результатам, иррелевантным по отношению к исследуемым феноменам. Отсюда возникает требование прибли-

жения эксперимента к естественным условиям жизнеобитания, что, в частности, можно обозначить термином «экологической валидности» исследования, который был предложен Брунsvиком еще в середине прошлого века, и это есть один из аспектов онтологизации. Гораздо более важно, что стремление к повышению «онтологичности» исследования перцепции невозможно без переосмысления его предмета, о чем говорилось выше.

К слову, когда речь идет об изучении перцептивной системы человека, очень трудно рассчитывать на предложения по расширению объектного пространства науки. Но современной психологии восприятия это удалось: показано, что «мышь могут быть полезны для изучения фундаментальных свойств нервной зрительной системы» (Okuyama-Uchimura, Komai, 2016, p. 315). Сегодня установлено, что мышь не только могут воспринимать довольно сложные фигуры в различных контекстах, например, в когнитивных или социальных, но они способны даже к восприятию визуальных иллюзий, т. е. их зрительная система имеет ресурсы «компенсации недостатка визуальной информации в сжатых 2D-изображениях на сетчатке» (Ibid.). Мышь тренировали соответствующим образом реагировать (на мониторе с сенсорным экраном) на представленную искаженно (иллюзорно) прямоугольную фигуру, с чем мышь справились, продемонстрировав в различных экспериментальных условиях разнообразные эффекты восприятия: от высокой эффективности до дефицитарности.

В то же время онтологизация имеет и отрицательные стороны и может приводить к существенным искажениям общей картины объекта или предмета исследования. Онтологизация исследований способствует образованию упрощенных концептуальных моделей, которые могут быть связаны с определенным рядом системных представлений, приводящих к методологическим ошибкам: 1) суждение о причинах функционирования открытой системы или части большей системы на основе свойств закрытой системы и ее собственных автономных характеристик, т. е. фактически независимо от внешних воздействий; 2) использование упрощенных математических концепций в качестве нормы при рассмотрении сложного многообразия психологического поведения; 3) представление внутренних процессов по внешним функциям и проявлениям; 4) недоучет возможностей обучения, самоизменения и саморазвития и др.

Один из примеров негативного влияния онтологизации при рассмотрении условий и явлений восприятия относится к некорректному применению положений теории вероятностей (см. подробнее: Артеменков, 2014).

Принципиальные вопросы моделирования процессов восприятия

Вопросы сопоставимости эмпирических данных разных исследований актуальны сегодня в психологической науке в целом, и психология восприятия не составляет исключения. Иллюстрирует этот тезис исследование восприятия константности цвета у животных разных видов. Феномен константности цвета показан не только для человека, но и для многих животных. При этом если на уровне человека данный феномен давно и подробно исследуется количественными методами, то в отношении животных такие исследования были проведены только для золотых рыбок и медоносных пчел. В недавнем исследовании к рыбкам и пчелам добавилась курица. Птиц обучали различению цвета и тестировали в условиях измененного освещения с целью определить максимально возможный интервал освещенности, в котором цвет оставался константным. Показано, что константность цветовосприятия зависит от величины различий между цветами, используемыми в задаче различения, процедуры обучения и длительности периода адаптации кур к новым условиям освещения, в которых они решали тестовую задачу. Эти результаты были сравнены с литературными данными о константности цвета у золотых рыбок и пчел, полученными в исследовании, организованном по той же методической схеме. Обнаружилось, что куры могут компенсировать бóльшие изменения освещенности, чем рыбы и насекомые. «Будущие исследования по стабильности цветовосприятия у животных могли бы использовать аналогичный подход для обеспечения возможности сравнения видов и популяций» (Olsson et al., 2016).

Что касается вопросов интерпретации экспериментальных данных когнитивных исследований, то проблематика выбора и обоснования объяснительных принципов является здесь одной из самых популярных. В основном обсуждаются стандартные вероятностные и Байесовские вероятностные модели познания, причем в отношении обеих констатируется определенная степень разочарования в их объяснительных возможностях в отношении, прежде всего, функционирования психики в условиях неопределенности. Вопрос о системе принципов объяснения психики и поведения остается открытым; при этом совершенно определенно констатируется актуальность разработки адекватного реальности варианта такой системы.

Байесовский подход

Доминирующей сегодня интерпретационной моделью перцептивной эмпирики является теория вероятностей Байеса, так называемый «Bayesianism». «Если вы считаете, что “Bayesianism” призван быть теорией восприятия, вы не одиноки» (Koenderink, 2016, p. 251), особенно это касается науки о зрении, которую в последнее время во многом можно назвать байесиановской наукой. Согласно данному подходу, человеческое восприятие функционирует как система статистических выводов на основе зашумленных и неоднозначных сенсорных входов. Идентифицированы соответствующие нейронные механизмы оценки неопределенности, которые могут лежать в основе таких вероятностных вычислений.

Применение данного вероятностного подхода позволяет моделировать и оценивать шансы возможных состояний и действий субъекта на основе известных и предполагаемых базовых и условных вероятностей предполагаемых событий. Однако вероятностное моделирование субъекта, в частности, его перцептивных состояний или действий, предполагает некоторое предварительное знание о процессах восприятия и структуре воспринимаемого мира уже до того, как они будут реально узнаны. Поэтому байесианизм не может рассматриваться как полностью адекватный инструмент изучения восприятия. Автор цитируемой работы квалифицирует свой вывод как «конец интересной идеи», выражая надежду на неисчерпаемые возможности научного поиска и появление новых вычислительных возможностей в области изучения восприятия (Ibid.).

«Хотя рациональные модели познания весьма распространены и достигли больших успехов, они основаны на законах классической теории вероятностей, а человеческий разум не всегда соответствует этим законам. По этой причине в последнее время наблюдается появление моделей, основанных на альтернативных вероятностной логике принципах квантовой физики. Эти квантовые модели дают надежду на объяснение тех когнитивных явлений, моделирование которых в парадигме классической теории вероятностей оказалось неудовлетворительным» (Bruza et al., 2015, p. 383).

Гештальттеоретические модели

Сегодня многие исследователи в понимании того, как может работать восприятие, руководствуются гештальтпсихологическим подходом. Объяснительные принципы пространственно-временной группировки элементов изображений до сих пор

служат важным методологическим средством понимания организации и функционирования иерархии первичных областей зрительной коры головного мозга, а также для понимания многих явлений восприятия, например, зрительных эффектов прайминга и краудинга (Herzog et al., 2015).

Теория перцептивной организации на основе гештальтпсихологического принципа минимума (простоты) (Helm, 2014; Leeuwenberg, Helm, 2013; Wagemans, 2015) предлагает свою систему кодов описания визуальной стимуляции, наследуя феноменологической традиции гештальтпсихологии, не самой непопулярной в современной науке. Тем не менее современными адептами гештальтподхода, для которых «формирование гештальта является ключевым моментом деятельности мозга» (Wagemans, 2015, p. 225), показано множество воспроизведений принципа простоты в ряде конкретных перцептивных процессов (например, в восприятии формы, перцептивной неоднозначности, отношений части и целого, симметрии и т. д.). Стоит отметить, что данное «гештальтпсихологическое возрождение» является редким сегодня примером радикального теоретико-методологического поиска в области исследования перцепции.

Подход постановления

«В настоящее время в когнитивной науке мы наблюдаем “прагматический поворот” от традиционного представления о ее предмете к пониманию познания как специальной деятельности, которая направлена на воплощение (“заземление”) в окружающей действительности» (Engel et al., 2013, p. 202), которая осуществляется, прежде всего, для того, чтобы осуществилось действие. В этой новой – «поворотной» – парадигме энактивизма основная задача когнитивной сферы понимается отнюдь не как создание репрезентативной модели мира, а как всецелотелесное изменение и обеспечение сенсоромоторных условий осуществления конкретных («реальных», «живых») действий.

«Соответственно, когнитивные процессы и обеспечивающая их нейронная активность должны быть изучены, прежде всего, в отношении их роли в производстве действия» (Ibid.). Иными словами, исследование взаимосвязи когнитивной и моторной сфер на отвечающем требованиям экологичности материале конкретных действий – это новая «концептуально жизнеспособная и уже поддержанная большим количеством экспериментальных данных»

(Ibid.) перспектива повышения репрезентативности нейро- и когнитивной науки.

В анализе восприятия с позиций энактивизма и теории «постановления» делается акцент на том, что восприятие не производит репрезентации или схемы «предвосхищения», а «постановляется» («разыгрывается») как спектакль, смысл которого может быть понят только во всей целостности динамики его действия. В когнитивном представлении о восприятии это означает единство как перцептивного цикла (Найссера), так представления о его внутреннем автономном замыкании внутри организма. Ключевым при этом является понимание важной роли сенсомоторных навыков, посредством которых можно пытаться объяснить, почему возможно восприятие элементов окружения, не охваченных вниманием и не представленных в непосредственном восприятии. Перцептивный мир присутствует в целостности в том смысле, что у субъекта восприятия есть к нему особый доступ, контролируемый хорошо субъекту знакомыми паттернами сенсомоторной зависимости (Ноэ, 2014).

Существенной поддержкой этого подхода явилось экспериментальное открытие двух разных путей прохождения процессов восприятия (Goodale, Humphrey, 1998), в частности для зрительной и слуховой модальностей. Например, зрительные пути обрабатывают информацию о структуре объектов и их пространственном расположении, завися при этом от направленности внимания. Однако каждый путь обработки информации использует первичные зрительные данные разным образом. Вентральный тракт, в современном представлении о работе зрительной системы, трансформирует зрительную информацию в перцептивные представления, которые воплощают устойчивые характеристики объектов и их отношений. Эти представления дают возможность идентифицировать объекты, присваивать им значения и значимость, а также устанавливать причинные связи между ними, т. е. осуществлять операции, необходимые для знания о мире.

В противоположность этому преобразования, осуществляемые дорсальным трактом, имеют дело с меняющейся информацией о местоположении и расположении объектов по отношению к исполнителю и тем самым опосредуют зрительный контроль движений, направленных на эти объекты. Можно сказать, что зрение, которое поддерживает осуществление моторных действий, не формирует собственных сознательных образных представлений и здесь сознание может быть ориентировано только на восприимчивость к эффектам телесных изменений и динамику «схватыва-

емости» различных свойств в процессе возбуждения внимания наблюдателя.

Оба тракта при этом работают вместе в обеспечении адаптивного поведения. Выбор соответствующих целевых объектов и действий, которые должны быть выполнены, зависит от перцептивной «механики» вентрального тракта, но выполнение целенаправленных действий осуществляется с помощью специализированной интерактивной системы контроля дорсального тракта. В одном из исследований эта позиция резюмирована следующим образом:

Мы должны рассматривать модель не как формальную гипотезу, но как набор эвристик для руководства экспериментом и теорией. Разнообразные информационные требования визуального распознавания и руководства действиями по-прежнему предлагают убедительное объяснение для широких относительных специализаций и дорсального и вентрального нервных путей. Тем не менее, для достижения прогресса в области, нам, возможно, придется отказаться от идеи, что эти пути работают в основном независимо друг от друга, и обратиться к нахождению динамических деталей того, как многие визуальные области мозга организуют себя от задачи к задаче в новые функциональные сети (McIntosh, Schenk, 2009).

Здесь налицо и отмеченные ранее методологические тренды – онтологизация, междисциплинарность, повышение достоверности результатов исследования. При этом следует отметить, что в подходе постановки задачи сделана попытка выйти за пределы рассмотрения процессов восприятия в субъектно-объектной парадигме и по-новому решить методологическую задачу, трактуемую как запрос на радикально новые решения. В частности, этот подход кардинальным образом выступает против известной доктрины нейронных коррелятов сознания и характеризуется динамической позицией исследователя как наблюдателя (Varela et al., 1991), что роднит этот подход с подходом трансцендентальной психологии восприятия, развитой А.И. Миракяном (Артеменков, 2010; Шукова, 2013).

Восприятие как форма познания

Желательность принципиального обновления содержания предмета исследования перцепции осознается, судя по литературе, достаточно четко. Несмотря на огромную историю анализа феномена «восприятие» в философии и науке, мы и сегодня мо-

жем наблюдать новые попытки его экспликации, акцентирующие те аспекты перцептивной процессуальности, что актуальны на современном уровне познания. «Что есть восприятие как форма познания?» – решение этого, судя по всему, «вечного» вопроса осложняется сегодня необходимостью своеобразного синтеза гносеологии и онтологии, исходя из осознания огромной широты обсуждаемого феномена, охватывающего пространство от «простого» восприятия, например, формы или цвета до «сложных» социокультурных умозаключений.

Именно поэтому весьма характерно, что сегодня разговор о сущности восприятия зачастую сводится к попыткам определения специфики разных «восприятий» и ее терминологической констатации. Так, различия между такими понятиями, как «непосредственное восприятие перцептивного знания/опыта» и «непосредственное эмпирическое восприятие» позиционируется в области самодостаточности (*self-justifying*) первого и нескончаемой динамичности второго (Church, 2013, p. 25). На это дискуссирующий автор замечает, что ему как исследователю перцепции понятен (причем понятен во многом интуитивно по причине отсутствия сегодня в науке исчерпывающих дефиниций) смысл второго понятия, чего нельзя сказать в отношении первого (Tyler, 2014, p. 353).

Это пример типичной современной дискуссии в области теории и методологии восприятия. Причем ее типичность двояка: с одной стороны, любые эпистемологические рассуждения о восприятии сегодня неизбежно порождают дискуссию, что объясняется не только постнеклассическим сосуществованием множества конкурирующих исследовательских позиций, но и теоретической неубедительностью предлагаемых решений. С другой стороны, содержание дискуссии в основном ограничивается обсуждением терминологических противоречий. Например, если вернуться к предыдущему абзацу, то упоминаемый в нем дискуссирующий автор, разделяющего разные виды перцепции по критерию самодостаточности и при этом заявляющего, что «самодостаточный характер чувственного познания является тем, что выгодно отличает его от познания нечувственного» (Church, 2013, p. 25), заодно опровергая необоснованность таких заявлений. Их причина видится дискуссирующему в бытующей путанице таких абстракций, как перцептивное заключение, логическое заключение и непосредственное восприятие.

Все, что непосредственно доступно осознанию, называется «восприятие», даже если его источником является логическое заключение о хранящихся в памяти перцептивных образцах (например, таких как видовые свойства треугольников), а не перцептивная информация, поступающая с сенсорного входа (Tyler, 2014, p. 354).

Еще один недопустимый момент, который отмечает дискуссиант – это позиционирование в виде «восприятия» неперцептивных областей психики, таких как «восприятие причин» и «моральное восприятие». Это обыденные речевые обороты, метафоры, но никак не элементы научного «перцептивного» пространства (Tyler, 2014), тем не менее присутствующие в нем на правах полноправной научной терминологии.

Действительно, если просмотреть отечественные публикации на тему «восприятие кино», то в массе своей это будут культурологические, искусствоведческие, историографические, лингвистические, психотерапевтические и психолого-педагогические работы. В них практически не будет анализа собственно перцепции, а «восприятие кино» предстанет как процесс (сознательного или бессознательного) понимания фильма, смыслов визуального текста и их интерпретации. Если перцептивные компоненты кинематографического пространства и попадают в поле зрения российских ученых, то почти исключительно в технологическом и культурологическом ракурсах, психологический же исследовательский контекст остается чаще всего на прикладном уровне. Иными словами, налицо нестрогое использование психологического термина «восприятие», что лишней раз подтверждает актуальность упоминавшейся выше дискуссии J. Church – С. Tyler о содержании этого понятия.

Заключение

В целом сегодня можно выделить следующие основные методологические тренды в развитии психологического исследования восприятия: онтологизация предмета исследования; комплексность и междисциплинарность исследовательской схемы; активное использование современных технологических возможностей в реновации классических методов исследования.

В качестве условий прогресса в обсуждаемой исследовательской области (которая по преимуществу является наукой о зрении) позиционируются следующие моменты:

- множественность теоретических подходов к исследованию восприятия (прежде всего – зрения), с одной стороны, пе-

реживается как постнеклассическая норма, а с другой – не исчезает несбыточная (несбыточная как раз в силу торжества постнеклассичности) мечта о «великой объединяющей теории» (Wagemans, 2015, p. 225) зрения;

– высокий уровень экологической валидности исследования (потому и говорится о разработке, например, «биологически правдоподобных моделей зрительного восприятия» (Carreiras et al., 2014, p. 90));

– появление новых методологических направлений в понимании перцепции. Например, презентирование восприятия через действие как внутреннее, так и внешнее является попыткой выйти из декартовского разделения разум–тело с помощью провозглашения тотальной «порождающий» цикличности, в которой разум и мир неразделимы и «постановляются» в течение истории их взаимодействий (Varela et al., 1991; Ноэ, 2014).

Отечественные исследования перцепции во многом следуют в русле западных тенденций развития исследовательской практики. Вместе с тем в российской науке имеются свои интересные направления исследований восприятия, в том числе развивающие качественно иные методологические подходы (Артеменков, 2017; Шукова, 2013; и др.).

Литература

- Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: Сб. материалов науч. конф. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИТ-СОЦИН, 2010. С. 324–358.
- Артеменков С.Л. Модель сопредставленности для оценки вероятности объединения событий // Моделирование и анализ данных. 2014. № 1. С. 43–54.
- Артеменков С.Л. Структурно-порождающие процессы в психике (тезисы) // Нейрокомпьютеры и их применение: XV Всеросс. науч. конф. М.: МГППУ, 2017. С. 226–227.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2003. С. 41–190.
- Ноэ А. Является ли видимый мир великой иллюзией? // Логос. 2014. № 1 (97). С. 61–78.
- Рахматуллин Р.Ю. Онтологизация как компонент научного познания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): В 3 ч. Ч. 1. С. 160–162.

- Фаликман М.* Когнитивная наука: основоположения и перспективы // *Логос*. 2014. № 1 (97). С. 1–18.
- Шукова Г.В.* Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности // *Гуманитарный вектор*. Серия «Психология и педагогика». 2013. № 1 (33). С. 124–131.
- Шукова Г.В.* Современные исследовательские тенденции в области психологии восприятия [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 50. С. 99. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1352-shukova50.html> (дата обращения: 03.06.2017).
- Bruza P.D., Wang Z., Busemeyer J.R.* Quantum cognition: a new theoretical approach to psychology // *Trends in cognitive sciences*. 2015. Vol. 19. № 7. P. 383–393.
- Carreiras M., Armstrong B. C., Perea M., Frost R.* The what, when, where, and how of visual word recognition. Review // *Trends in cognitive sciences*. 2014. Vol. 18. № 2. P. 90–98. doi: 10.1016 / j.tics.2013.11.005.
- Church J.* Possibilities of perception. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Engel A.K., Maye A., Kurthen M., König P.* Where's the action? The pragmatic turn in cognitive science // *Trends in cognitive sciences*. 2013. Vol. 17. № 5. P. 202–209. doi: 10.1016/j.tics.2013.03.006.
- Goodale M.A., Humphrey G.K.* The objects of action and perception // *Cognition*. 1998. Vol. 67. P. 181–207.
- Helm van der P.A.* Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 424 p.
- Herzog M.H., Sayim B., Chicherov V., Manassi M.* Crowding, grouping, and object recognition: A matter of appearance // *Journal of Vision*. 2015. Vol. 15. № 6. P. 1–18.
- Jrassati Y.* Proving universalism wrong does not prove relativism right: Considerations on the ongoing color categorization debate // *Philosophical psychology*. 2014. Vol. 27 (3). P. 421–424.
- Koenderink J.* To Bayes or not to Bayes ... // *Perception*. 2016. Vol. 45. № 3. P. 251–254.
- Leeuwenberg E., Helm P.A., van der.* Structural information theory: The simplicity of visual form. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 333 p.
- McIntosh R.D., Schenk T.* Two visual streams for perception and action: current trends // *Neuropsychologia*. 2009. Vol. 47 (6). P. 1391–1396.
- Okuyama-Uchimura F., Komai S.* Mouse Ability to Perceive Subjective Contours // *Perception*. 2016. Vol. 45. № 3. P. 315–327.
- Olsson P., Wilby D., Kelber A.* Quantitative studies of animal colour constancy: using the chicken as model [Электронный ресурс] // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2016. doi: 10.1098/rspb.2016.0411. <http://rspb.royalsociety-publishing.org/content/283/1830/20160411> (дата обращения: 13.02.2017).
- Tyler C.* Review: Possibilities of perception by J. Church // *Perception*. 2014. Vol. 43 (4). P. 353–354. <http://journals.sagepub.com/toc/peca/43/4> (дата обращения: 14.02.2017).
- Varela F., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind. Cambridge MA: MIT Press, 1991.

Wagemans J. Review: Structural information theory: The simplicity of visual form, Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization // Perception. 2015. Vol. 44 (2). P. 222–227. <http://journals.sagepub.com/toc/pesa/44/2>. (дата обращения: 13.02.2017).

References

- Artemenkov S.L. Transcendentalnaya psihologiya kak izmenenie obraza myshleniya // A.I. Mirakyan i sovremennaya psihologiya vospriyatiya: sbornik materialov nauchnoy konferencii. M.: URAO "Psihologicheskiiy institute"; Obninsk: IT-SOCIN, 2010. S. 324–358.
- Artemenkov S.L. Model sopedstavlenosti dlya ocenki veroyatnosti obedineniya sobytiiy // Modelirovanie i analiz dannyh. 2014. № 1. S. 43–54.
- Artemenkov S.L. Strukturno-porozhdayuschie processy v psihike (tezisy) // Neyrokomp'yutery i ih primenenie: XV Vserossiyskaya nauchnaya konferenciya. M.: MGPPU, 2017. S. 226–227.
- Vygotskiy L.S. Istoricheskiiy smysl psihologicheskogo krizisa // Psihologiya razvitiya cheloveka. M.: Smysl: Eksmo, 2003. S. 41–190.
- Noe A. Yavlyaetsya li vidimyy mir velikoy illyuziey? // Logos. 2014. № 1 (97). S. 61–78.
- Rahmatullin R.Yu. Ontologizaciya kak komponent nauchnogo poznaniya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 12 (50): v 3 ch. Ch. 1. S. 160–162.
- Shukova G.V. Paradigmalnye izmeneniya v sovremennoy psihologii vospriyatiya: ot psihicheskogo otrazheniya k porozhdeniyu psihicheskoy realnosti // Gumanitarnyy vektor. Seriya "Psihologiya i Pedagogika". 2013. 1 (33). S. 124–131.
- Shukova G.V. Sovremennyye issledovatel'skie tendencii v oblasti psihologii vospriyatiya [Elektronnyy resurs] // Psihologicheskiiye issledovaniya. <http://www.psystudy.ru>. 2016. T. 50. № 9.
- Falikman M. Kognitivnaya nauka: osnovopolozheniya i perspektivy // Logos. 2014. № 1 (97). S. 1–18.
- Bruza P.D., Wang Z., Busemeyer J.R. Quantum cognition: a new theoretical approach to psychology // Trends in cognitive sciences. 2015. Vol. 19. № 7. P. 383–393.
- Carreiras M., Armstrong B.C., Perea M., Frost R. The what, when, where, and how of visual word recognition. Review // Trends in cognitive sciences. 2014. Vol. 18. № 2. P. 90–98. doi: 10.1016/j.tics.2013.11.005.
- Church J. Possibilities of perception. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Engel A.K., Maye A., Kurthen M., König P. Where's the action? The pragmatic turn in cognitive science // Trends in cognitive sciences. 2013. Vol. 17. № 5. P. 202–209. doi: 10.1016/j.tics.2013.03.006.
- Goodale M.A., Humphrey G.K. The objects of action and perception // Cognition. 1998. Vol. 67. P. 181–207.

- Helm P.A., van der.* Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 424 p.
- Herzog M.H., Sayim B., Chicherov V., Manassi M.* Crowding, grouping, and object recognition: A matter of appearance // *Journal of Vision*. 2015. Vol. 15. № 6. P. 1–18.
- Jraissati Y.* Proving universalism wrong does not prove relativism right: Considerations on the ongoing color categorization debate // *Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 27 (3). P. 421–424.
- Koenderink J.* To Bayes or not to Bayes ... // *Perception*. 2016. Vol. 45. № 3. P. 251–254. doi:10.1177/0301006615619309.
- Leeuwenberg E., Helm P.A., van der.* Structural information theory: The simplicity of visual form. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 333 p.
- McIntosh R.D., Schenk T.* Two visual streams for perception and action: current trends // *Neuropsychologia*. 2009. Vol. 47 (6). P. 1391–1396.
- Okuyama-Uchimura F., Komai S.* Mouse Ability to Perceive Subjective Contours // *Perception*. 2016. Vol. 45. № 3. P. 315–327. doi:10.1177/0301006615614440.
- Olsson P., Wilby D., Kelber A.* Quantitative studies of animal colour constancy: using the chicken as model [Электронный ресурс] // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2016. doi: 10.1098/rspb.2016.0411. <http://qoo.by/2ct4>
- Tyler C.* Review: Possibilities of perception by J. Church // *Perception*. 2014. Vol. 43 (4). P. 353–354. doi: 10.1068/p4304rvw. <http://journals.sagepub.com/toc/peca/43/4>.
- Varela F., Thompson E., Rosch E.* *The Embodied Mind*. MIT Press, Cambridge MA, 1991.
- Wagemans J.* Review: Structural information theory: The simplicity of visual form, Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization // *Perception*. 2015. Vol. 44 (2). P. 222–227. doi:10.1068/p4402rvw. <http://journals.sagepub.com/toc/peca/44/2>.

Сведения об авторах

- Шукова Галина Валерьевна* – кандидат психологических наук, первый заместитель директора, Психологический институт РАО, shookova@yandex.ru
- Артеменков Сергей Львович* – кандидат технических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет, slart@inbox.ru

About authors

- Shukova Galina V.* – Ph.D. in Psychology, first deputy director, Russian Academy of Education Psychological Institute, shookova@yandex.ru
- Artemenkov Sergey L.* – Ph.D. in Engineering, professor, Moscow State University of Psychology and Education, slart@inbox.ru

Е.П. Белинская
МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.К. Франтова
Психологический институт РАО

E.P. Belinskaya
Lomonosov Moscow State University
D.K. Frantova
Russian Academy of Education Psychological Institute

Активность в виртуальном взаимодействии
как фактор конструирования идентичности
пользователями социальных сетей:
межпоколенные различия

Activity in the virtual interaction as a factor
of identity construction by social networks users,
intergenerational differences

В статье рассматриваются закономерности конструирования человеком идентичности в пространстве социальных сетей. Для структурирования имеющихся эмпирических данных используется классическая концепция самопрезентации И. Гофмана, на основе которой выделяются три основных фактора, потенциально влияющих на характер виртуальной самопрезентации: 1) количественные и качественные особенности аудитории; 2) личностные характеристики пользователя; 3) специфика активности пользователя во взаимодействии со своей аудиторией. Отмечается недостаточная изученность последнего фактора. Проведенное эмпирическое исследование посвящено сравнительному анализу активности в виртуальной коммуникации и особенностей построения виртуальной самопрезентации у пользователей разных возрастов (младшие и старшие подростки, пользователи среднего возраста, всего 126 респондентов). Отмечается, что межпоколенные различия в виртуальной активности определяют специфику виртуальной самопрезентации. Преимущественная ориентация пользователей среднего возраста на информативность виртуального взаимодействия,

© Белинская Е.П., Франтова Д.К., 2017

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00161
«Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

стремление к расширению контактов в социальных сетях, предпочтение информационно интересных партнеров по виртуальной коммуникации задает большую информационную насыщенность их собственного виртуального образа, его преимущественное «текстовое» выражение, содержание которого строится как развернутый аналог реальной идентичности. В то же время характерная для подросткового возраста ориентация на межличностное доверительное взаимодействие определяет предпочтение ими знакомых по реальному общению партнеров, стремление к получению эмоциональной поддержки и итоговую зависимость их виртуального Я от характера получаемой обратной связи от партнеров по виртуальному взаимодействию. Наблюдаемое сходство между всеми подгруппами респондентов касается табуированных для виртуального взаимодействия тем: проблем в личной жизни, политики и религии.

Ключевые слова: социальные сети, виртуальное взаимодействие, конструирование идентичности, виртуальная самопрезентация.

The article considers regularities of the construction of human identity in the space of social networks. For structuring existing empirical data they use a classical concept of self-presentation by I. Hoffmann, on the basis of which one may identify three main factors potentially influencing the nature of virtual self-presentation: 1) quantitative and qualitative characteristics of the audience; 2) personal characteristics of the user; 3) the specificity of activity of the user in interaction with his audience. There is insufficient knowledge of the latter factor. The empirical study is devoted to a comparative analysis of the activity in virtual communication and specific features of the design of virtual self-presentation among users of different ages (younger and older teenagers, users in middle age, total 126 respondents). It is noted that inter-generational differences in virtual activity define the characteristics of virtual self-presentation. The average age users preferred orientation on the informativeness of virtual interaction, the desire to expand contacts in social networks, preference for informationally interesting partners in virtual communication sets the higher informative saturation of their own virtual image, its primary “text” of the expression, which content is constructed as a detailed analogue of a real identity. At the same time, the adolescence orientation to interpersonal trust interaction determines their preference for partners acquainted in the real communication, the desire to obtain emotional support and final dependence of their virtual self on the nature of resulting feedback from partners in the virtual interaction. The observed similarity of all sub-groups of respondents for taboo subjects of virtual interaction like his personal life problems, politics and religion.

Keywords: social networking, virtual interaction, constructing the identity, a virtual self-presentation.

Тема конструирования пользователем своей идентичности в пространстве интернет-коммуникации, его виртуальной самопрезентации, является одной из традиционных проблематик в этой, достаточно недавно сформировавшейся, области психологических исследований. Возникнув еще в конце 90-х гг. прошлого столетия, она сразу же соединила в себе крайне амбивалентные оценки: от оптимистичных – в силу практически безграничных возможностей самоконструирования в условиях анонимности и удаленности коммуникации, до пессимистичных – в силу объективной невозможности проверки степени реалистичности и адекватности данного самоконструирования, как правило, в силу тех же коммуникационных особенностей (Войскунский и др., 2013). Во многом в зависимости от данных оценок реальность личностного бытия современника мыслилась или как множественная и бесконечно изменчивая, или же как абсолютный симулякр, не имеющий «укорененности» ни в чем, кроме как в непосредственном и сиюминутном пространстве коммуникации.

Данная тема и сегодня находится в центре внимания исследователей, хотя интерес к ней несколько видоизменился с начала 2000-х гг. в связи с появлением социальных сетей. Изначально, когда интернет-технологии только входили в повседневность, предполагалось, что виртуальные образы себя (или виртуальные личности) будут достаточно сильно отличаться от создавших их реальных персонажей. В результате виртуальная идентичность мыслилась в основном как нечто компенсаторное по отношению к реальной идентичности пользователя (Белинская, 2016). Но социальные сети не только дали каждому человеку принципиально новые формы представления себя в виртуальном пространстве, – их формат исходно предполагал максимальную приближенность создаваемого виртуального образа к реальной личности. Так, аккаунты пользователей апеллируют к информации из реальной жизни человека (требования к указанию даты рождения, мест работы или учебы и пр.), к кругу его реальных знакомств (друзей и родственников), предполагают предъявление фото- и видеоконтента, так или иначе связанного с теми событиями, которые происходят в мире оф-лайн. Также, что немаловажно, в формате социальных сетей постоянно присутствует аудитория (виртуальные друзья), которые прямо или косвенно могут подтвердить достоверность предоставляемой информации: отмечая друг друга на общих фотографиях, делаясь воспоминаниями о совместных действиях, вступая в дискуссии и т. п. В итоге превращение подобного варианта самопрезентации в повседневную необходимость для все большего

и большего количества людей, умноженное на расширение чисто технических возможностей виртуального взаимодействия, снизило полемичность футуристических прогнозов и амбивалентность исследовательских интерпретаций, уступив место констатациям эмпирических закономерностей. Итак, каковы же на сегодняшний день известные факторы, влияющие на характер самопрезентационной активности пользователя социальных сетей Интернета? Прежде чем обратиться к данному вопросу, отметим некоторые общие закономерности конструирования виртуального образа Я.

Конструирование Я в социальных сетях

С одной стороны, очевидно, что самопрезентация пользователя в социальных сетях в определенной степени является тем же процессом самопрезентации, который был описан еще в классических теориях самопрезентации в контексте реального взаимодействия. Однако, с другой стороны, существенна осознанность и произвольность данного феномена по сравнению с традиционным очным взаимодействием (Buffardi, Campbell, 2008). Пользователи социальных сетей имеют почти полный контроль над разглашением личных данных, что обеспечивает им контроль и над самим процессом конструирования виртуальной идентичности. Данный контроль подкрепляется также отсроченностью взаимодействия в социальных сетях, что связано не только с особенностями самого интернет-пространства, но и зависит от активности самого пользователя: частоты просмотра и обновления своей информационной ленты, а также возможности коррекции и удаления личного контента. Подобные системы коммуникации, которые характеризуются самостоятельностью, горизонтальностью, интерактивностью и возможностью преобразования контента в рамках инициативы самого индивида, обеспечивают наилучшую форму выражения человеком культуры сетевого индивидуализма (Кастельс, 2016). В частности, пользователь получает возможность представлять различные идентификаторы его личности как в истинном свете, так и в некотором «камуфляже». Так, например, культура социальной сети Facebook поощряет пользователей представлять достоверную информацию о себе (Herring, Kapidzic, 2015), вследствие чего пользователи стремятся демонстрировать свою «настоящую личность» через легко проверяемую социоролевую информацию и личные фотографии (Zhaoetal., 2008). Несмотря на то что это в какой-то мере может ограничивать пользователей в их возможности экспериментировать со своей идентичностью в сети, они по-преж-

нему могут управлять личным профилем, с целью создания определенного впечатления о себе: например, через количество друзей (Ellison et al., 2007), списки интересов, фотографии, отражающие те или иные предпочтения, увлечения, характеристики личности и т. д. (Liu, 2007). При этом ряд исследователей отмечает, что доступность личной информации, размещенной в профилях пользователей, для других участников социальной сети способствует усилению взаимодействия между ними (Ali Alassiri et al., 2014), ведя, в свою очередь, к более активному самоконструированию.

Что же касается факторов, влияющих на процесс «представления себя другим» в повседневности виртуального взаимодействия, то, с нашей точки зрения, в целом их можно рассмотреть как некоторую триаду, – по аналогии с традицией изучения «реальной» самопрезентации (Гофман, 2000). А именно, во-первых, – как характеристики аудитории, т. е. тех, для кого конструируется Я-образ; во-вторых, – как характеристики «актера», т. е. того, кто конструирует Я, самопрезентируется, играет некую роль и т. п., и, в-третьих, как особенности непосредственно «перформанса», т. е. самого взаимодействия человека и аудитории, для которой строится управляемый образ Я. И отметим сразу, что эмпирическая изученность каждого из этих трех элементов на сегодняшний день довольно различна.

Характеристики виртуальной аудитории как фактор самопрезентации

Так, в том, что касается изучения особенностей аудитории, для которой каждый пользователь социальных сетей так или иначе строит свой виртуальный образ, то в центре исследовательского внимания преимущественно оказываются такие две ее характеристики, как размер и многообразие. И это представляется вполне закономерным. Во-первых, именно неограниченность количества потенциальных реципиентов виртуальной самопрезентации делает ее как никогда публичной: в социальных сетях к аудитории может быть причислен любой пользователь Интернета, который имеет возможность просматривать содержимое чужого личного профиля (Rui, Stefanone, 2013). Столь многочисленная аудитория влияет на стратегии представления себя вне зависимости от личностных характеристик самих пользователей: с одной стороны, в целом увеличивает степень самораскрытия, а с другой – задает необходимость большей компенсаторики и защитных тактик самопрезентации. Ведь одним из главных мотивов пользователей для активного включения в социальные сети является простота и доступность в

установлении контактов, или доступность связи (Smock et al., 2011), но в огромной по количеству аудитории одновременно возникает проблема поддержания этих контактов, установление более или менее стабильных отношений. Согласно традиционным теориям самопрезентации, большая аудитория *argiori* требует большего самораскрытия, и существуют эмпирические данные о том, что размер виртуальной аудитории имеет положительную взаимосвязь с уровнем самораскрытия, который определяется как в количестве публикуемого материала, так и качественно – через наличие содержащейся в нем личной информации (Rui, Stefanone, 2013). Но одновременно с увеличением численности аудитории увеличивается и возможное количество получаемой обратной связи, а значит – и вероятность негативных оценок, что, в свою очередь, способствует использованию защитных тактик самопрезентации с целью управления этими оценками. В итоге каждый пользователь при каждой публикации очередного поста постоянно сталкивается с необходимостью как-то ситуативно определять степень собственной откровенности.

Влияние другой объективной характеристики виртуальной аудитории на процесс построения пользователем собственного образа, а именно – ее многообразия, также является предметом современных исследований процесса самопрезентации в социальных сетях. По сути, аудитория любого пользователя представляет собой разнообразные группы, особенностью которых является то, что их пространственно-временные и социальные границы постоянно нарушаются. Таким образом, задача презентации образа Я усложняется, поскольку различные социальные группы очевидно имеют разные ожидания относительно пользователя. Одна из стратегий, применимых в данном случае, состоит в том, чтобы публиковать только ту информацию, которая удовлетворяет ожиданиям всех пользователей, подписанных на данный профиль. Она получила название «наименьшего общего знаменателя» (Hogan, 2010) и направлена на уменьшение количества негативных оценок со стороны аудитории. Позднее были эмпирически подтверждены взаимосвязи между разнообразием аудитории и увеличением доли защитной самопрезентации, предназначенной для контроля влияния негативной обратной связи (Rui, Stefanone, 2013). Также эмпирически установлено, что многообразии аудитории в условиях социально-сетевой коммуникации трансформирует ряд известных закономерностей: так, например, оказалось, что в отличие от реального взаимодействия виртуальная коммуникация в кругу друзей ведет к более скромным стратегиям самоконструирования, а в кругу незнакомцев, напротив, к более раскрепощенным и «самопродвигающим» (там же).

Характеристики пользователя как фактор самопрезентации

Что касается второго фактора, влияющего на процесс создания пользователем своего виртуального образа, – его собственных личностных особенностей, – то он, с одной стороны, гораздо чаще становился предметом исследований, а с другой – его изучение изобилует более противоречивыми данными (Белинская, 2016; Войскунский и др., 2013). Не останавливаясь на этом подробно, подчеркнем следующее.

Исследования виртуальной идентичности активных пользователей на момент своего старта акцентировали преимущественно отличия виртуальной идентичности пользователя от его реальных идентификаций. Исходя из известных технологических особенностей интернет-коммуникации периода конца 90-х – начала 2000-х гг. (а именно – ее анонимности, гипертекстуальности и ограниченности сенсорного опыта), подчеркивалась альтернативность виртуальных Я-образов пользователя, а в качестве характеристик виртуальных идентичностей отмечались бестелесность, редукция человека к текстам как семиотическим манифестациям, расширенные возможности «игры с идентичностью» (Suler, 1997). Повсеместно отмечаемым эмпирическим фактом на тот момент было рассогласование характеристик реальных и виртуальных идентичностей: последние отличались, прежде всего, своей множественностью и изменчивостью. Возможные интерпретации данных особенностей сводились к двум основным вариантам: «компенсаторным» (с этой точки зрения виртуальная идентичность выступала как выражение либо идеализированного Я пользователя, либо как отражение вытесненных его аспектов) и «поисковым» (с этой точки зрения создание виртуальной идентичности подчинено желанию пользователя получить некий новый опыт, что, в свою очередь, рассматривается как самоценное стремление). Сегодня ситуация изменилась: пространство социальных сетей все более и более «снимает» альтернативность виртуального и социального миров в целом, заставляя исследователей обращаться к поиску «общих оснований» виртуальных и социальных идентификаций. И следует отметить, что данный поиск понемногу обретает эмпирические доказательства. Так, исследования последних лет свидетельствуют, что пользователи социальных сетей в основном предоставляют о себе достоверную информацию, и это касается не только формальных социально-демографических характеристик, но и личностных особенностей (Ibid.). А потому, хотя ее отдель-

ные аспекты и могут модифицироваться, можно утверждать, что в целом социальные сети являются на данный момент эффективным ресурсом для выражения реальной идентичности пользователя: в сетевой коммуникации человек конструирует не саму идентичность, а своего рода ее «виртуальную оболочку», являющуюся проекцией реальной идентичности (Back et al., 2010). И в этом смысле «игры с идентичностью» в виртуальном пространстве, вызывавшие исследовательский энтузиазм еще пятнадцать-двадцать лет назад, скорее всего, закончились.

Эмпирическое исследование межпоколенных различий в характере виртуальной активности и самопрезентации в социальных сетях

В том, что касается исследования такого фактора конструирования своего образа, как собственно взаимодействие человека с аудиторией, для которой этот образ и создается, то следует отметить, что он изучен в наименьшей степени. Между тем представляется, что характер активности человека в социальных сетях и специфика его виртуального взаимодействия оказывают неминуемое влияние на особенности конструируемого образа себя: этот образ является, по сути, одним из «продуктов» данной активности, а персональные особенности виртуальной коммуникации (предпочтение большего или меньшего количества партнеров по общению, уровень личного знакомства с ними, степень отсроченности предоставления обратной связи и сама потребность в ней и т. п.) могут определять стратегии виртуальной самопрезентации. Соответственно для эмпирического исследования необходимо было выбрать такие группы пользователей, которые бы исходно отличались по характеру своей активности в социальных сетях. Мы предположили, что таковыми будут пользователи разных поколений.

Сегодня уже не нуждается в доказательствах тот факт, что форма социально-сетевое взаимодействие стала привлекательной, в том числе, и для той группы пользователей, которая родилась, и, что немаловажно, прошла подростковый и юношеский возраст без возможности вступить в какие-либо формы виртуального взаимодействия. Это поколение людей старше 45 лет вступило в виртуальный мир, уже имея определенным образом сформированный образ себя как личности, имея свои увлечения и ценности, приобретенные в мире оф-лайн, и, очевидно, будет иметь свои специфики активности в пространстве социальных сетей. Другой, не менее интересной возрастной группой являются респонденты, рожденные и

выросшие в мире, в котором интернет-коммуникация была частью повседневной жизни, включенные в нее с раннего возраста, т. е. сегодняшние подростки. Для них важные моменты развития происходили и происходят не только в реальном, но и в виртуальном пространстве. Таким образом, в качестве основного предположения была выдвинута гипотеза о том, что существующие различия в активности виртуального взаимодействия в социальных сетях между представителями двух поколений определяют характер их виртуальной идентичности.

Выборка

В исследовании приняло участие 126 респондентов мужского и женского пола, являющихся пользователями различных социальных сетей: респонденты среднего возраста (45–60 лет) – 40 человек, старшие подростки (16–17 лет) – 37 человек, и младшие подростки (12–13 лет) – 49 человек.

Процедура и методика исследования

Для определения специфики активности респондентов в социальных сетях и изучения их отношения к этой форме взаимодействия была разработана авторская анкета. Полученные данные были обработаны методом тематического анализа; для обработки данных использовалась также программа Microsoft Excel 2010. Исследование проводилось в форме анонимного интернет-опроса.

Результаты

Все участники исследования имели опыт взаимодействия в социальных сетях более 5 лет. Среди младших подростков больше половины были включены в эту форму взаимодействия с первого класса школы, а треть – с детского сада; у подавляющего большинства старших подростков данное взаимодействие началось со средней школы. Респонденты старшего возраста разделились примерно поровну на тех, кто создал аккаунты, как только были созданы самые популярные в России социальные сети, и тех, кто вступил в эту форму взаимодействия после 2010 г., т. е. одновременно с большинством участвующих в исследовании подростков.

Наблюдаются различия в количестве виртуальных площадок самопрезентации: старшее поколение зарегистрировано одновременно в нескольких социальных сетях и активно пользуется 3–4 из них (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Инстаграм, ряд специализированных профессиональных сетей), подростки же предпочитают меньшее их количество (ВКонтакте, Инстаграм). Практическое отсутствие у них Facebook может быть объяснено тем, что в настоящий момент эта сеть более других рассчитана на

предоставление текстового контента, предполагающего умение и желание вступать в различные дискуссии. Одноклассники же могут быть не востребованы этой аудиторией в силу того, что данная сеть изначально была создана для поиска одноклассников, т. е. ориентирована как раз на то поколение, которому сейчас около 45 лет. В итоге образ в виртуальном пространстве типичного респондента старшей возрастной группы оказывается представлен несколько раз, в основном через текстовые сообщения, с достоверным и подробным описанием социорольевых характеристик (образование, профессиональная принадлежность, сфера деятельности и пр.), – в отличие от пользователей подросткового возраста, которые представляют себя с большей опорой на визуальный контент (фотографии, видео) и сферу личных интересов.

Наблюдаются и существенные различия в том, как пользователи «строят» свои аудитории: лишь 15% респондентов старшего возраста предпочитают составлять свой круг виртуальных друзей из знакомых по реальному взаимодействию людей, а больше половины осознанно не делают основой своей аудитории реальных знакомых. В свою очередь, и старшие, и младшие подростки предпочитают взаимодействовать в первую очередь с теми, кто знаком им в реальной жизни (более 70%). Такие соотношения виртуальной и реальной аудиторий могут иметь несколько не взаимоисключающих объяснений: во-первых, служить косвенным свидетельством того, что подростки не видят большого различия между своей реальной и виртуальной жизнью; во-вторых, отражать тот факт, что старшее поколение имеет больший опыт коммуникации с незнакомыми людьми и легко переносит его в виртуальное взаимодействие; в-третьих, быть следствием большего количества критериев (например, общей профессиональной принадлежности), которые используются старшим поколением пользователей при формировании ленты друзей. Интересно, что при этом во всех группах респондентов личное знакомство декларируется как значимый критерий для добавления человека в виртуальные друзья (среди старшего поколения это важно для 45%, у младших подростков – 59% и у старших – 54%). Но для старшего поколения основой выбора при добавлении человека в друзья является информационно-содержательный контент, от него исходящий (более 70%), что совершенно нехарактерно для подростков (менее 10%). В итоге образ себя для пользователя старшей возрастной группы строится как окруженный пусть менее многочисленными (средняя величина френд-ленты для этих респондентов примерно в два раза меньше подростковой), но более различными по степени знакомства людьми.

Однако степень активности пользователя в виртуальном взаимодействии отражает не только стратегия формирования ленты друзей, но и частота удаления кого-либо из своей аудитории. Выяснилось, что чаще всего удаляют друзей старшие подростки (81%); пользователи среднего возраста и младшие подростки делают это несколько реже (60% и 51% соответственно). Для младших подростков подобная картина может объясняться характеристиками аудитории, которая состоит преимущественно из знакомых людей, с которыми так или иначе будет продолжаться взаимодействие в реальном мире; высокая частота удаления у старших подростков может свидетельствовать о присущей данному возрасту потребности в формировании нового круга знакомств, к расширению имеющихся связей – возможно, именно эти тенденции и нашли свое отображение в виртуальном мире. В определенной степени это подтверждается и декларируемыми причинами удаления из ленты друзей: подростки обеих возрастных групп в качестве основной причины удаления называют отсутствие общения с виртуальным другом; при этом старшее поколение не выделяет данный вариант в качестве значимой причины прекращения виртуальной дружбы. Отметим, что исследования цифровой компетентности подростков (Солдатова, Рассказова, 2014) указывают на то, что они пользуются социальными сетями именно для повседневной коммуникации, в то время как старшее поколение предпочитает использовать для этих целей электронную почту. Соответственно и удаление из друзей человека, с которым нет общения, может быть рассмотрено как своеобразный аналог прерывания переставшего быть нужным и актуальным контакта. В свою очередь для старшего поколения самой значимой причиной удаления из ленты друзей является потеря интереса к публикуемому контенту (около 60%). Иными словами, старшее поколение заинтересовано в первую очередь в информационной составляющей, которая исходит от их виртуальных друзей, а подростки – в самом процессе виртуального взаимодействия, которое тесно взаимосвязано с реальным общением (так, например, ссора в реальной жизни является для них достаточно частой причиной – 25% – удаления из друзей в социальных сетях).

Если говорить о том, что касается предпочитаемых видов активности в пространстве социальных сетей, то были обнаружены следующие, вполне ожидаемые, различия. У подростков (как старших, так и младших) на первое место выходит развлекательная активность: 86% опрошенных младших подростков и 63% старших используют социальные сети для просмотра видео- и прослушивания аудиоконтента. Старшее поколение использует социальные

сети подобным образом лишь в 20% случаев, отдавая предпочтение чтению и перепостам чужого текстового контента (80%), оценивая его с точки зрения информационной насыщенности. При этом декларируемая функциональность социальных сетей для всех групп респондентов выглядит несколько иначе: большинство из них, вне зависимости от возраста, указывает на коммуникационную составляющую, что связано, на наш взгляд, с уже утвердившимся в массовом сознании образом Интернета в целом. Соответственно в случае подростковой выборки конструируемая виртуальная идентичность приобретает более «досуговой» характер, а в случае пользователей старшего возраста – «информационный».

Общение, вне зависимости от того, в каком пространстве оно происходит, предполагает не только определенную тематику, но и отношение к «запретным» темам. Вне зависимости от возраста пользователи в подавляющем большинстве (более 80%) считают, что таковые в социальных сетях существуют, при этом наиболее распространенной среди них является личная жизнь. Для старшего поколения это понятие включает в себя сексуальные предпочтения, супружеские измены и глубоко личные переживания, а подростки выделяют проблемы с учебой и отношения с родителями; следующими по значимости из «запретных тем» для всех респондентов являются вопросы, связанные с религиозными и политическими предпочтениями. Собственно, именно табуированные темы оказываются «водоразделом» реального и виртуального взаимодействия – большинство опрошенных готовы обсуждать их при личном общении.

Построение виртуального образа себя в пространстве социальных сетей невозможно представить без получения от аудитории отклика на предоставляемую информацию (в виртуальном пространстве одним из инструментов получения такой обратной связи являются лайки и репосты контента). Менее всего из всех групп респондентов в получении такого отклика оказались заинтересованы младшие подростки: больше половины из них не следят за обратной связью в отличие от пользователей других возрастов, которые рассматривают ее как способ эмоциональной поддержки и нередко оценивают эффективность своей виртуальной самопрезентации через количество полученной позитивной обратной связи.

Выводы

Таким образом, были выделены следующие различия в активности в социальных сетях у пользователей различных возрастных групп. Пользователи старшего возраста используют

большее количество социальных сетей одновременно, а подростки ограничиваются одной или двумя площадками. Формируя аудиторию для взаимодействия, подростки переносят в виртуальное пространство контакты из своей повседневной реальной жизни, а старшее поколение заинтересовано в их расширении, в том числе и за счет незнакомых в реальной жизни людей. Причиной добавления человека в круг виртуальных друзей у старшего поколения является интерес к создаваемому контенту, «информационная привлекательность» потенциальных партнеров по виртуальному взаимодействию. Оно использует социальные сети не только для поддержания имеющихся контактов, но преимущественно для поиска новых – что не очень интересно подросткам, особенно младшим. С функциональной точки зрения подростки используют социальные сети преимущественно для развлечения, а старшее поколение – для получения информации. Для старших подростков и пользователей среднего возраста важна возможность получения эмоциональной поддержки в виртуальном взаимодействии, что менее характерно для младших подростков. Эти особенности активности в виртуальном взаимодействии определяют итоговые виртуальные самопрезентации для всех групп респондентов.

Литература

- Белинская Е.П.* Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. № 2. С. 31–34.
- Войсунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-Пресс, 2000.
- Кастельс М.* Власть коммуникации: Учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; Под науч. ред. А.И. Черных. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 564 с.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 27–35.
- AliAlassiri A., Muda M.B., Ghazali R.B.* Strategic Self-Presentation on Social Networking Sites // New Media and Mass Communication. 2014. V. 32. P. 44–53
- Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff B., Gosling S.D.* Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization // Psychological Science. 2010. № 3. P. 372–374.

- Buffardi L., Campbell W.K.* Narcissism and Social Networking Web Sites // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. V. 45 (4). P. 1303–1314.
- Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students’ use of online social network sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. V. 12 (4). P. 1143–1168.
- Hogan B.* The presentation of self in the age of social media: Distinguishing performances and exhibitions online // Bulletin of Science, Technology & Society. 2010. V. 30 (6). P. 377–386.
- Herring S.C., Kapidzic S.* Teens, gender, and self-presentation in social media // International encyclopedia of social and behavioral sciences / Ed. by J.D. Wright. 2nd edition. Oxford: Elsevier. 2015. Prepublication version: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/teens.gender.pdf>
- Liu H.* Social Network Profiles as Taste Performances // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. V. 13 (1). P. 252–275.
- Smock A., Ellison N.B., Lampe C., Wohn D.* Facebook as a toolkit: A uses and gratification approach to unbundling feature use // Computers in Human Behavior. 2011. V. 27 (6). P. 2322–2329.
- Suler J.* Psychology of cyberspace – 1997. [Электронный ресурс] URL: <http://users.rider.edu/~suler/psyber/psyber.html> (дата обращения: 15.03.2016).
- Suler J.* The Online Disinhibition Effect // Cyberpsychology & Behavior. 2004. V. 7. № 3. P. 321–325.
- Rui J., Stefanone M.* Strategic self-presentation online: A cross-cultural study // Computers in Human Behavior. 2013. V. 29. P. 110–118.
- Zhao S., Grasmuck S., Martin J.* Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships // Computers in Human Behavior. 2008. V. 24. P. 1816–1836.

References

- Belinskaya E.P.* Vzaimosvyaz’ real’noi i virtual’noi identichnosti pol’zovatelei sotsial’nykh setei // Obrazovanie lichnosti. 2016. № 2. S. 31–34.
- Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu.* Setevaya i real’naya identichnost’: sravnitel’noe issledovanie // Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki. 2013. T. 10. № 2. S. 98–121.
- Gofman I.* Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni. M.: KANON-Press, 2000.
- Kastel’s M.* Vlast’ kommunikatsii: ucheb. posobie / per. s angl. N.M. Tylevich; pod nauch. red. A.I. Chernykh. M.: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki, 2016. 564 s.
- Soldatova G.U., Rasskazova E.I.* Psikhologicheskie modeli tsifrovoi kompetentnosti rossiiskikh podrostkov i roditelei // Natsional’nyi psikhologicheskii zhurnal. 2014. № 2 (14). С. 27–35.
- AliAlassiri A., Muda M.B., Ghazali R.B.* Strategic Self-Presentation on Social Networking Sites // New Media and Mass Communication. 2014. V. 32. P. 44–53.

- Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff B., Gosling S.D.* Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization // *Psychological Science*. 2010. № 3. P. 372–374.
- Buffardi L., Campbell W.K.* Narcissism and Social Networking Web Sites // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. V. 45 (4). P. 1303–1314.
- Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students’ use of online social network sites // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007. V. 12 (4). P. 1143–1168.
- Hogan B.* The presentation of self in the age of social media: Distinguishing performances and exhibitions online // *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2010. V. 30 (6). P. 377–386.
- Herring S.C., Kapidzic S.* Teens, gender, and self-presentation in social media // *International encyclopedia of social and behavioral sciences* / Ed. by J.D. Wright. 2nd edition. Oxford: Elsevier. 2015. Prepublication version: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/teens.gender.pdf>
- Liu H.* Social Network Profiles as Taste Performances // *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007. V. 13 (1). P. 252–275.
- Smock A., Ellison N.B., Lampe C., Wohn D.* Facebook as a toolkit: A uses and gratification approach to unbundling feature use // *Computers in Human Behavior*. 2011. V. 27 (6). P. 2322–2329.
- Suler J.* Psychology of cyberspace – 1997. [Электронный ресурс] URL: <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/psycyber.html> (дата обращения: 15.03.2016).
- Suler J.* The Online Disinhibition Effect // *Cyberpsychology & Behavior*. 2004. V. 7. № 3. P. 321–325.
- Rui J., Stefanone M.* Strategic self-presentation online: A cross-cultural study // *Computers in Human Behavior*. 2013. V. 29. P. 110–118.
- Zhao S., Grasmuck S., Martin J.* Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships // *Computers in Human Behavior*. 2008. V. 24. P. 1816–1836.

Сведения об авторах

- Белинская Елена Павловна* – доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, elena_belinskaya@list.ru
- Франтова Джессика Константиновна* – аспирант, Лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, darkhope@gmail.com

About authors

Belinskaya Elena P. – Dr. in Psychology, professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; leading researcher, Laboratory of teenager's psychology, Russian Academy of Education Psychological Institute, elena_belinskaya@list.ru

Frantova Jessica K. – postgraduate student, Laboratory of teenager's psychology, Russian Academy of Education Psychological Institute, darkhope@gmail.com

Е.М. Дубовская
Психологический институт РАО
А.А. Кочеткова

E.M. Dubovskaya
Russian Academy of Education Psychological Institute
A.A. Kochetkova

Гендерные особенности межличностного общения в юношеском возрасте

Gender peculiarities of interpersonal communication in adolescence

В статье раскрываются проблемы гендерной социализации, связанные с формированием гендерной идентичности в юношеском возрасте. Анализируются разные подходы к определению содержания гендерной идентичности. Приводятся данные о взаимосвязи типа гендерной идентичности и таких особенностей межличностного общения, как уровень общительности, потребность в общении и коммуникативные умения. Так в межличностных отношениях юноши проявляют «доминирующие» стили, тогда как девушки в межличностных отношениях испытывают более высокий уровень потребности в общении и им свойственны дружелюбные стили межличностных отношений. Существуют значимые различия, в частности, между девушками с различным типом гендерной идентичности по такому показателю общительности, как «Потребность в общении». Полученные результаты демонстрируют тесную взаимосвязь особенностей гендерной идентичности и характеристик межличностного общения в юношеском возрасте. Промежуточной переменной между особенностями межличностного общения и принадлежностью к определенному полу является тип гендерной идентичности.

Ключевые слова: гендер, гендерная социализация, тип гендерной идентичности, межличностное общение.

© Дубовская Е.М., Кочеткова А.А., 2017

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 17-06-00077 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

The article reveals the problems of gender socialization associated with the formation of gender identity in adolescence. Different approaches to determining the content of gender identity are analyzed. It presents data on the relationship between the type of gender identity and such characteristics of interpersonal communication as the level of sociability, the need for communication and communicative skills. So in interpersonal relationships, young men show “dominant” styles, whereas girls in interpersonal relationships experience a higher level of communication needs and friendly styles of interpersonal relationships are inherent in them. There are significant differences between girls with different types of gender identity for such a measure of sociability as “Need for Communication”. The results demonstrate that characteristics of gender identity are closely linked to interpersonal characteristics in adolescence. The intermediate variable between the interpersonal characteristics and belonging to a specific gender, is a type of gender identity.

Keywords: gender, gender socialization, type of gender identity, interpersonal communication.

Введение

Развитие представлений о гендерной идентичности началось с введения в психологию в 1955 г. J. Money понятия гендерной идентичности для подчеркивания значения социально-культурных факторов формирования психологического пола. Формирование гендерной идентичности рассматривается в современной психологии как результат процесса гендерной социализации. Это позволяет нам более детально и тщательно подойти к анализу межличностных отношений как к явлению в том числе и гендерного содержания. Особенности в отношениях с другими людьми, характерные для молодых людей разного пола, представляются нам как результатом гендерной социализации, так и ее фактором. Сложность этой проблемы несомненно требует своего изучения в дальнейшем, однако в данной работе мы хотели бы уделить внимание именно специфике межличностных отношений, связанной с принадлежностью к определенному полу; выявить наличие или отсутствие связи этой специфичности с характером складывающейся гендерной идентичности.

Проблема гендерной идентичности

В психологии гендерная идентичность, ее формирование, структура и содержание представлено в различных теоретических подходах. Это: психоаналитический подход (З. Фрейд, Р. Столлер, Р. Тайсон, Ф. Тайсон), аналитическая психология (К.Г. Юнг и его

последователи А.Г. Крейг, Дж. Уайли, Э. Сампюэльс, Ю. Моник, О.В. Лаврова и др.), теория социального научения (А. Бандура), когнитивное направление (Л. Колберг), теория половых схем (С. Бем) и социально-психологический подход (И.С. Кон, И.С. Клецина, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.). Первые два подхода являются эссенциалистскими, подразумевающими, что важнейшие свойства, отличающие мужчин от женщин, являются объективной данностью, а культура только оформляет и регулирует их проявления. Остальные подходы – конструктивистские: они считают гендерную идентичность продуктом культуры и общественных отношений, которые навязывают индивидам соответствующие представления и стереотипы поведения. Гендерная идентичность наряду с этнической, возрастной, профессиональной, национальной идентичностью является компонентом социальной идентичности личности. Социальная идентичность – это результат процесса социальной идентификации, под которым понимается процесс определения себя через членство в социальной группе (Бендас, 2006).

Гендер – это психологическое понятие, вмещающее в себя социальный, культурный и исторический контекст; оно характеризует социальные представления о мужчине и женщине, об их психологических особенностях. Гендер – это пол, преломленный через процессы социализации, поэтому социальные характеристики автоматически включены в это понятие. Гендерная (или полоролевая) социализация – это процесс усвоения индивидом культурной системы ожидаемых образцов поведения для мужчин и женщин того общества, в котором он живет, своеобразное общественное конструирование различий между полами. Изучению процесса гендерной социализации посвящены многочисленные работы как отечественных, так и зарубежных специалистов (Bellows, 2007; Mullins, 2008; Stuart, 2008).

Поскольку гендер – это совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их пола, становится очевидным, что не биологический пол, а именно данные нормы во многом определяют психологические качества, модели поведения, виды деятельности и профессии женщин и мужчин, приемлемые и одобряемые в данном обществе (Кочнев, 2014).

Традиционно принималась двухполюсная шкала «маскулинность» – «фемининность», по которой и оценивалась гендерная составляющая человеческой личности, позже перешли к рассмотрению не одной, а двух самостоятельных шкал. Маскулинность и фемининность выступают измерениями гендера, являясь одновре-

менно психологическими свойствами личности. Гендерный анализ психологических явлений представляет собой изучение поведения мужчин и женщин в социальном контексте. Если обратиться к традиционным в социальной психологии уровням анализа – уровень личности, межличностных и межгрупповых отношений, то изучение гендерных различий в психологии может быть реализовано соответственно через изучение психологических особенностей деятельности субъектов с разным уровнем маскулинности и фемининности (уровень личности); через изучение социального взаимодействия, ролевого поведения мужчин и женщин (уровень межличностных отношений) и через изучение социально-психологических отношений и психологии совместной деятельности представителей больших социально-демографических групп – мужчин и женщин (уровень межгрупповых отношений).

В 70–80-х годах XX в. в связи с работами С. Бем широкое распространение получила идея андрогинии. Андрогиния – это характеристика целостной личности, выражающаяся в интеграции женского эмоционально-экспрессивного стиля деятельности с мужским инструментальным, в свободе телесных экспрессий и предпочтений от жесткого диктата половых ролей. Люди с преобладанием «андрогинных характеристик», по мнению С. Бем, характеризуются балансом мужских и женских качеств, обладают адаптивностью и гибкостью поведения, творческими наклонностями и являются наиболее психологически благополучными (Бем, 2004).

Влияние на гендерное поведение культурно-исторических особенностей развития и конкретной социально-экономической ситуации обусловило и ряд отличительных особенностей гендерных отношений в российском обществе (Алешина, Волович, 1991; Юферева, 1985 и др). Так, в российской культуре особенности проявлений маскулинности и фемининности связаны, во-первых, с равной ценностью маскулинной и фемининной моделей поведения, которые являются в российском обществе взаимодополняющими. Во-вторых, эти особенности проявляются в малой представленности маскулинной и фемининной моделей поведения в чистом виде (средние значения уровня маскулинности и фемининности более типичны и характерны, чем высокий уровень выраженности этих характеристик).

Это, на наш взгляд, существенно увеличивает вариативность норм маскулинного и фемининного поведения в российском обществе и указывает на то, что содержание гендерных моделей поведения мужчины и женщины может быть определено только относительно друг друга, путем соотнесения их друг с другом.

Важным сюжетом, на наш взгляд, является не только психологическое содержание определенной гендерной идентичности, но и те особенности, в частности специфические характеристики общения, которые связаны с той или иной гендерной идентичностью. Именно этому вопросу посвящено наше исследование.

Эмпирическое исследование гендерных особенностей межличностного общения в юношеском возрасте

Цель исследования: изучение гендерных особенностей межличностного общения в юношеском возрасте.

Гипотеза 1. В межличностных отношениях юноши проявляют «доминирующие» стили, тогда как девушки в межличностных отношениях испытывают более высокий уровень потребности в общении и им свойственны дружелюбные стили межличностных отношений.

Гипотеза 2. Юноши и девушки с андрогинной и типичной для их биологического пола гендерной идентичностью используют более адаптивные стили межличностных отношений, тогда как юноши и девушки с отличной от их биологического пола гендерной идентичностью в межличностных отношениях чаще используют дезадаптивные стили.

Методы:

- опросник половых ролей (*BSRI*) (С. Бем);
- методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири);
- опросник «Потребность в общении» (Ю.М. Орлов);
- опросник «Оценка уровня общительности» (В.Ф. Ряховский);
- опросник «Оценка коммуникативных умений» (А.А. Карелин).

Для статистической обработки результатов психодиагностического обследования респондентов применялись методы математической статистики и обработки данных: кластерный анализ; критерии различия *U*-Манна–Уитни, *H*-Крускала–Уоллеса.

Выборка. В эмпирическом исследовании принимали участие 100 юношей и девушек (62 девушки, 38 юношей), не состоящих в браке, обучающихся в различных вузах Москвы. Профиль и форма обучения участников в исследовании не учитывались. Возрастной диапазон участников исследования – 18–23 года.

Описание и анализ полученных результатов

В таблице 1 представлены данные о распределении участников нашего исследования по критерию типа гендерной идентичности.

Таблица 1

Распределение типов гендерной идентичности
в выборке исследования

Тип гендерной идентичности	Юноши, %	Девушки, %
Маскулинный	31%	22%
Андрогинно-маскулинный	33%	–
Андрогинно-фемининный	–	17%
Андрогинный со средним уровнем андрогинии	–	17%
Андрогинный с высоким уровнем андрогинии	–	25%
Фемининный	20%	9%
Недифференцированный	16%	10%

Юноши, участвующие в исследовании, в отличие от девушек имеют 4 типа гендерной идентичности (*маскулинный, андрогинно-маскулинный, фемининный, недифференцированный*), тогда как в группе девушек определены 6 типов гендерной идентичности, которые будут описаны ниже. У 64% юношей гендерная идентичность соответствует их биологическому полу (у 31% – маскулинный тип, у 33% – андрогинно-маскулинный тип). 20% юношей имеют фемининный тип гендерной идентичности, у 16% юношей недифференцированный тип гендерной идентичности.

В выборке *девушек* определены 7 кластеров – типов гендерной идентичности. Только у 26% девушек гендерная идентичность соответствует их биологическому полу (9% «фемининных» и 17% «андрогинно-фемининных» девушек). 22% девушек имеют гендерную идентичность, отличающуюся от их биологического пола («маскулинные» девушки), а 10% участниц исследования имеют недифференцированную гендерную идентичность. Наибольший процент девушек (42%) относятся к группе «андрогинных». При этом девушек с высоким уровнем андрогинии (25% – самый крупный кластер в выборке девушек) больше, чем девушек со средним уровнем андрогинии (17%).

Достоверность разделения респондентов на группы по типу гендерной идентичности была проверена с помощью непараметрического *H*-критерия Крускала–Уоллеса. И в выборке юношей, и в выборке девушек все типы групп значимо отличаются ($p \leq 0,000$)

друг от друга по каждому из компонентов гендерной идентичности (маскулинности (М), фемининности (Ф)).

Для проверки первой выдвинутой нами гипотезы сначала определялось соотношение разных компонентов общения в нашей выборке. В качестве основных были выбраны следующие переменные: уровень общительности, потребность в общении и коммуникативные умения. На рис. 1 представлены результаты изучения таких компонентов переменной «межличностные отношения», как «уровень общительности», «потребность в общении», «коммуникативные умения».

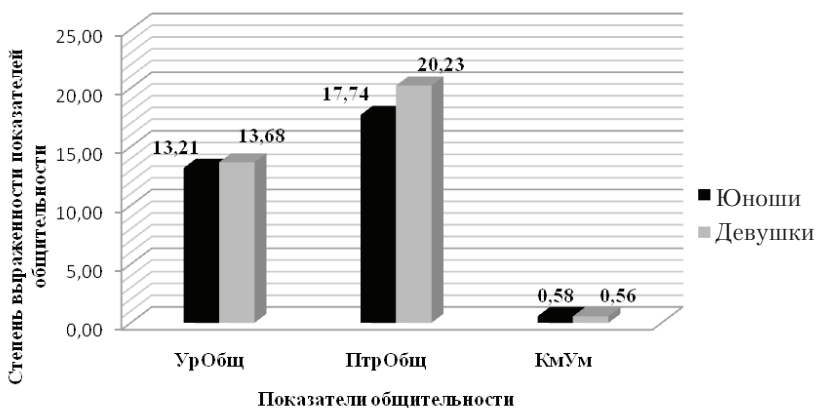

Рис. 1. Результаты исследования компонентов общительности юношей и девушек

В гистограмме на рис. 1 по оси x размещены показатели общительности респондентов, по оси y – степень выраженности показателей общительности; левый столбец в группе столбцов гистограммы обозначает значения показателей общительности юношей, правый – значения показателей общительности девушек. Над столбцами гистограммы написаны средние значения изучаемых показателей у юношей и девушек.

Анализируя полученные данные, нужно отметить следующее:

- у девушек по сравнению с юношами преобладают как потребность в общении, так и в целом уровень общительности, что подтверждает доказанное ранее многочисленными исследованиями стремление представительниц женского пола

реализовать посредством общения когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы, что выражается в более свободном выражении своих мыслей, эмоций телодвижений, направленных не только на эмоциональную разрядку, но и на привлечение к себе внимания;

- б) уровень коммуникативных умений у юношей и девушек примерно одинаков.

Далее приведем результаты, полученные с помощью методики Т. Лири и отражающие представленность в нашей выборке различных стилей межличностных отношений соответственно у юношей и девушек. Лири выделил следующие стили: подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический и интегральный показатель «дружелюбие». Были получены следующие результаты:

- у юношей в целом стремление к «доминирующим» стилям межличностных отношений выше, чем у девушек, о чем и свидетельствует интегральный показатель (2,59); при этом видно, что у девушек стремление к «доминирующим» стилям межличностных отношений «отрицательно» и близко к нулю (-0,02); это может быть вызвано, в первую очередь, задачами данного возрастного этапа юношей и девушек;
- у юношей наиболее выражены такие стили межличностных отношений, как «эгоистичный» (8,63) и «подозрительный» (8,21), что, возможно, связано с желанием юношей подчеркнуть свою индивидуальность и быть осторожными на пути самореализации; менее выражены у юношей «авторитарный» (8,05) и «агрессивный» (7,95) стили;
- у девушек наиболее выражены «авторитарный» (8,05) и также, как и у юношей, – «подозрительный» (7,00) стили межличностных отношений, что можно расценить как желание быть сильными в достижении поставленных целей и боязнь в установлении новых межличностных отношений; менее выражены у девушек такие стили межличностных отношений, как «эгоистичный» (5,91) и «агрессивный» (6,16), что можно рассматривать как склонность к соперничеству и критичность к людям и окружающему;
- у девушек по сравнению с юношами все «женские» стили межличностных отношений развиты лучше, о чем свидетельствует интегральный показатель (3,21); у юношей данный показатель находится в «отрицательной зоне» (-5,01) и по модулю больше, чем у девушек, что подтверждает направленность юношей на доминирование и низкий уровень их дружелюбия; более высокие, чем у юношей, показатели по

«женским» стилям межличностных отношений у девушек обусловлены, по всей видимости, социально-психологическими факторами их развития;

- у девушек наиболее выражены такие стили межличностных отношений, как «альтруистический» (8,13) и «дружелюбный» (7,90), что может быть связано с их стремлением помогать, сострадать, идти на компромисс; менее выражены у девушек «подчиняемый» (7,42) и «зависимый» (6,90) стили;
- у юношей все значения «женских» стилей межличностных отношений находятся в зоне низкого уровня выраженности, при этом наиболее выражены такие стили межличностных отношений, как «дружелюбный» (6,47) и «подчиненный» (6,42); такие результаты можно расценивать как склонность юношей к сотрудничеству, проявлению теплоты в отношениях, скромности, эмоциональной сдержанности, проявлению симпатии, бескорыстному отношению к людям.

Резюмируя приведенные выше данные, можно предположить с высокой долей вероятности наличие различий в характеристиках межличностного общения между юношами и девушками.

Для статистической проверки гипотезы 1 о том, что в межличностных отношениях юноши проявляют «доминирующие» стили, тогда как девушки в межличностных отношениях испытывают более высокий уровень потребности в общении и им свойственны дружелюбные стили межличностных отношений, результаты были обработаны с помощью *U*-критерия Манна–Уитни. Были получены следующие результаты.

1. Существуют значимые различия между юношами и девушками (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по такому показателю общительности, как «Потребность в общении».

2. Выявлены значимые различия (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по следующим «мужским» шкалам («мужским» стилям межличностных отношений): «эгоистический», «агрессивный», «подозрительный», интегральный показатель «доминирование». Несмотря на то что значение такого стиля межличностных отношений, как «авторитарный», не попало в зону значимости, можно предположить, что пусть и неявные, различия по данному стилю межличностных отношений у юношей и девушек все же имеются.

3. Выявлены значимые различия (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по всем «женским» шкалам («женским» стилям межличностных отношений): «подчиняемый», «зависимый», «дружелюбный», «альтруистический», интегральный показатель «дружелюбие».

Таким образом, на основании анализа результатов применения теста *U*-Манна–Уитни можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза о том, что в межличностных отношениях юноши проявляют «доминирующие» стили, тогда как девушки в межличностных отношениях испытывают более высокий уровень потребности в общении и им свойственны дружелюбные стили межличностных отношений, подтверждена.

С целью проверки выдвинутой гипотезы 2 о существовании различий в межличностных отношениях у юношей и девушек с различными типами гендерной идентичности в соответствии с замыслом эмпирического исследования его результаты были обработаны с помощью *H*-критерия Крускала–Уоллеса. Были получены следующие данные.

1. Существуют значимые различия между юношами с различным типом гендерной идентичности (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по таким показателям общительности, как «Уровень общения» и «Потребность в общении».

2. Выявлены значимые различия (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по одному из «мужских» стилей межличностных отношений – «авторитарный». По другим «мужским» шкалам значимых различий не выявлено

3. Не выявлены значимые различия (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по «женским» стилям межличностных отношений.

Результаты применения непараметрического *H*-критерия Крускала–Уоллеса в выборке девушек

1. Существуют значимые различия между девушками с различным типом гендерной идентичности (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по такому показателю общительности, как «Потребность в общении».

2. Выявлены значимые различия (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по следующим «мужским» стилям межличностных отношений: «авторитарный», «агрессивный»; по интегральному показателю «доминирование». По другим «мужским» шкалам значимых различий не выявлено.

3. Выявлены значимые различия (для уровня значимости $p \leq 0,05$) по следующим «женским» стилям межличностных отношений: «подчиняемый», «зависимый», «дружелюбный», «альтруистический», по интегральному показателю «дружелюбие».

Таким образом, на основании анализа результатов с помощью теста *H*-критерия Крускала–Уоллеса можно утверждать, что

выдвинутая нами гипотеза о том, что юноши и девушки с андрогинной и типичной для их биологического пола гендерной идентичностью используют более адаптивные стили межличностных отношений, тогда как юноши и девушки с отличной от их биологического пола гендерной идентичностью в межличностных отношениях чаще используют дезадаптивные стили, подтверждена частично.

Рассмотрим полученные результаты более подробно. Уровень общительности (16,2), так же как и коммуникативные умения (0,69), наиболее выражены у юношей с недифференцированной гендерной идентичностью, что можно расценивать как некую компенсацию вследствие недифференцированности гендерной идентичности; более низкий уровень общительности (9,71) и коммуникативных умений (0,52) имеют юноши с маскулинной гендерной идентичностью, что свойственно типичным представителям мужского пола; примерно одинаков уровень общительности (14,14 и 14,43) и коммуникативных умений (0,58 и 0,60) соответственно у андрогинно-маскулинных и фемининных юношей.

Потребность в общении наиболее выражена у юношей с «фемининной» гендерной идентичностью (22,29), что, как описывалось выше, свойственно типичным представительницам женского пола; наименее выражена потребность в общении у юношей с «недифференцированной» гендерной идентичностью (14,6), что может быть обусловлено психологическими комплексами, осознанием «своей непохожести» на типичных представителей мужского пола. Интегральный показатель «доминирование» примерно одинаков у юношей с гендерной идентичностью, типичной для представителей мужского пола (у «андрогинно-маскулинных» (4,10) и «маскулинных» (4,19) юношей); у юношей с недифференцированной гендерной идентичностью отмечается низкий уровень доминирования (1,50), а у «фемининных» юношей наблюдается нежелание доминировать (-2,07).

«Подозрительный» стиль межличностных отношений более выражен у юношей с маскулинной (8,71) и недифференцированной (8,57) гендерной идентичностью; менее данный стиль межличностных отношений выражен у «андрогинно-маскулинных» юношей (7,71); «агрессивный» стиль межличностных отношений более выражен у юношей с типичной для мужского пола гендерной идентичностью – у «маскулинных» и «андрогинно-маскулинных» юношей (8,14); меньше всего данный стиль межличностных отношений свойствен для «фемининных» юношей (6,71); «эгоистический» стиль межличностных отношений чаще всего в

отношениях используют «фемининные» юноши (10,43) и юноши с недифференцированной гендерной идентичностью (8,80); юноши с типичной для мужского пола гендерной идентичностью («маскулинные» и «андрогинно-маскулинные») стараются не проявлять данный стиль в отношениях (7,86); «авторитарный» стиль межличностных отношений свойствен юношам с типичной для мужского пола гендерной идентичностью – «андрогинно-маскулиным» (9,43) и «маскулинным» (7,86); меньше всего данный стиль межличностных отношений проявляют «фемининные» юноши (4,86) и юноши с недифференцированной гендерной идентичностью (7,00).

Интегральный показатель «дружелюбие» у юношей всех типов гендерной идентичности находится в «отрицательной» зоне; при этом менее дружелюбными в межличностных отношениях являются юноши с фемининной (-5,96) и недифференцированной (-5,42) гендерной идентичностью, что может быть обусловлено внутренним полоролевым конфликтом вследствие неприятия своей гендерной идентичности; более дружелюбными в межличностных отношениях являются «андрогинно-маскулинные» юноши (-3,56); «альтруистический» стиль межличностных отношений более выражен у юношей с типичной для представителей мужского пола гендерной идентичностью («андрогинно-маскулинных» (7,29) и «маскулинных» (7,14)); менее данный стиль межличностных отношений выражен у юношей с недифференцированной (5,40) и фемининной (6,00) гендерной идентичностью; «дружелюбный» стиль межличностных отношений более всего выражен у юношей с недифференцированной гендерной идентичностью (6,60) и у юношей с типичной для мужского пола гендерной идентичностью («андрогинно-маскулинных» (6,29) и «маскулинных» (6,14)); «зависимый» стиль межличностных отношений чаще всего в отношениях используют «андрогинно-маскулинные» (5,86) и «фемининные» (5,71); меньшую зависимость в межличностных отношениях в одинаковой степени проявляют «маскулинные» юноши и юноши с недифференцированной гендерной идентичностью (5,00); «подчиняемый» стиль межличностных отношений больше свойствен «фемининным» юношам (8,43), тогда как «маскулинные» юноши не приемлют в межличностных отношениях данный стиль отношений (5,86). Более развернуто все результаты данного исследования представлены в магистерской диссертации одного из авторов настоящей статьи (Кочеткова, 2017).

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что полученные результаты демонстрируют тесную взаимосвязь гендерной идентичности, ее особенностей и характеристик меж-

личностного общения в юношеском возрасте. Юноши и девушки строят свои отношения достаточно специфично. Причем наиболее вероятной промежуточной переменной между особенностями межличностного общения и принадлежностью к определенному полу является тип гендерной идентичности. Важную роль играет соотношение типа гендерной идентичности и пола субъекта. В перспективе, на наш взгляд, требует изучения вопрос о причинно-следственных отношениях характеристик общения в юношеском возрасте и формирования гендерной идентичности определенного типа. По всей вероятности, отношения эти имеют сложный характер в процессе гендерной социализации.

Проблема эта имеет не только фундаментальное научное значение, но и очевидно важна в прикладном ключе. В современном мире гендерная социализация личности проявляется в самых разнообразных сферах жизни человека.

Литература

- Алешина Ю.Е., Волович А.С.* Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–82.
- Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
- Бендас Т.В.* Гендерная психология: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006.
- Кочеткова А.А.* Гендерные особенности межличностных отношений в юношеском возрасте: Магистерская диссертация. М.: МГОУ, 2017.
- Кочнев В.А.* Теоретико-практические аспекты и опыт применения опросника С. Бем (BSRI) // Психологическая диагностика: Ежеквартальный научно-практический журнал. 2014. № 4. С. 122–153.
- Трофименко Г.С.* Некоторые особенности личностной идентичности современных подростков // Педагогическое образование в России. 2013. № 3. С. 135–141.
- Юферева Т.И.* Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 82–87.
- Bellows A.* Your Teen's Search for Identity [Электронный ресурс] // Psych Central. 2007. URL: <http://psychcentral.com/lib/your-teens-search-for-identity/0001071> (дата обращения: 12.11.2014).
- Mullins S.* Teenagers and the Struggle for Identity. [Электронный ресурс] Family Lobby.com has shut down. URL: <https://ru.scribd.com/document/187785075/Teenagers-and-the-Struggle-for-Identity> (дата обращения: 21.10.2014).
- Stuart T.* Six Ways to Build Your Teen's Identity [Электронный ресурс] // Focus on the family. 2008. URL: <http://www.focusonthefamily.com/parenting/teens/your-teens-identity/build-your-teens-identity> (дата обращения: 25.11.2014).

- Aleshina Yu.E., Volovich A.S.* Problemy usvoeniya rolej mužhčiny i žnshhčiny // Voprosy psihologii. 1991. № 4. S. 74–82.
- Bem S.* Linzy gendera: Transformaciya vzglyadov na problemy neravenstva polov: Per. s angl. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2004.
- Bendas T.V.* Gendernaya psihologiya: Ucheb. posobie. SPb.: Piter, 2006.
- Kochetkova A.A.* Gendernye osobennosti mezhlchnostnyh otnoshenij v yunosheskom vozraste: Magisterskaya dissertaciya. M.: MGOU, 2017. S. 57.
- Kochnev V.A.* Teoretiko-prakticheskie aspekty i opyt primeneniya oprosnika S. Bem (BSRI) // Psihologicheskaya diagnostika: Ezhekvaral'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 122–153.
- Trofimenko G.S.* Nekotorye osobennosti lichnostnoj identichnosti sovremennyh podrostkov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 3. S. 135–141.
- Yufereva T.I.* Obrazy mužhčhin i žnshhčhin v soznanii podrostkov // Voprosy psihologii. 1985. № 3. S. 82–87.
- Bellows A.* Your Teen's Search for Identity (Электронный ресурс) // Psych Central. 2007. URL: <http://psychcentral.com/lib/your-teens-search-for-identity/0001071> (дата обращения: 12.11.2014).
- Mullins S.* Teenagers and the Struggle for Identity (Электронный ресурс) // Familylobby. 2008. URL: <http://articles.familylobby.com/355-teenagers-and-the-struggle-for-identity.htm> (дата обращения: 21.10.2014).
- Stuart T.* Six Ways to Build Your Teen's Identity (Электронный ресурс) // Focus on the family. 2008. URL: <http://www.focusonthefamily.com/parenting/teens/your-teen-needs-you/build-your-teens-identity> (дата обращения: 25.11.2014).

Сведения об авторах

- Дубовская Екатерина Михайловна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; ведущий сотрудник, Психологический институт РАО, dubovskaya13@gmail.com
- Кочеткова Александра Андреевна* – магистр психологии, выпускница Московского государственного областного университета, malay_92@bk.ru

About the authors

- Dubovskaya Ekaterina M.* – Ph.D. in Psychology, associate professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; leading researcher, Russian Academy of Education Psychological Institute, dubovskaya13@gmail.com
- Kochetkova Aleksandra A.* – master of Psychology, graduate of Moscow State Regional University, malay_92@bk.ru

О.В. Гавриченко

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

Т.Д. Марцинковская

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

Психологический институт РАО

В.Р. Орестова

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

O.V. Gavrichenko

L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University
for the Humanities

T.D. Martsinkovskaya

L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University
for the Humanities

Russian Academy of Education Psychological Institute

V.R. Orestova

L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University
for the Humanities

Киноязык в современной культуре

The language of cinema in modern culture

В статье рассматривается связь культуры с психикой. Показывается роль культуры в стабильной ситуации и транзитивном мире, заключающаяся в рефлексии ценностей и эмоционального состояния общества, кристаллизации происходящих изменений в произведениях искусства, восстановлении целостности идентичности людей. Доказывается, что в ситуации транзитивности важнейшей ролью искусства становится прогностическая, открывающая направления дальнейшего движения общества. Демонстрируется, что через культуру и искусство происходит активная социализация человека и восстанавливается его целостная идентичность. Рассматривается такое направление культуры, как кино, которое благодаря привлечению в киноиндустрию новых технологий становится еще более зрелищным и массовым. При этом подчеркивается значение авторского, элитарного кино, которое является общемировым направлением в искусстве. Раскрываются грани кинематографа – развлечения и искус-

ства. Доказывается, что развитие визуальных способов предъявления киносюжетов привело к расширению возможностей кино. Раскрываются факторы, влияющие на развитие кино как искусства, специфика кино как содружества режиссера и оператора. Авторы указывают, что в киноязыке важную роль играет процесс киномонтажа, который дает возможность и режиссеру, и оператору донести свое видение до зрителя. Подчеркивается психологическое и эмоциональное значение кинофильмов, которые затрагивают внутренний мир зрителя, его представление о себе.

Ключевые слова: культура, социокультурная и личностная идентичность, социализация, эстетическая парадигма, кинематограф, развлечение, искусство, язык киноискусства.

The article discusses the relationship of culture to psyche. Shows the role of culture in a stable situation and transitive world, namely in reflection of values and emotional state of society, the crystallization of the changes in works of art, restoring the integrity of the identity of the people. It is proved that in the situation of the transitivity of the essential role of art is predictive, the opening direction of the society. The language of cinema in modern culture. Demonstrates that through art and culture is the active socialisation of the person and returns to its holistic identity. Discusses this direction of culture as a movie, which today, with the involvement of new technologies in the film industry makes it even more entertaining and popular. It highlights the importance of the author, the elite cinema, which is the General global trend in art. It is proved that the development of visual methods of presentation of newsreels led to the empowering movie. Reveals the factors influencing the development of film as art, the specificity of cinema as the Commonwealth of the Director and the operator. The authors point out that in film language, it is important to understand the process of film editing, which gives the opportunity to the Director and the operator to communicate his vision to the viewer. Emphasizes the psychological and emotional value of the movie, which affect the inner world of the viewer, his understanding of himself.

Keywords: culture, socio-cultural and personal identity, socialization, aesthetic paradigm, cinema, entertainment, art, cinema's art language.

Культура как фактор развития науки и человека

В современной психологии идея о связи культуры с психикой становится все более распространенной, т. е. культура может рассматриваться как фактор, направляющий развитие человека, при этом в продуктах культуры отражаются предельные возможности

людей определенной эпохи как кристаллизация их идей и переживаний и как материал для будущих исследователей (Марцинковская, 2014; Балашова, 2016).

Можно говорить о том, что в стабильные периоды наиболее значимая роль искусства состоит в кристаллизации переживаний и представлений людей об окружающем мире и о себе. В стабильные периоды зарождаются и укрепляются связи между наукой и искусством и вырабатываются новые языки искусства и науки, в том числе и новые представления о языке вещей.

Поиски вариантов ответа на вопрос о том, как развиваться, социализироваться, не теряя индивидуальности и целостности идентичности в сложной ситуации транзитивности, приводят к тому, что культура во всем ее многообразии является важнейшим фактором развития человека в ситуации транзитивности. При этом она может рассматриваться и как результат научной и художественной деятельности, и как эстетические переживания, и как процесс творчества, инсайта при решении сложных задач (Леонтьев, 1998; Теплов, 1998; Шпет, 2007).

В ситуации транзитивности роль культуры возрастает именно с точки зрения ее прогностических возможностей. Не менее важен для психологии и идентификационный аспект культуры и субкультуры. Через культуру (и искусство, и науку) восстанавливается целостность идентичности и происходит активная социализация человека. При этом социальные кризисы переходят в кризисы личностные, находя свое разрешение через новые формы искусства и научные теории, новые социальные нормы и стереотипы, новые представления о жизни, которые потом кристаллизуются в новую повседневность (Марцинковская, 2015а).

Отражение в произведениях искусства и научных концепциях эмоционального состояния, мыслей и переживаний творцов в разные периоды времени и в разных пространствах – очень важная и перспективная линия исследования и в психологии творчества, и в анализе развития науки и искусства. А также, что не менее важно, это путь к изучению всегда сложной связи личностной и социокультурной идентичности.

Кинематограф в ситуации транзитивности

Актуальность проблемы восприятия художественных фильмов не уменьшается со временем. Это связано не столько с тем, что кино остается одним из наиболее популярных видов искусства, сколько

ко, наоборот, с тем, что современная ситуация, новые ценности и технологии порождают новые виды искусства и новые способы его воздействия на слушателей (Арнхейм, 1974; Марцинковская, 2007). Поэтому представляется важным проанализировать специфику кино и особенности восприятия кинофильмов зрителем.

Говоря о современном кино, следует понимать, что, в отличие от других видов искусства, оно сразу появилось как искусство массовое, соединяющее в себе по крайней мере три функции – развлечения, индустрии и, возможно в последнюю очередь, искусства. Поэтому для того чтобы понять, в каком направлении и как развивается кино в современном мире, надо отразексировать тенденции развития всех трех граней кинематографа. Нам хотелось более подробно рассмотреть две функции кино – развлечения и искусства.

Кино как развлечение

Кино зародилось именно как развлечение, как аттракцион. Первые фильмы братьев О. и Л. Люмьер «Полиный поливальщик» (1895) и «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» (1896) были сняты для того, чтобы показать возможности новых технологий для создания новых форм увеселения публики, новых видов отдыха. При этом можно говорить о том, что в некоторой степени эти короткометражные фильмы стали отправными и для двух ведущих направлений в этом виде кинематографа.

Фильм «Полиный поливальщик» вызывал смех, т. е. это было легкое кино, зритель отдыхал, искренне веселясь при просмотре приключений героев. Каноническим вариантом такого вида фильмов стал знаменитый фильм «Тетушка Чарлея», впервые снятый в 1915 г. по мотивам пьесы Б. Томаса, весь построенный на недоразумениях и смешных ситуациях, в которые попадали герои.

Фильм «Прибытие поезда», в котором было показано, как прямо на людей мчится на всех парах огромный поезд, у многих людей вызывал страх, а по свидетельству очевидцев, при первых показах в залах возникла паника – люди еще не понимали, что все действие происходит только на экране. Реальность происходящей катастрофы для них казалась очевидной.

Конечно, уже в этих первых фильмах зарождалось и киноискусство, связанное с постановочными приемами и работой камеры, с монтажом. Но об этом коротко будет сказано ниже. Здесь же необходимо подчеркнуть, что и в дальнейшем кино рассматривалось прежде всего как массовое развлечение. Поэтому звезды

раннего кинематографа Чарли Чаплин, Бастер Китон, Гарольд Ллойд были великолепными комиками, смешившими людей, но при этом сочетавшими смех со сложными и опасными трюками. Психологическая составляющая работ Ч. Чаплина появилась значительно позднее и была связана прежде всего с социальными обстоятельствами.

С 1930-х годов центром массового зрительского кино стал Голливуд, так как в Европе, где кино, в первую очередь, рассматривалось как вид искусства, кинематограф попал в тиски тоталитарной системы и перестал развиваться как искусство, выполняя функции пропаганды. Многие известные режиссеры и актеры также переехали в США, в Голливуд.

Важным достоинством Голливуда, обеспечившим ему долговременный успех (в первую очередь, коммерческий, но в определенный периоды и творческий), стала студийная система. Ее основой было наличие у каждой студии крупных производственных мощностей с постоянным персоналом. Режиссеры, актеры и другие кинематографисты заключали со студиями контракты, что давало возможность выстраивать долгосрочный план работы. Помимо этого, зрительский успех обеспечивали и «звезды», которых студия раскручивала, часто практически с нуля, благодаря чему Голливуд получил название фабрики звезд. Видимо институт продюсеров, который со временем стал ведущим на студиях, во многом способствовал успешности основной продукции Голливуда. Логистические способности и чутье лучших продюсеров помогало выстроить одновременно зрительское, массовое и коммерчески успешное кино.

Сегодня основные функции массового кинематографа (аттракцион, развлечение, хорроры¹) не претерпели изменений по смыслу, однако существенно изменились по форме. Новые технологии, компьютерная анимация, сложные декорации сделали современные фильмы очень зрелищными. Часто при этом пропадает не только значимое содержание, но даже связный сюжет.

В последние годы кинокомиксы заняли лидирующее положение в современном кино. Начиная с фильма Тима Бертона «Бэтмен» (1989) уже почти 30 лет основные дорогостоящие фильмы являются адаптацией рисованных комиксов. Пересъемка известных мультипликационных фильмов, которая становится все более распространенной в последнее время, часто выхолащивает не только образную, но и эмоциональную составляющую старых фильмов.

¹ Фильмы ужасов.

Даже из современного варианта «Звездных войн» ухитрились сделать стандартное шоу, на удивление всех поклонников этой эпопеи. Одновременно на экраны выходит все больше фильмов про убийц и вампиров, которые раскрывают темные стороны и реального, и вымышленного миров. Такие фильмы становятся очень популярными у молодежи, и этот феномен требует отдельного психологического анализа.

Проблема не только в том, что в Голливуде ведущими стали сиквелы² и кинокомиксы. С точки зрения психологии искусства и с точки зрения развития кино на сегодняшний день, к сожалению, фильмы для массового зрителя направлены только на развлечение. Новая аудитория (подростки и молодежь) привыкла к зрелищному действию на экране (гонки, взрывы, эффектные сражения и т. д.), оно отождествляется с кино как таковым и поэтому все новые фильмы, которые требуют хоть какого-то интеллектуального напряжения или хотя бы небольшого переструктурирования знакомого гештальта, отторгается массовой аудиторией. Это, конечно, вполне объяснимо с психологической точки зрения, но крайне непродуктивно не только для эстетического развития молодежи, но и для развития кинематографа даже как массового искусства.

Еще более тревожным становится феномен популярности хорроров. Востребованность этого жанра «спускается» по возрастной лестнице, начиная затрагивать даже старших дошкольников. Это проявляется не только в популярности самих фильмов, но и в популярности у младшей возрастной группы игрушек, произведенных на основе сюжетов фильмов ужасов. Возможно, этот феномен отражает эмоциональное неблагополучие и высокую степень тревожности, которая отмечается учеными во многих странах. Фильм, представляя зрителям подобие реальности, порождает эффект не столько присутствия, сколько ролевого ситуативного самоопределения, возможности развлечься, отвлечься, что-то узнать или даже примерить другую судьбу, другую жизнь (Марцинковская, 2015с). Это вариант того же ухода от действительности в новой роли и виртуальном образе, который предоставляет современный Интернет.

Таким образом, с самых первых работ были заложены основания именно массового кино, которое должно было смешить, пугать и давать возможность увидеть и почувствовать то, чего в реальной жизни нет или обычному человеку недоступно. В дальнейшем

² Продолжающиеся проекты.

менялись технологии, кино становилось сложнее по форме и разнообразнее по жанрам, но основы зрительского кино сильно не изменялись.

Кино как специфический вид искусства

Несмотря на все, кинематограф все-таки смог стать и искусством, хотя, как уже говорилось выше, будет заблуждением относить к искусству всю выходящую кинопродукцию. Кино как искусство никогда не было массовым. В ситуациях социальных потрясений и трансформаций оно становилось более актуальным и привлекательным для массового зрителя, но при возвращении стабильности возникал и спрос на традиционное массовое кино. В качестве примера можно отметить советский и немецкий кинематограф 1920-х годов, заложивший основы киноязыка и появившийся на волне трансформаций в обществе и поиска новых форм искусства, доступного для публики.

Итальянский неореализм появился на фоне послевоенной нищеты, неустроенности жизни, растущего спроса на социальные перемены. Однако уже к 1950-м годам, когда благосостояние итальянского населения начало расти, интерес к неореализму стал стремительно падать. В то же время, как и в двадцатые годы, это привело к развитию киноискусства, сохранилась художественная школа, породившая режиссеров-модернистов Федерико Феллини и Микеланджело Антониони.

Культурная революция дала мощный стимул для американского кинематографа 1960–1970-х, став золотым временем для американского независимого кино, которое на время смогло пробиться на большие экраны на волне социальной напряженности и спроса на перемены. Это совпало и со временем появления новой музыки, зафиксировав в искусстве не только социальные изменения, но и социальные переживания. Однако если новые музыкальные направления продолжали развиваться, то в отношении кино картина была принципиально иной. Уже к концу 1970-х – началу 1980-х годов вернулся традиционный коммерческий кинематограф.

С точки зрения психологии киноискусства, необходимо выделить принципиальные вопросы, относящиеся как к процессу создания фильма и его восприятия, так и к процессу восприятия (осознания) и переживания (включающего и бессознательные аспекты) фильма зрителем. Если при анализе театрального спектакля важно понимать различия позиций режиссера и актера (Шпет, 2007), то

при анализе воздействия фильма процесс такого анализа усложняется в несколько раз. Прежде всего в спектакле открыт не только прямой диалог актера со зрителем, но достаточно экстерииоризированы и позиции актера и режиссера. Это открывает возможности понимания зрителями их позиции и тех переживаний, которые они внесли в замысел драматурга.

Сложности при анализе фильма связаны с большей закрытостью позиции и эмоций его создателей. Имеется в виду, естественно, именно авторское кино, кино как искусство, при котором у его создателей есть ясная авторская позиция, облеченная в образы. Переживания в этом случае также скрыты в образах, способе их подачи, т. е. в специфическом языке кино. Но главная сложность еще и в том, что помимо автора и режиссера в нем присутствует оператор, глазами которого зритель и видит фильм. Если режиссер его «подает», заостряя внимание на определенных кадрах, то оператор помогает (или мешает) сфокусировать внимание именно на этих кадрах.

Внутренняя форма кинофильма более гибкая, чем во многих других произведениях искусства. Если эта внутренняя форма кинофильма созвучна ряду представлений, возникающих у зрителя–слушателя, фильм становится произведением искусства и вызывает определенный резонанс, эмоциональный отклик.

Конечно, на первый план при создании кинофильма может выйти не внутренняя, а внешняя форма, игра с цветом, структурой кадра. Тогда важно не значение, а образное наполнение или представление, которое доминирует и в сознании творцов, и в сознании зрителей. Но именно этот момент является наиболее сложным при оценке кинофильма, так как это коллективное произведение, поэтому при его анализе, и это подчеркивали как все теоретики кино, так и кинематографисты, необходимо дифференцировать позиции оператора и режиссера фильма, что имеет принципиальное значение при психологическом анализе произведений данного вида искусства.

Поэтому при психологическом анализе создания и особенно – воздействия фильма на зрителя невозможно, например, говорить о фильмах А. Тарковского «вообще», не упоминая о том, сняты они В. Юсовым или Г. Рербергом. Фильмы С. Эйзенштейна, снятые Э. Тиссе, серьезно отличаются от его ранних произведений не только структурой и замыслом, но и «видением», внешней формой. При этом даже для фильмов, снятых в постоянном содружестве режиссера и оператора (например, Б. Бертолуччи и В. Стараро) временной аспект их создания (не говоря о сюжете и идее фильма) имеет

серьезное значение. Если в фильме «Последнее танго в Париже» доминирует внутренняя форма – влияние режиссера, то в фильмах «Маленький Будда», «Последний император» или «Расколотое небо» они выступают как равные партнеры, так как внешняя форма фильма, снятого одним из выдающихся операторов современности, является не менее важной, чем его сюжет или внутренняя форма. Образ неба (фильм «Расколотое небо»), представленный глазами оператора, передает состояние героев, возможно, даже более ясно, чем их слова.

Зритель смотрит фильм глазами оператора, часто именно он доносит до зрителя представления и идеи режиссера, например, образ неба в фильме Бертолуччи-Стораро. Есть кадры, которые концентрируют в себе всю идею фильма, и фильм вспоминается именно по ним (например, катящаяся по потемкинской лестнице коляска в фильме «Броненосец “Потемкин”»). Не менее важным является и то, что фильмы, формируя не только представление, но эмоциональный образ, должны наполнить кадр полифонией красок, звуков, движениями актеров. При этом в отличие от театра, где жесты, речь, игра актеров иногда даже в режиссерских спектаклях затмевают (и даже меняют) замысел режиссера, кино – искусство коллективное. Хотя актеры, как и в прежние времена, являются ведущими «приманками» именно в зрительском, массовом кино, органичная игра актерского ансамбля важна и в принципиально режиссерских фильмах, которые даже без второстепенных, казалось бы, фигур не могут создать полноценный фильм. Прекрасно раскрывает суть работы режиссера и значение творческого коллектива в процессе съемки фильм «Трюкач» Р. Раша с замечательным Питером О’Тулом в главной роли.

Говоря о киноязыке, важно понимать и роль киномонтажа, который помогает и режиссеру, и оператору донести свое видение до зрителя. При анализе таких сложных и многоаспектных составляющих, как движение камеры, съемка одной или несколькими камерами, с рук или со штатива, способы монтажа, применяемые разными режиссерами, важно соотносить собственно художественные и технические моменты. Ведь искусство кино – это как раз уникальный сплав искусства, артистизма и техники.

Литература тоже использует монтажные элементы, однако там отсутствует синтетичность кинематографа, дающая ему дополнительные возможности и для идентификации с героями, и для выражения эстетических (и не только эстетических) переживаний.

Еще С. Эйзенштейн, обдумывая содержание своей книги о монтаже, подчеркивал, что для кинофильма необходимо найти адекватные формы отображения взаимосвязи между словом и изображением, линией и мелодией, звуком и цветом (Эйзенштейн, 2002). М. Ромм говорил о значении монтажных столкновений и для развития образа фильма, и для передачи его смысла и эмоционального образа зрителям. При этом, в зависимости от задуманного авторами эффекта, важны как «мягкие», так и «жесткие» способы монтажа, при котором столкновение кадров вызывает шок (Ромм, 1981). Еще важнее взаимосвязь образа, замысла и монтажа в современных кинопроизведениях, язык которых не только более полифоничен, но и в большей степени ориентирован на образ, а не на слово. Именно этот киноязык понятен современным подросткам, что, возможно, в некоторой степени объясняет их отчужденность от классических фильмов. Не углубляясь в эту важную для понимания киноязыка тему, подчеркнем только, что практически все большие режиссеры обращали внимание на специфику киномонтажа, его связи с внешней и внутренней формой фильма, а также с целью, которую преследуют авторы.

Соотношение эмоций, вызываемых кинофильмом, с его внешней и внутренней формой переводит изучение роли искусства из философской и искусствоведческой в психологическую парадигму, так как ставит вопрос о роли когнитивной составляющей в эстетическом переживании. И здесь фокус анализа переносится на проблему идентичности и проблему влияния искусства на внутренний мир человека, его представления о себе. Ведь именно новая идентичность, если она формируется в процессе эстетического восприятия, во многом становится основой тех новых смыслов, новых образов, которые входят в самосознание людей и вызывают эмоции по отношению и к героям, и к самому себе.

И тут вопрос о когнитивной составляющей в восприятии художественных произведений, культурно-исторического и социального контекста, ярко проявляющихся в фильмах, снятых даже в конце прошлого века, а тем более в более ранних фильмах, встает с особой остротой.

Можно говорить о том, что доминирование в фильмах сюжетно-событийной канвы, застывшей внутренней и даже внешней формы, существенно уменьшает их воздействие на современного зрителя. Поэтому многие фильмы, являющиеся классикой кинематографа, сегодня не интересуют и не волнуют зрителя. «Броненосец «Потемкин» или «Филадельфийская история», при всей

их сюжетной и социокультурной несхожести, сегодня интересны преимущественно критикам и любителям, точнее, знатокам кино. Поэтому важной составляющей является синтетичность кинопроизведений, в которых эстетический эффект достигается не только смыслом события (имеющим, безусловно, разное наполнение для разных зрителей), но и его формой.

Заключение

Если в стабильной ситуации роль культуры проявляется прежде всего в кристаллизации основных переживаний эпохи, то в ситуации транзитивности культура становится важным прогностическим фактором, помогающим структурированию будущего. Поэтому произведения культуры представляют собой идеальный материал как для психологии повседневности, так и для исследования трансформаций в сложной связи личностной и социокультурной идентичности.

Наиболее выпукло трансформации объективного и субъективного пространства и времени, так же как и соотношения личностной и социокультурной идентичности отражаются в творчестве художников, в изменении «языка» искусства. Изменения направленности творческих исканий музыкантов, художников, артистов преломляются не только в их произведениях, но и в содержании и структуре их идентичности, содержательном наполнении их ролевого функционала.

Высокая мотивация на творчество, на достижения в избранной деятельности помогают сохранить ориентацию на будущее даже в относительно неблагоприятной социальной ситуации.

Как уже говорилось, практически все открытия, значимые для кинематографа как вида искусства, происходили на фоне социальной нестабильности. Поэтому тот факт, что начиная с 1980-х годов не происходит значительных социальных потрясений, не стимулирует и развитие новых форм киноязыка, новых форм киноискусства. С этим связан и тот факт, что кино как искусство практически полностью отделилось от массового кино и живет своей параллельной жизнью. Появилось целое направление независимого или, как его еще часто называют, фестивального кино, совершенно далекого и не рассчитанного на массового зрителя.

Серьезное кино в настоящее время ориентировано преимущественно на взрослых людей. С этим связана и тенденция перехода

данного сегмента кинопродукции на телевидение. Серьезные жанры, т. е. собственно искусство, начинают переводить в сериалы. Этот вид киноискусства рассчитан в основном на взрослых людей, которым часто не хочется выходить из дома для того, чтобы посмотреть новый фильм. Наличие видеокассет серьезным образом повлияло на распространение кино, многие стали смотреть его дома, возникло понятие «homevideo». Появление более технологичных носителей DVDBlueRey и телевизоров с большими экранами окончательно утвердило просмотр фильмов дома как альтернативу кинотеатрам. В итоге взрослый зритель предпочитает смотреть кино дома.

Таким образом, можно констатировать, что искусство кино не претерпело сильных трансформаций за последние десятилетия, так как фестивальное кино не рассчитано на массового зрителя, и не нуждается поэтому в новых способах эмоционального заражения. Его сила прежде всего в содержании (что доказывают и последние награды престижных фестивалей) или, теперь намного реже, в красоте кадра. Способы построения таких кадров были открыты еще в середине прошлого века и не очень серьезно технически изменились.

Изменилось массовое кино. Именно здесь, с привлечением значительного количества денег, изобретаются и совершенствуются технические средства, помогающие вызвать смех или ужас у зрителей. Этому способствуют и новые компьютерные технологии, усиливающие эмоциональное воздействие на зрителя. Поэтому можно говорить, что кино не является ни зеркалом, ни методом рефлексии или личностного развития людей. Оно остается наилучшим способом релаксации, уступая, правда, при этом живой музыке. Но оно представляет собой и вид развлечения, опережая по этому параметру все другие виды искусства, а также частично и способ познания, позволяя увидеть новые социумы, новые миры, причем часто без особого интеллектуального напряжения, что повышает его привлекательность.

Возможно, именно поэтому среди молодежи все большее распространение получают социальные сети и on-line видео, также позволяющее получить новую информацию, причем намного более широкую по содержанию и более адресную по существу. В некоторых группах молодежи этот способ проведения досуга и получения информации уже серьезно вытесняет кино. Поэтому вопрос о будущем кино и как развлечения, и как искусства остается открытым.

- Арнольд Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
- Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.
- Балашова Е.Ю.* О судьбе некоторых понятий культурно-исторической теории развития психики Л.С. Выготского в нейропсихологии А.Р. Лурии: Логика и парадоксы изменений // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 6. [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.10.2017).
- Гавриченко О.В., Марцинковская Т.Д.* Культура как образующая идентичности // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2017. № 54 (10). [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.10.2017).
- Леонтьев Д.А.* Введение в психологию искусства. М.: Смысл, 1998.
- Марцинковская Т.Д.* Искусство в современном мире – новые формы и новые старые механизмы воздействия // Культурно-историческая психология. 2007. № 2. С. 56–61.
- Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015а.
- Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования: Электрон. науч. журн. 2015b. Т. 8. № 42. С. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.10.2017).
- Марцинковская Т.Д.* Эстетическая парадигма в современной психологии: гармонизация переживаний времени и пространства // Вопр. психол. 2015с. № 6. С. 1–11.
- Марцинковская Т.Д.* Социальная и эстетическая парадигма в методологии современной психологии // Психологические исследования: Электрон. науч. журн. 2014. Т. 8. № 42. С. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.10.2017).
- Ромм М.И.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 2. М.: Искусство, 1981.
- Станиславский К.С.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1: Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1954.
- Теплов Б.М.* Избранные психологические труды. М.; Воронеж: МОДЭК, 1998.
- Шпет Г.Г.* Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007.
- Эйзенштейн С.М.* Психологические вопросы искусства. М.: Смысл, 2002.

- Arnheim R.* Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie. M.: Progress, 1974.
- Asmolov A.G.* Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. M.: Smysl, 2007.

- Balashova E.Yu.* O sud'be nekotorykh ponyatii kul'turno-istoricheskoi teorii razvitiya psikhiki L.S. Vygotskogo v neiropsikhologii A.R. Lurii: Logika i paradoksy izmenenii // Psikhologicheskie issledovaniya. 2016. T. 9. № 48. S. 6. [Elektronnyi resurs] URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya:15.10.2017).
- Gavrichenko O.V., Martsinkovskaya T.D.* Kul'tura kak obrazuyushchaya identichnosti // Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. 2017. № 54 (10). [Elektronnyi resurs] URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya:15.10.2017).
- Leont'ev D.A.* Vvedenie v psikhologiyu iskusstva. M.: Smysl, 1998.
- Martsinkovskaya T.D.* Iskusstvo v sovremennom mire – novye formy i novye starye mekhanizmy vozdeistviya // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2007. № 2. С. 56–61.
- Martsinkovskaya T.D.* Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoi paradigme. M.: Smysl, 2015a.
- Martsinkovskaya T.D.* Sovremennaya psikhologiya – vyzovy tranzitivnosti // Psikhologicheskie issledovaniya: Elektron. nauch. zhurn. 2015b. T. 8. № 42. S. 1. [Elektronnyi resurs] URL: <http://psystudy.ru>. (data obrashcheniya: 13.10.2017).
- Martsinkovskaya T.D.* Esteticheskaya paradigma v sovremennoi psikhologii: garmonizatsiya perezhivaniy vremeni i prostranstva // Vopr. psikhol. 2015c. № 6. S. 1–11.
- Martsinkovskaya T.D.* Sotsial'naya i esteticheskaya paradigma v metodologii sovremennoi psikhologii // Psikhologicheskie issledovaniya: Elektron. nauch. zhurn. 2014. T. 8. № 42. S. 1. [Elektronnyi resurs] URL: <http://psystudy.ru>. (data obrashcheniya: 13.10.2017).
- Romm M.I.* Izbrannye proizvedeniya: V 3 t. T. 2. M.: Iskusstvo, 1981.
- Stanislavskii K.S.* Sobr. soch.: V 8 t. T. 1: Moya zhizn' v iskusstve. M.: Iskusstvo, 1954.
- Teplov B.M.* Izbrannye psikhologicheskie trudy. M.;Voronezh: MODEK, 1998.
- Shpet G.G.* Filosofiya i psikhologiya kul'tury. M.: Nauka, 2007.
- Eizenshtein S.M.* Psikhologicheskie voprosy iskusstva. M.: Smysl, 2002.

Сведения об авторах

Гавриченко Оксана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Oksana-danshina@rambler.ru

Марцинковская Татьяна Давидовна – доктор психологических наук, профессор, директор, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный, гуманитарный университет; заведующая Лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, главный научный сотрудник, Федеральный институт развития образования, marsinkovskaya@psystudy.ru

Орестова Василиса Руслановна – доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, v.r.orestova@gmail.com.

About authors

Gavrichenko Oksana V. – Ph.D. in Psychology, associate professor of Personality Psychology Department, L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University for the Humanities, Oksana-danshina@rambler.ru

Martsinkovskaya Tatyana D. – Dr. in Psychology, prof., deputy director, L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University for the Humanities; head, Laboratory of teenager's psychology, Russian Academy of Education Psychological Institute, chief researcher, Federal Institute of Education Development, marsinkovskaya@psystudy.ru

Orestova Vasilisa R. – Dr. in Psychology, head, Personality Psychology Department, L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University for the Humanities, v.r.orestova@gmail.com.

Эмпирические исследования

Т.Д. Шевеленкова

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

М.А. Казанцева

ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева

А.В. Коновалова

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

T.D. Shevelenkova

L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University
for the Humanities

M.A. Kazantseva

N.A. Alekseev Psychiatric Clinical Hospital № 1

V.A. Konovalova

L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University
for the Humanities

Переживание своего существования
в стенах больницы как фактор комплаенса
и повторной госпитализации больных,
страдающих параноидной шизофренией

Experience of the own existence within the hospital
walls as a factor of compliance and re-hospitalization
of patients suffering from paranoid schizophrenia

В статье рассматриваются психологические и социальные проблемы, побуждающие пациентов к принятию решения о добровольном стационарировании в психиатрическую клиническую больницу, и прежде всего различия в оценке своего существования в стенах больницы (при стационарировании) и вне стен больницы пациентами, страдающими шизофренией и различными типами комплаенса. В работе представлена авторская методика «Шкалы, характеризующие переживания и состояния пациентов с SCH в стенах больницы и вне стен больницы», разработанная специально для данного исследования, в котором приняли участие две группы пациентов (общей численностью 180 человек), страдающих параноидной шизофренией: комплаентные (медико-реабилитационное отделение

и дневной стационар ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева) и некомплаентные (территориальные отделения). Исследование показало, что пациентов, страдающих параноидной формой шизофрении, соблюдающих комплаенс, заставляет избегать повторных госпитализаций крайне противоречивые переживания, характеризующие их пребывание именно *в стенах больницы*, причем значение характеристик таких переживаний у данных пациентов сдвинуто в сторону отрицательного полюса. Пациенты, страдающие параноидной формой шизофрении, *не* соблюдающие комплаенс, характеризуют свое существование *в стенах больницы* чаще всего как крайне стабильное, спокойное, связанное с ощущением поддержки, открытое, характеризующееся переживанием чувства общности с другими, и защищенное, поэтому, несмотря на то что для данной группы пациентов их жизнь вне стен больницы субъективно не несет в себе отрицательных коннотаций, при повторной госпитализации они попадают в крайне комфортную для себя среду, что, в свою очередь, способствует (или, по крайней мере, не препятствует) решению ими своих проблем путем добровольной госпитализации. Иначе говоря, социальные проблемы приводят к регоспитализации скорее всего тогда, когда больничная среда воспринимается пациентами как комфортная. В противном случае пациенты, страдающие параноидной шизофренией, стремятся поддерживать комплаенс, не попадать в стационар и решать свои социальные и психологические проблемы либо с помощью близких, либо обращаясь в социальные службы.

Ключевые слова: комплаенс, пациенты, страдающие параноидной формой шизофрении, переживание своего существования «в стенах больницы» и «вне стен больницы», авторская методика.

The article deals with psychological and social problems that encourage patients to make a decision to volunteer for a psychiatric hospital, and first of all, differences in the assessment of their existence “within the hospital walls” (during hospitalization) and “outside the hospital walls” by patients suffering from schizophrenia, and various types of compliance.

The article presents author’s methodology “Scales characterizing the experiences and conditions of patients with SCH in the hospital walls and outside the hospital” designed specially for the study, that was attended by two groups of patients (total number of 180) suffering from paranoid schizophrenia: compliant (medical rehabilitation department and day hospital of the N.A. Alekseev PKB No. 1) and non-compliant (territorial departments). The study proved that patients suffering from a paranoid form of schizophrenia, who observe the compliance, are compelled to avoid repeated hospitalizations by the extremely controversial experiences that characterize their stay exactly *within the hospital walls*, and notably the significance of characteristics of such experiences in these patients is shifted toward the negative pole. Patients suffering from

a paranoid form of schizophrenia who do not observe the compliance, characterize their existence *within the hospital walls* most often as extremely stable, calm, associated with a sense of support, open, characterized by the experience of a sense of community with others, and a sense of being protected, therefore, despite the fact that for these groups of patients their lives “outside the hospital walls” subjectively does not carry negative connotations, when they are re-hospitalized they get into an environment that is extremely comfortable for themselves, which in turn contributes (or, at least, does not prevent from) the solution of their problems through a voluntary hospitalization. In other words, social problems lead to re-hospitalization, most likely when the hospital environment is perceived by patients as a comfortable one. Otherwise, patients suffering from paranoid schizophrenia tend to maintain the compliance, not enter the hospital and solve their social and psychological problems either with the help of relatives or by contacting social services.

Key words: compliance, patients suffering from a paranoid form of schizophrenia, experiencing their existence “within the hospital walls” and “outside the hospital walls”, author’s methodology.

В последние годы наиболее острыми проблемами как психиатрии, так и клинической психологии, отражающими, прежде всего, особенности современной клинической практики, стали, во-первых, проблема госпитализации психиатрических пациентов (как проблема снижения количества пациентов, к ней прибегающих, и увеличению тех пациентов, которые могут оставаться в социуме) и, во-вторых, – проблема комплаенса.

Термин «комплаенс» (англ. Compliance – согласие, соответствие; происходит от глагола to comply – исполнять) буквально означает действие в соответствии с запросом или указанием; повиновение. Данный термин, используемый в различных областях науки и практики, прочно вошел в медицину (Лапин, 2001, с. 204–205), а также в медицинскую и клиническую психологию, имеет очень много определений и, по данным ВОЗ, в настоящее время нет его однозначного понимания. В психиатрии и клинической психологии наиболее часто рассматривается тот аспект комплаенса, который можно назвать согласием или сотрудничеством между врачом и пациентом, подразумевающим то, что пациент придерживается лечения, назначенного ему врачом. Однако в исследованиях чаще всего рассматривается проблема «нонкомплаентности» пациентов, поскольку «факт, что больные далеко не всегда придерживаются лечения, назначенного им врачом, признан одной из самых серьезных и распространенных трудностей медицинской практики»

(Банщикова, 2006, с. 35). Вся история изучения феномена комплаенса в психиатрии связана с поисками причин его нарушений (Лутова, 2012, с. 59). Хотя комплаенс не является частной проблемой психиатрии, отмечается сравнительно низкая комплаентность при психических расстройствах, что, вероятно, обуславливается более выраженным влиянием самого заболевания на приверженность пациентов лечению, когда они могут не так строго следовать психофармакологическим предписаниям, как они делали бы это при лечении физического заболевания (Банщикова, 2006, с. 35–36).

На сегодняшний день самой распространенной группой пациентов, имеющей наиболее высокий показатель по количеству госпитализаций в стационар психиатрической больницы (из всех нозологий данного профиля), являются пациенты, страдающие параноидной формой шизофрении. Как правило, такие больные имеют в анамнезе ряд повторных госпитализаций и сформированный синдром госпитализма (Каримов, 2008).

В случае пациентов, страдающих шизофренией, проблемы комплаентности и частоты повторных, в том числе добровольных, госпитализаций являются тесно связанными. В нашем исследовании, нацеленном на проверку гипотезы о связи между частотой госпитализаций пациентов, страдающих параноидной формой шизофрении, с разным типом комплаенса, был проведен статистический анализ количества добровольных госпитализаций за последние 2 года болезни, показавший, что частота госпитализаций за этот период значительно выше у пациентов, не поддерживающих комплаенс. В то же время пациенты, посещающие медико-реабилитационное отделение и дневной стационар, обходятся без госпитализаций достаточно стабильно (Шмилович, Гончаренко, Шевеленкова, Казанцева, 2014). Согласие или сотрудничество между врачом и пациентом подразумевало то, что пациент придерживается лечения, назначенного ему врачом в психиатрической практике, и проявляется прежде всего в том, что пациент поддерживает связь с дневным стационаром клиники или с другими внебольничными службами (ПНД, социальные службы) (комплаентность). Некомплаентность же проявляется в том, что пациенты данную связь не поддерживают и не придерживаются назначенного врачом лечения.

Взаимосвязанность указанных выше насущных и острых проблем психиатрии и клинической психологии позволяет ставить вопрос об общих факторах, обуславливающих как комплаентность, так и частоту повторных, в том числе добровольных, госпитализаций больных шизофренией. Это касается всех групп факторов, обуславливающих комплаенс, особенностью которого, прежде всего, является его мульти-

факторность. Общепризнанно деление факторов, обуславливающих комплаенс, на 4 группы: «факторы, связанные с терапией; факторы, связанные с больным, т. е. с его личностью и заболеванием; факторы, связанные с врачом, и факторы, связанные с внешней средой (более всего с ее социальным аспектом)» (Банщиков, 2006, с. 36).

Признавая наличие таких факторов комплаентности, а также таких мотивов добровольной госпитализации, которые связаны с личностью пациента и его взаимодействием с социальной средой, клиницисты и исследователи предпочитали их как бы не замечать, придавая значение прежде всего тем, которые связаны с болезнью, и психопатологическим мотивам добровольного стационарирования. «Другие» факторы и мотивы настолько игнорировались отечественной клинической психологией, что не были даже описаны и систематизированы. В настоящее время тем не менее эта проблема все-таки зазвучала, в том числе и в исследованиях в области психиатрии (Шмилович, Гончаренко, 2014).

Как было показано в наших предыдущих исследованиях, одним из важнейших факторов комплаентности, с одной стороны, и стремления к добровольной госпитализации, – с другой, у пациентов, страдающих параноидной шизофренией, являются различные способы решения проблем мотивационно-потребностного характера, а также фрустрация потребностей различного уровня. Она по-разному связана с выбором варианта решения проблемы этими группами пациентов (Казанцева, Шевеленкова, 2016). Были выявлены наиболее распространенные психологические и социальные проблемы, которые побуждают пациентов к принятию решения о добровольном стационарировании. Это проблемы, связанные с фрустрацией следующих групп (уровней) потребностей: (1) физиологические потребности: поддержание гомеостаза, голод, жажда, поддержание режима сна/бодрствования; (2) потребности в безопасности: потребности в стабильности жизненных условий, комфорте; (3) социальные потребности (т. е. потребности, позволяющие удовлетворить выделенную А. Маслоу потребность в любви и принадлежности): стремление к общению, материальным благам, потребность принадлежать к различным социальным группам, потребность в эмоциональной поддержке и др.; (4) престижные потребности (потребность в уважении и признании со стороны других людей, в карьерном росте, в достижении успеха и т. п.); (5) духовные потребности (стремление к самоактуализации, экзистенциальные переживания: переживание и страх одиночества, поиск смысла жизни и др.) (Там же).

В данном исследовании мы предположили, что важным психологическим фактором комплаентности, а также именно добровольной

госпитализации, наряду с фрустрацией потребностей является то, *как* пациент переживает свое существование в мире: существование «в стенах больницы» и «вне стен больницы». Иначе говоря, вопрос касается того, что изменяется в переживании своего существования пациентом, страдающим параноидной шизофренией, когда он выходит из стен больницы в «большой» мир и пребывает там, или же, наоборот, стационарируется в клинику и обречен на какое-то время быть «заключенным» в ее стенах. Предполагается, что переживания пациентами своего существования в период их стационарирования в клинику и пребывания в ней значительно (а может быть, и принципиально) меняются по сравнению с тем, как данные пациенты переживают свое существование «вне стен» клиники. Проведенное исследование призвано ответить на вопрос, могут ли такие экзистенциальные проблемы, как особенности переживания своего существования «в стенах больницы» и «вне стен больницы» пациентами, страдающими параноидной шизофренией, быть фактором поддержания или нарушения комплаенса, а также фактором, способствующим решению данными пациентами своих проблем путем добровольной госпитализации или же, наоборот, препятствующим этому. Можно даже предположить, что обращение в клинику при добровольной госпитализации вызвано желанием освободиться, с одной стороны, от гнета фрустрированных потребностей, и от негативных переживаний своего существования «вне стен больницы» – с другой.

Рассмотрение переживания в контексте поиска мотивирующих факторов добровольной госпитализации и комплаенса вполне понятно, поскольку, как считал Л.С. Выготский, «всякая эмоция есть призыв к действию или отказ от действия. Ни одно чувство не может оставаться безразличным и безрезультативным в поведении...» (Выготский, 1991, с. 137). Он рассматривал переживание как внутреннее отношение человека к тому или иному моменту действительности и считал, что оно является действительной динамической единицей сознания, из которых сознание складывается. «...В переживании мы всегда имеем дело с неразложимым единством особенностей личности и особенностей ситуации, которая представлена в переживании» (Словарь Л.С. Выготского, 2007, с. 103).

Методика. Участники исследования

В качестве участников исследования были выбраны пациенты, страдающие параноидной формой шизофрении, поскольку, как было показано в ряде исследований, проведенных врачами-психиатрами (см., например, работы: Лутова, Незнанов, Вид, 2008; Лутова, 2012),

данные пациенты склонны как в острый период, так и в период ремиссии проявлять достаточно низкую комплаентность, что придает исследованию особую актуальность и практическую значимость.

В исследовании приняли участие две группы пациентов, страдающие параноидной шизофренией. В первую (90 человек) вошли пациенты, которые в периоды между госпитализациями в условия стационарного режима активно посещают реабилитационные, психокоррекционные и психотерапевтические мероприятия в условиях амбулаторного и полустационарного режимов, а именно медико-реабилитационного отделения и дневной стационар ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева, выявляя, таким образом, высокий уровень комплаенса. Во вторую (90 человек) группу вошли пациенты стационарных отделений, которые в периоды между госпитализациями не проходят курс поддерживающих и реабилитационных программ, выявляя, в свою очередь, отсутствие комплаенса.

Характеристика авторской методики

Цели и задачи данной работы, а также необходимость проверки выдвинутой в данном исследовании гипотезы о том, что важным психологическим фактором как комплаентности, так и добровольной госпитализации, наряду с фрустрацией потребностей, является то, *как* пациент переживает свое существование в мире: существование «в стенах больницы» и «вне стен больницы», потребовали создания новой методики. Авторами были созданы «Шкалы, характеризующие переживания и состояния пациентов с SCH в стенах больницы и вне стен больницы».

Целью методики является определение субъективных состояний и переживаний пациентов «в стенах больницы» и «вне стен больницы», а также, какие именно феномены самоощущения вызывают у пациентов стремление госпитализироваться, а какие мотивируют их поддерживать комплаенс и посещать психокоррекционные мероприятия в амбулаторном режиме. Для того чтобы опросник выявлял реальные проблемы пациентов, страдающих параноидной формой шизофрении, при проведении пилотажного исследования путем клинического интервью были выделены наиболее часто описываемые самоощущения пациентов, в которых они характеризуют свое существование «в стенах» и «вне стен» больницы. Характеристики переживаний, извлеченные из клинических интервью с пациентами, позволили составить ряд из 11 биполярных десятибалльных шкал, где один полюс (1) характеризует позитивное переживание или состояние, в то время как другой

полюс (10) характеризует прямо противоположное, т. е. негативное: (1) «Стабильность / непредсказуемость»; (2) «Спокойствие / тревога»; (3) «Поддержка / брошенность»; (4) «Расслабление / напряжение»; (5) «Энергичность / апатия»; (6) «Свобода / подчиненность»; (7) «Открытость / замкнутость»; (8) «Порядок / хаос»; (9) «Общность / одиночество»; (10) «Насыщенность / пустота»; (11) «Защищенность / опасность».

Полученные 11 шкал последовательно предлагались обследуемым для оценки своего существования «в стенах» и «вне стен» больницы. Необходимо отметить, что оценки, которые давали пациенты своему существованию «в стенах» и «вне стен» больницы, отражают не столько качество психиатрической помощи, сколько изменения в субъективном состоянии пациента.

К заполнению шкал испытуемым была предложена следующая инструкция: «Оцените Вашу жизнь вне стен больницы по предложенным ниже характеристикам (например, “ясность–замешательство”).»

Ясность 1 ___ 2 ___ 3 ___ 4 ___ 5 ___ 6 ___ 7 ___ 8 ___ 9 ___ 10 Замешательство

На предложенных ниже отрезках обведите цифру, которая, на Ваш взгляд, более всего характеризует состояние, которое присутствует в Вашей жизни. При этом цифра 10 характеризует Вашу жизнь вне стен больницы как “крайнее замешательство”, и, наоборот, цифра 1 характеризует Вашу жизнь вне стен больницы как крайнюю ясность. Цифры 5 и 6 означают нейтральную оценку.

Цифры 2, 3, 4 показывают то, насколько Ваша жизнь вне стен больницы может характеризоваться словом «ясность» (2 – более ясная, 3 – менее ясная и т. д.). Цифры 9, 8, 7 показывают то, насколько Ваша жизнь вне стен больницы может характеризоваться словом “замешательство” (9 – высокая степень замешательства, 8 – менее выраженная степень замешательства и т. д.).

При ответе обводите только одну цифру. По возможности избегайте нейтральных ответов (цифры 5 и 6)».

Результаты

Применение созданного авторами опросника позволило выявить, как переживают свое существование «вне» и «в стенах» больницы пациенты с разным уровнем комплаенса.

В таблице 1 представлено то, какое числовое значение (мода) наиболее часто приписывают пациенты, страдающие шизофренией, как соблюдающие комплаенс, так и не соблюдающие его, характеристикам, отражающим особенности их существования «в стенах больницы» и «вне стен больницы».

Таблица 1

Результаты исследования
особенностей переживания своего существования
«в стенах больницы» и «вне стен больницы»
комплаентными и некомплаентными пациентами

Шкала	Комплаентные пациенты (МРО и дневной стационар)		Некомплаентные пациенты (участково-территориальные отделения)	
	«В стенах больницы»	«Вне стен больницы»	«В стенах больницы»	«Вне стен больницы»
	Мода	Мода	Мода	Мода
Стабильность / непредсказуемость	2	2	1	1
Спокойствие / тревога	7	2	1	1
Поддержка / брошенность	2	2	1	1
Расслабление / напряжение	8	5	1	1
Энергичность / апатия	4	3	4	1
Свобода / подчиненность	10	1	10	1
Открытость / замкнутость	8	3	1	1
Порядок / хаос	4	1	1	1
Общность / одиночество	5	2	1	1
Насыщенность / пустота	5	2	5	1
Защищенность / опасность	2	1	1	1

Полученные результаты, характеризующие особенности переживаний своего существования как «в стенах больницы», так и «вне их» пациентами, поддерживающими комплаенс, представлены на рис. 1.

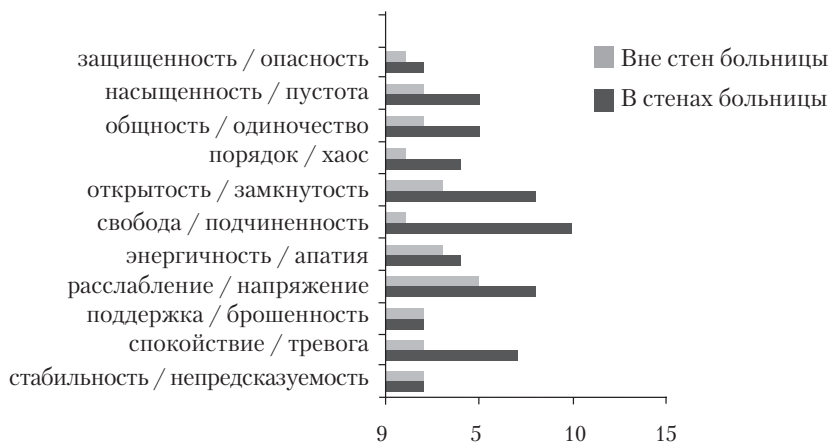

Рис. 1. Особенности переживаний своего существования как в стенах больницы, так и вне их пациентами, поддерживающими комплаенс

Согласно полученным данным, *комплаентные пациенты* характеризуют свое существование *в стенах больницы* чаще всего как: стабильное, связанное с ощущением поддержки, защищенное, и в то же время как тревожное, напряженное, крайне подчиненное и замкнутое. Средние значения чаще всего приписываются таким характеристикам собственного существования, как «Энергичность / апатия»; «Порядок / хаос»; «Общность / одиночество»; «Насыщенность / пустота».

Вне стен больницы *комплаентные* пациенты характеризуют свое существование чаще всего как: стабильное, спокойное, связанное с ощущением поддержки, энергичное, открытое, характеризующееся переживанием чувства общности с другими, насыщенное, а также крайне упорядоченное, свободное и защищенное. Отметим, что существование «вне стен больницы» не имеет ни одной негативной характеристики. Единственная характеристика, имеющая среднее (неопределенное) значение – это «Расслабление / напряжение».

Для того чтобы ответить на вопрос, существует ли для *комплаентных* пациентов разница в характеристике переживания ими существования «в стенах больницы» и «вне стен больницы», были определены значимые различия в оценке каждого параметра существования. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Значимые различия (по критерию Манна–Уитни) в характеристиках переживаний собственной жизни «в стенах больницы» и «вне стен больницы» пациентами, поддерживающими комплаенс

Шкала	$p < 0,05$
Спокойствие / тревога	0,002
Расслабление / напряжение	0,006
Энергичность / апатия	0,045
Свобода / подчиненность	0,00
Порядок / хаос	0,032
Общность / одиночество	0,022
Насыщенность / пустота	0,016
Защищенность / опасность	0,048

По результатам диагностики субъективных переживаний жизни «в стенах больницы» и «вне стен больницы» в представлениях группы комплаентных пациентов значимые различия присутствуют в 9 из 11 шкал, а именно: спокойствие / тревога; расслабление / напряжение; энергичность / апатия; свобода / подчиненность; открытость / замкнутость; порядок / хаос; общность / одиночество; насыщенность / пустота; защищенность / опасность. Показатели по этим шкалам выраженно смещены к негативному полюсу представлений о жизни «в стенах больницы». Можно предположить, что пациенты, поддерживающие комплаенс, стремятся поддерживать амбулаторный режим, тем самым избегая попадания в стационар, что, с другой стороны, не способствует стремлению к повторному добровольному стационариванию. Жизнь «вне стен больницы» для данной группы пациентов субъективно не несет в себе отрицательных коннотаций.

Результаты, характеризующие особенности переживаний своего существования как «в стенах больницы», так и «вне их» пациентами, не поддерживающими комплаенс, представлены на рис. 2. На нем представлено то, какое числовое значение (мода) соответствует

наиболее частому выбору пациентами, страдающими шизофренией, не соблюдающими комплаенс, значений характеристик, отражающих особенности их существования в стенах больницы и вне стен больницы.

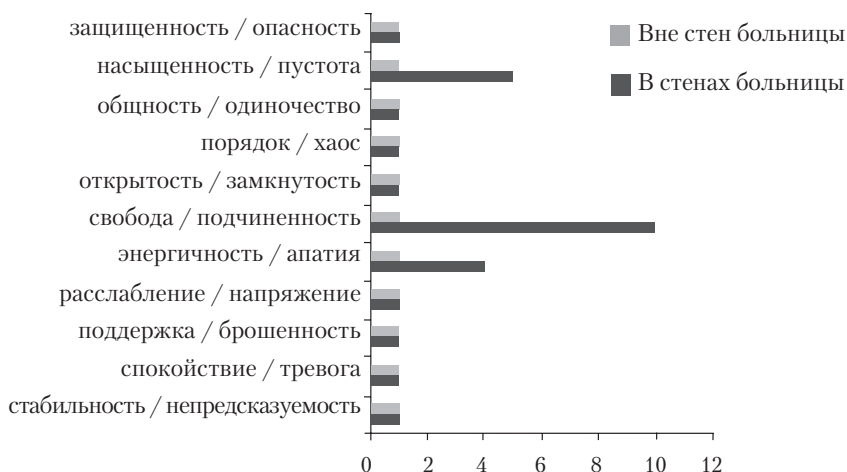

Рис. 2. Особенности переживаний своего существования как в стенах больницы, так и вне их пациентами, не поддерживающими комплаенс

Нонкомплаентные пациенты характеризуют свое существование в стенах больницы чаще всего как крайне стабильное, спокойное, связанное с ощущением поддержки, открытое, характеризующееся переживанием чувства общности с другими и защищенное. Единственное, что характеризуется крайне негативно – это отсутствие свободы, крайняя подчиненность. В зону неопределенности попадают такие характеристики, как «Энергичность / апатия»; «Насыщенность / пустота», хотя и существует сдвиг значений данных характеристик к негативному полюсу (апатия, пустота).

Вне стен больницы *нонкомплаентные* пациенты описывают свое существование чаще всего как характеризующееся крайней степенью стабильности, спокойствия, ощущения поддержки, свободы, открытости, чувства общности с другими, энергичности, насыщенности и защищенности.

Таблица 3

Значимые различия (по критерию Манна–Уитни)
в значениях характеристик переживаний собственной жизни
«в стенах больницы» и «вне стен больницы»
пациентами, поддерживающими комплаенс

Шкала	$p < 0,05$
Свобода / подчиненность	0,00

У группы пациентов, наблюдавшихся в условиях стационарного режима, которые не поддерживают комплаенс в период между госпитализациями, значимые различия в представлениях о жизни «в стенах больницы» и «вне стен больницы» были выявлены только по одной шкале «свобода / подчиненность». Безусловно, полюс «подчиненность» превалировал в их представлениях о жизни «в стенах больницы». Учитывая тот факт, что пациенты с параноидной формой шизофрении имеют проблемы с самоорганизацией, то выбор полюса «подчиненность» вряд ли для них можно интерпретировать как негативную характеристику. На наш взгляд, скорее, «подчиненность» будет свидетельствовать о стремлении пациента попасть в условия стационара, которые способствуют организации режима пациентов и их ощущению собранности и стабильности.

Несмотря на то что значимых различий по другим шкалам выявлено не было, на представленном графике, который составлен на основе собранного материала, мы также видим отличия по шкалам «энергичность / апатия»; «насыщенность / пустота». «В стенах больницы» у пациентов присутствует ощущение пустоты и апатии. Однако несмотря на то что такие переживания не несут в себе позитивного характера, больные, не поддерживающие комплаенс, не считают их основанием для добровольной госпитализации.

Результаты исследования того, отличается ли переживание своего существования «в стенах больницы» пациентами, соблюдающими комплаенс и не соблюдающими его, представлены на рисунке 3 и в таблице 4.

Таблица 4

Значимые различия (по критерию Манна–Уитни) в характеристиках переживаний своего существования (жизни) «в стенах больницы» и «вне стен больницы» пациентами, поддерживающими (МРО, дневной стационар) и не поддерживающими (участково-территориальные отделения) комплаенс

Наименование шкал	$p < 0,05$
Стабильность / непредсказуемость	0,034
Спокойствие / тревога	0,013
Поддержка / брошенность	0,040
Расслабление / напряжение	0,012
Открытость / замкнутость	0,014
Порядок / хаос	0,042
Общность / одиночество	0,030
Защищенность / опасность	0,030

Различия в особенностях переживаний своего существования (жизни) «в стенах больницы» между группами пациентов, соблюдающих и не соблюдающих комплаенс, выявлены по следующим шкалам: защищенность / опасность; общность / одиночество; открытость / замкнутость; расслабление / напряжение, спокойствие / тревога; порядок / хаос; стабильность / непредсказуемость. При этом значение характеристик переживания своего существования (жизни) «в стенах больницы» пациентами, соблюдающими комплаенс, сдвинуто в сторону отрицательного полюса, что хорошо видно на рис. 3.

Для пациентов, поддерживающих комплаенс (МРО и дневной стационар), характеристики «опасность», «одиночество», «хаос», «замкнутость», «напряжение», «брошенность», «тревога», «непредсказуемость» связаны с пребыванием в стенах больницы. Это позволяет нам говорить о том, что негативные переживания «в стенах» больницы, страх погружения в такую атмосферу помогают данным пациентам удерживаться от повторных (добровольных) госпитализаций в условия стационара и формируют их мотивацию поддерживать комплаенс с целью избежать неприятных ощущений.

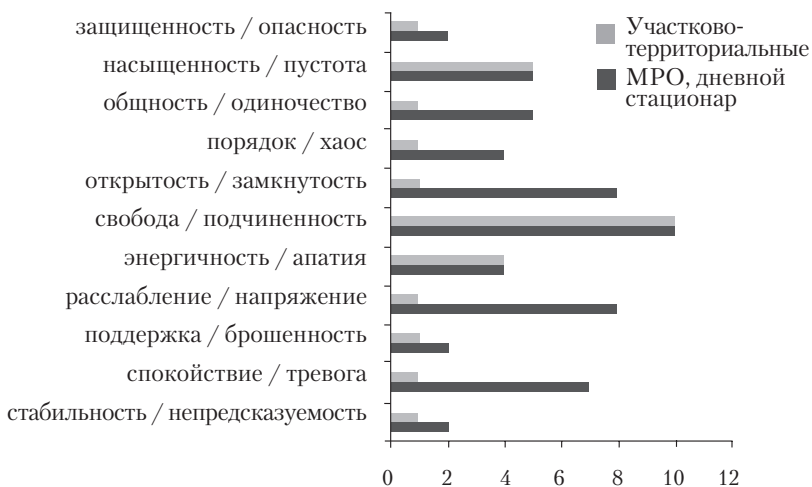

Рис. 3. Особенности переживаний своего существования в стенах больницы, пациентами, поддерживающими (МРО, дневной стационар) и не поддерживающими (участково-территориальные отделения) комплаенс

Что касается группы некомплаентных пациентов, то для них жизнь «в стенах больницы» вызывает гораздо меньше негативных переживаний. Они склонны рассматривать ее как характеризующую защищенностью, переживанием чувства общности с другими, упорядоченностью, открытостью, расслаблением, поддержкой, спокойствием и стабильностью. Единственно, в чем они солидаризируются с пациентами, поддерживающими комплаенс, это то, что для них «в стенах больницы» характерны переживания крайней степени подчиненности, а также в определенной мере чувства пустоты и не глубокой апатии. При этом создается впечатление, что для пациентов, не поддерживающих комплаенс, эти, казалось бы, негативные переживания, по всей вероятности, не имеют высокой степени значимости. Более того, как уже отмечалось выше, единогласное смещение оценок по шкале «свобода / подчиненность» в сторону подчиненности, скорее связано с проблемами самодисциплины.

Значимых различий (по критерию Манна–Уитни) в характеристиках переживаний своего существования (жизни) «в стенах больницы» пациентами, поддерживающими (МРО, дневной

стационар) и не поддерживающими (участково-территориальные отделения) комплаенс, не выявлено.

Результаты исследования того, отличается ли переживание своего существования «вне стен больницы» пациентами, соблюдающими комплаенс и не соблюдающими его, представлены на рис. 4.

Рис. 4. Особенности переживаний своего существования «вне стен больницы», пациентами, поддерживающими (МРО, дневной стационар) и не поддерживающими (участково-территориальные отделения) комплаенс

На рис. 4 мы все же видим определенную разницу в переживании своего существования «вне стен больницы» пациентами исследуемых групп по большинству шкал. Наиболее выражены различия по шкалам: «расслабление / напряжение»; «открытость / замкнутость»; «энергичность / апатия». Незначительные различия присутствуют в оценке пациентами своего существования «вне стен больницы» по параметрам «насыщенность / пустота», «общность / одиночество». «поддержка / брошенность», «спокойствие / тревога», «стабильность / непредсказуемость». Причем прослеживается закономерность, что смещение оценок к негативному полюсу наблюдается у группы пациентов, поддерживающих амбулаторный режим, т. е. комплаентных пациентов. Их оценка своего существования «вне стен больницы» гораздо более дифференцирована, чем у пациентов, комплаенс не поддерживающих, которые, в свою

очередь характеризуют свою жизнь «вне стен больницы» исключительно положительно (мода по всем шкалам равна единице) и в крайней степени единообразно. Обе группы пациентов при этом принципиально сходны в оценке своей жизни вне стен больницы как связанной с переживанием чувства защищенности, упорядоченности и свободы.

Обсуждение

Как отмечалось выше, проведенное исследование призвано ответить на вопрос, могут ли такие экзистенциальные проблемы, как особенности переживания своего существования «в стенах больницы» и «вне стен больницы» пациентами, страдающими параноидной шизофренией, быть фактором поддержания или нарушения комплаенса, а также фактором, способствующим решению данными пациентами своих проблем путем добровольной госпитализации или же, наоборот, препятствующим этому.

Естественно предположить, что стремление добровольно госпитализироваться (и поэтому пренебрегать необходимостью соблюдать комплаенс) вызвано не только желанием больных шизофренией освободиться от гнета фрустрированных потребностей (Казанцева, Шевеленкова, 2016), но и от негативных переживаний своего существования «вне стен больницы». Иначе говоря, пациенты, страдающие параноидной шизофренией, не соблюдающие комплаенс и достаточно часто повторно госпитализирующиеся, казалось бы, должны оценивать свое существование «в стенах больницы» более позитивно, нежели свою жизнь «вне стен больницы». Их представление о собственной жизни «вне стен больницы» должно было бы быть наполнено отрицательными коннотациями. Однако, как показало данное исследование, это не так.

Пациентов, страдающих параноидной формой шизофрении, соблюдающих комплаенс, заставляют избегать повторных госпитализаций крайне противоречивые переживания, которые характеризуют их пребывание именно *в стенах больницы*. С одной стороны, находясь в больнице (госпитализировавшись), они испытывают чувство защищенности, поддержки, стабильности. И в то же время их пребывание в больнице окрашено переживаниями тревоги, напряжения, замкнутости и чувством крайней подчиненности и отсутствия свободы. При этом значение характеристик переживания своего существования (жизни) «в стенах больницы» пациентами, соблюдающими комплаенс, сдвинуто в сторону отрицательного

полюса. Это позволяет нам говорить о том, что негативные переживания «в стенах больницы», страх погружения в такую атмосферу помогают данным пациентам удерживаться от повторных (добровольных) госпитализаций в условия стационара и формируют их мотивацию поддерживать комплаенс с целью избежать неприятных ощущений. В то же время данные пациенты своему существованию «вне стен больницы» не приписывают ни одной негативной характеристики. Таким образом, пациенты, поддерживающие комплаенс, страдающие параноидной формой шизофрении, стремятся поддерживать амбулаторный режим, тем самым избегая попадания в стационар (что, в свою очередь, не способствует стремлению к повторному добровольному стационарированию). Жизнь же «вне стен больницы» для данной группы пациентов субъективно не несет в себе отрицательных коннотаций.

Пациенты, страдающие параноидной формой шизофрении, *не* соблюдающие комплаенс, характеризуют свое существование *в стенах больницы* чаще всего как крайне стабильное, спокойное, связанное с ощущением поддержки, открытое, характеризующееся переживанием чувства общности с другими и защищенное. Как ни парадоксально, переживания некомплаентных пациентов, связанные с их жизнью «в стенах больницы», окрашены крайне позитивно, за исключением переживания «в стенах больницы» чувства крайней подчиненности. Как уже отмечалось, выбор полюса «подчиненность» пациентами, страдающими параноидной шизофренией, вряд ли можно интерпретировать как негативную характеристику, поскольку данные пациенты имеют проблемы с самоорганизацией. На наш взгляд, скорее данный выбор (оценка) будет являться фактором стремления попасть в условия стационара, которые способствуют организации режима пациентов и появлению у них ощущения собранности и стабильности. И поэтому несмотря на то что для данной группы пациентов их жизнь «вне стен больницы» субъективно не несет в себе отрицательных коннотаций, при повторной госпитализации они скорее попадают в крайне комфортную для себя среду, что, в свою очередь, способствует (или, по крайней мере, не препятствует) решению ими своих проблем путем добровольной госпитализации.

Отсутствие значимых различий в характеристиках переживаний своего существования (жизни) «вне стен больницы» пациентами, поддерживающими (МРО, дневной стационар) и не поддерживающими (участково-территориальные отделения) комплаенс, еще раз свидетельствует о том, что пациенты, поддерживающие комплаенс (и тем самым способные обходиться достаточно долгое

время без госпитализаций, в том числе и добровольных), и пациенты, комплаенс не поддерживающие, различаются прежде всего оценкой своего существования в «стенах больницы». При этом можно предположить, что комплаентные пациенты, страдающие параноидной шизофренией, госпитализируясь, попадают из комфортной для них среды в среду малокомфортную. Некомплаентные же пациенты, страдающие параноидной шизофренией, при госпитализации попадают из одной комфортной среды в другую, не менее комфортную для них среду.

Полученные в исследовании данные хорошо согласуются с мнением специалистов, которые работают с носителями диагноза «шизофрения», что проблемы социального и психологического характера являются триггерами к обострению болезни или повторной госпитализации. «Явление госпитализма и частые регоспитализации нередко происходят не столько по психопатологическим мотивам, сколько из-за нерешенности многих социальных проблем (питание, одежда, общение в социуме, трудовая адаптация, семейные отношения и др.)» (Бурыгина и др., 2009, с. 21). Однако перечисленные выше социальные проблемы приводят к регоспитализации, скорее всего, тогда, когда больничная среда воспринимается пациентами как комфортная. В противном случае пациенты, страдающие параноидной шизофренией, стремятся поддерживать комплаенс, не попадать в стационар и решать свои социальные и психологические проблемы либо с помощью близких, либо обращаясь в социальные службы.

Выводы

Полученные в исследовании результаты позволили еще раз подтвердить достаточно распространенное представление о том, что страдающие шизофренией комплаентные пациенты значительно реже прибегают к добровольной госпитализации, чем пациенты той же нозологической группы, не обнаруживающие комплаенс.

Исследование показало, что пациенты, страдающие параноидной формой шизофрении с различными типами комплаенса, обнаруживают различия в оценке своего существования (жизни) «в стенах больницы», т. е. в период стационарирования.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что фактором поддержания комплаенса, а также фактором избегания повторной госпитализации (в том числе и добровольной) больными параноидной шизофренией является именно то, как они переживают свое существование «в стенах больницы».

Значение характеристик переживания своего существования (жизни) «в стенах больницы» пациентами, соблюдающими комплаенс, сдвинуто в сторону отрицательного полюса, что свидетельствует о том, что негативные переживания «в стенах» больницы, страх погружения в такую атмосферу помогают данным пациентам удерживаться от повторных (добровольных) госпитализаций в условия стационара и формируют их мотивацию поддерживать комплаенс с целью избежать неприятных ощущений.

Некомплаентные пациенты, страдающие параноидной шизофренией, при госпитализации попадают из одной комфортной среды в другую, не менее комфортную для них среду.

Литература

- Баницков Ф.Р.* Комплаенс в психиатрии: реальность и перспективы // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева.* 2006. Т. 3. № 4. С. 35–40.
- Бурьгина Л.А., Ушаков Ю.В., Мосолов С.Н.* Сравнительная эффективность медикаментозного и комплексного медикаментозно-психобразовательного подходов при оказании амбулаторной помощи больным параноидной шизофренией с частыми обострениями // *Терапия психических расстройств.* 2009. № 3. С. 19–26.
- Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М., 1991.
- Выготский Л.С.* Лекции по педологии. Ижевск, 1966.
- Гурович И.Я., Семенова Н.Д.* Психосоциальные подходы в практике лечения и реабилитации шизофрении: современные тенденции // *Социальная и клиническая психиатрия.* 2007. Т. 17. № 4. С. 78–85.
- Казанцева М.А., Шевеленкова Т.Д.* Мотивы добровольной госпитализации пациентов, страдающих параноидной формой шизофрении с разными типами комплаенса // *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование».* 2016. № 3 (5). С. 119–130.
- Каримов А.У.* Клиника и терапия психогенно обусловленных тревожно-фобических расстройств у больных шизофренией с явлениями госпитализма: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2008. 25 с.
- Кирыанова Е.М., Сальникова Л.И.* Социальное функционирование и качество жизни психически больных – важнейший показатель эффективности психиатрической помощи // *Социальная и клиническая психиатрия.* 2010. Т. 20. № 3. С. 73–75.
- Латин И.П.* Личность и лекарство. Введение в психологию фармакотерапии. СПб., 2001. С. 204–217.
- Лутова Н.Б.* Комплаенс и психопатологическая симптоматика // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии.* 2012. № 3. С. 59–64.

- Лутова Н.Б., Незнанов Н.Г., Вид В.Д.* Комплаенс в психиатрии и способ его оценки // Психиатрия и психофармакотерапия. 2008. № 1. С. 7–10.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 2014. 400 с.
- Словарь Л.С. Выготского. М.: Смысл, 2007. 206 с.
- Шмилович А.А., Гончаренко С.Н.* Клинико-социальные аспекты добровольной госпитализации больных параноидной шизофренией // Уральский журнал психиатрии, наркологии и психотерапии. 2014. № 1 (2). С. 6–15.
- Шмилович А.А., Гончаренко С.Н., Шевеленкова Т.Д., Казанцева М.А.* Клинико-психологическая оценка уровня социального функционирования больных параноидной шизофренией в условиях полустационарного и амбулаторного режимов психиатрической помощи // Социальная интеграция психически больных (психиатрические, психологические и психотерапевтические аспекты). Арт-терапия в психиатрической практике: Материалы науч.-практ. конф. М., 2014. С. 99–105.

References

-
- Banshchikov F.R.* Komplaens v psikiatrii: real'nost' i perspektivy // Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva. 2006. T. 3. № 4. С. 35–40.
- Burygina L.A., Ushakov Yu.V., Mosolov S.N.* Sravnitel'naya effektivnost' medikamentoznogo i kompleksnogo medikamentozno-psikhoobrazovatel'nogo podkhoda pri okazanii ambulatornoi pomoshchi bol'nym paranoidnoi shizofreniei s chastymi obostreniyami // Terapiya psikhicheskikh rasstroistv. 2009. № 3. S. 19–26.
- Gurovich I.Ya., Semenova N.D.* Psikhosotsial'nye podkhody v praktike lecheniya i reabilitatsii shizofrenii: sovremennye tendentsii // Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya. 2007. T. 17. № 4. S. 78–85.
- Vigotskii L.S.* Pedagogicheskaya psichologiya. M., 1991.
- Vigotskii L.S.* Lekcii po pedologii. Igevsik, 1966.
- Kazantseva M.A., Shevelenkova T.D.* Motivi dobrovol'noi hospitalizatsii patzientov, stradaushich paranoidnoi formoi shizofreniei s raznimi tipami komplensa // Vestnik RGGU. Seria "Psichologiya / Pedagogica. Obrazovanie". 2016. № 3 (5). S. 119–130.
- Karimov A.U.* Klinika i terapiya psikhogenno obuslovlennykh trevozhno-fobicheskikh rasstroistv u bol'nykh shizofreniei s yavleniyami hospitalizma: Avtoreferat dis. ... kand. med. nauk. M., 2008.
- Kir'yanova E.M., Sal'nikova L.I.* Sotsial'noe funktsionirovanie i kachestvo zhizni psikhicheski bol'nykh – vazhneishii pokazatel' effektivnosti psikiatricheskoi pomoshchi / Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya. 2010. T. 20. № 3. S. 73–75.
- Lapin I.P.* Lichnost' i lekarstvo. Vvedenie v psikhologiyu farmakoterapii. SPb., 2001, S. 204–217.
- Lutova N.B.* Komplaens i psikhopatologicheskaya simptomatika // Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii. 2012. № 3. S. 59–64.

- Lutova N.B., Neznanov N.G., Vid V.D.* Komplains v psikhii i sposob ego otsenki // Psikhii i psikhofarmakoterapiya. 2008. № 1. S. 7–10.
- Maslou A.* Motivatsiya i lichnost'. SPb., 2014.
- Shmilovich A.A., Goncharenko S.N.* Kliniko-sotsial'nye aspekty dobrovol'noi gospitalizatsii bol'nykh paranoidnoi shizofreniei // Ural'skii zhurnal psikhii, narkologii i psikhoterapii. 2014. № 1 (2). S. 6–15.
- Shmilovich A.A., Goncharenko S.N., Shevelenkova T.D., Kazantseva M.A.* Kliniko-psikhologicheskaya otsenka urovnya sotsial'nogo funktsionirovaniya bol'nykh paranoidnoi shizofreniei v usloviyakh polustatsionarnogo i ambulatornogo rezhimov psikhiatricheskoi pomoshchi // Sotsial'naya integratsiya psikhicheskii bol'nykh (psikhiatricheskie, psikhologicheskii i psikhoterapevticheskie aspekty). Art-terapiya v psikhiatricheskoi praktike. Materialy Nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2014. S. 99–105.

Сведения об авторах

- Шевеленкова Татьяна Дмитриевна* – кандидат психологических наук, доцент, завкафедрой нейро- и патопсихологии, психологический факультет, Институт психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ, shevelenkova@gmail.com
- Казанцева Маргарита Александровна* – клинический психолог, ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева.
- Коновалова Анастасия Вадимовна* – старший преподаватель кафедры нейро- и патопсихологии, психологический факультет, Институт психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ, konanavad@gmail.com

About authors

- Shevelenkova Tatyana D.* – Ph.D. in Psychology, associate professor, head, Department of Neuro- and Abnormal Psychology, Faculty of Psychology, L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University for the Humanities, shevelenkova@gmail.com
- Kazantseva Margarita A.* – clinical psychologist, N.A. Alekseev Psychiatric Clinical Hospital № 1
- Konavalova Anastasiya V.* – senior lecturer, Department of Neuro- and Abnormal Psychology, Faculty of Psychology, L.S. Vygotsky Psychology Institute, Russian State University for the Humanities, konanavad@gmail.com

Е.С. Жукова
Психологический институт РАО

E.S. Zhukova
Russian Academy of Education Psychological Institute

Возможности и ограничения соревновательных форм выявления одаренности

Potentialities and limits in the competitive forms of identifying giftedness

Статья затрагивает актуальную в современном образовании тему выявления одаренных детей. Обсуждается вопрос о принципиальной возможности определения одаренности по победам на олимпиадах как основном методе. На основе разновозрастной выборки автор описывает особенности ведущих мотивов победителей и призеров олимпиад. Проведенное исследование показало, что в число победителей попадают дети с разной иерархией мотивационной структуры. У одних детей доминирует познавательная мотивация, тогда как у других преобладают внешние относительно деятельности мотивы: мотивы достижения, соперничества, желание получить различные социальные преимущества, одобрение значимого взрослого и т. д. Опрос учителей подтверждает данные психологического исследования и позволяет детализировать особенности личности и социального окружения этих детей. Обобщая полученные результаты, автор описывает положительное и отрицательное влияние олимпиадных испытаний на детей разного возраста. В исследовании показывается, что олимпиада, выявляя высокий уровень компетенций в предмете, не может дифференцировать мотивы деятельности, что создает основания для ошибочного прогноза развития ребенка. В статье обращается внимание на существование в отечественной психологии метода, позволяющего выявить «способность к развитию деятельности по собственной инициативе» (Д.Б. Богоявленская), что является основной характеристикой одаренной личности. Проявление этой способности возможно только при доминировании в мотивационной структуре личности познавательного мотива. Метод «Креативного поля» (Д.Б. Богоявленская) позволяет не просто определить мотивы,

которыми движима деятельность, но и выявить причины, тормозящие становление творческих способностей. Автором статьи разработан методический инструментарий: анкета для детей и опросник для учителей, обогащающий практику исследования данной проблематики.

Ключевые слова: олимпиада, одаренность, интеллектуальная активность, метод, познавательная мотивация, мотив достижения.

The article deals with the problem of identifying gifted children, which is relevant for modern education. The author discusses a possibility of identifying giftedness by means of Olympiad victories as the main method. Based on a sample that included children of different ages, the author describes peculiarities of the Olympiad winners' leading motives. The research showed that winners include children with different hierarchy of motivational structure. In some cases it is the cognitive motivation that prevails, and in others there are external (in respect to the activity) dominating motives: those of achievement, rivalry, wish to get various social preferences, approval of a significant adult, etc. Teacher poll confirms results of the psychological research and makes it possible to specify the peculiarities of children's personality and social surroundings. Generalizing the results, the author describes positive and negative influence of the Olympiad tests upon children of different ages. It is shown that Olympiads, though they help to determine a high level of subject competence, can't differentiate the motive of the activity, which creates a basis for wrong prognosis of child's development. The article emphasizes that there is a method in Russian psychology that makes it possible to identify "the ability to develop the activity on one's own initiative" (D.B. Bogoyavlenskaya), which is the main characteristic of a gifted person. This ability manifests only if it is the cognitive motive that dominates in the motivational structure of personality. The "Creative Field" method (D.B. Bogoyavlenskaya) lets researchers not only detect the motives that drive the activity but also identify reasons that hamper the formation of creative abilities. The author of the article developed a complex of methodical instruments (a survey for children and a questionnaire for teachers), which enriches the practice of studying this problem.

Keywords: olympiad, giftedness, intellectual activity, method, cognitive motivation, achievement motive.

Постановка проблемы

Проблема раннего выявления и развития одаренных детей определена как основополагающая для современной ситуации в образовании. Олимпиады сегодня являются массовым методом отбора, по итогам которого детей относят к группе одаренных. Слож-

ность и неоднозначность понимания этой категории детей требует, с одной стороны, теоретического и методологического обоснования инструментов и форм выявления одаренности, а с другой – изучения влияния этих испытаний на развитие ребенка. Целью данной работы стало определение адекватности олимпиад как критерия выявления одаренности. Мы диагностировали у победителей и призеров олимпиад уровень их интеллектуального развития, академической успешности; особенности мотивационной структуры личности, способность к развитию деятельности по собственной инициативе как основной показатель одаренности (Богоявленская, 1971), а также влияние участия в олимпиадах на развитие ребенка.

Выборка и методы исследования

Исследование проводилось на разных возрастных группах (2–11 классы). Сопоставление результатов олимпиад с данными психологического исследования проводилось на примере учащихся младшей и старшей школ. Характеристики победителей и призеров олимпиад их учителями дали возможность посмотреть восприятие олимпиад глазами учителя и дополнили полученные данные.

Диагностический инструментарий включал в себя два варианта методики «Креативное поле» Д.Б. Богоявленской (Богоявленская, 1971, 2009), «Цветные матрицы» Дж. Равена (Равен и др., 1997), метод анкетирования, наблюдения и беседы.

В общей сложности за 3 года победителями и призерами различных олимпиад стали 94 человека. Из них 32 человека принимали участие в олимпиадах в течение нескольких лет. Следует сказать, что исследуемая группа детей состоит из победителей и призеров муниципального и регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников и ряда других олимпиад и конкурсов разного уровня. По количеству набранных баллов эти дети относятся к одаренным. Одаренность здесь определяется как способность решать олимпиадные задачи высокого уровня сложности в той или иной области.

Данное исследование выполнено в рамках подхода, где одаренность понимается как способность самостоятельно развивать деятельность за пределами поставленной извне задачи (Богоявленская, 1971). Единицей этой способности является интеллектуальная активность, объединяющая в себе интеллектуальный и мотивационный компонент в их единстве. Для этой способности характерно

доминирование познавательной направленности в мотивационной структуре личности. Оригинальный метод «Креативное поле» позволяет диагностировать эту способность в силу качественно отличных от стандартной процедуры «теста» особенностей экспериментального материала. Он имеет двухслойную структуру, что позволяет фиксировать работу каждого испытуемого на присущем ему уровне. Это дает возможность экспериментально выделить группу одаренных детей, т. е. детей, способных к развитию деятельности по собственной инициативе – творчеству (Богоявленская, 2009). Творчество в парадигме Д.Б. Богоявленской понимается как основное проявление одаренности, ее воплощение в деятельности.

Результаты исследования

Согласно нашему пониманию одаренности, победители и призеры разделились на две группы: на тех, у которых в структуре личности доминирует познавательная направленность, и тех, у которых этой направленности нет. Первые способны к развитию деятельности, вторые не проявляют эту способность. Подчеркиваем, что и те и другие являются победителями и призерами олимпиад.

Результаты психологического эксперимента помогут описать эти группы.

В начале и конце младшей школы (2 и 4 класс) в исследовании способности к развитию деятельности участвовали 39 человек. В пилотажном эксперименте на детях старшей школы приняло участие 9 человек. По соотношению интеллектуальных показателей и одаренности они были разделены на 5 групп.

1-я группа – это одаренные дети, именуемые в дальнейшем эвристы, которые продемонстрировали способность к развитию деятельности за пределами требуемого, что проявилось в открытии закономерностей (эвристик). Их интеллектуальное развитие находится в диапазоне высокого и среднего уровня. Их не просто увлекает задание, а интересна природа и закономерности выполняемой деятельности, что и воплощается в открытии. Здесь нет формального подхода, а проявляется творчество.

2–5-я группы отличаются разным уровнем интеллектуальных способностей, от высокого во 2–3-й группах до низкого в 5-й группе. Общим для всех четырех групп выступает стимульно-продуктивный уровень работы в эксперименте. Их интерес исчерпывает себя после нахождения основного способа решения предъявляемых задач. Даже в тех редких случаях, когда ими наблюдаются

интересные находки, они, едва возникнув, так и остаются невоплощенными. Развития деятельности здесь не происходит.

Лонгитюдное исследование позволило нам наблюдать выраженную положительную динамику в становлении одаренности. Группа эвристов из 10 человек во 2 классе выросла до 16 человек в 4 классе, пополняясь детьми из 2–4-й групп, что подтверждают предыдущие исследования, выявившие возможность проявления интеллектуальной активности у детей со средним уровнем интеллектуального развития. Решающим фактором здесь выступает мотивационный компонент, познавательная направленность личности.

Сопоставление разных методов в выявлении одаренности

Рассмотрим, как младшие школьники участвуют в олимпиадном движении. 72% побеждают в олимпиадах разного уровня, 23% не участвуют, 5% участвуют, но не побеждают. Призовые места в олимпиадах занимают дети, демонстрирующие разный уровень интеллектуальной активности в «Креативном поле». Из 72% победителей и призеров олимпиад только 33% демонстрируют способность к развитию деятельности. Тогда как 38% детей работают в эксперименте на стимульно-продуктивном уровне, то есть не проявляют интеллектуальной активности, что свидетельствует об отсутствии одаренности (из них 26% – победители).

Понять существенное отличие этих групп между собой поможет описание их работы в «Креативном поле» и в олимпиадах. Вначале опишем работу представителей первой группы, то есть действительно одаренных детей.

В младшем школьном возрасте победитель и призер в 8 олимпиадах (эврист, отличник) выбирает олимпиады, в которых будет участвовать. Он отказался от участия в одной из олимпиад, объясняя свой отказ легкостью заданий («Не буду участвовать, там задания легкие»). Это говорит о том, что для него важна не победа как таковая, а «встреча» с достойной задачей, то есть познавательный мотив определяет его участие.

Другой мальчик – активный участник олимпиад. Диапазон его интересов широк. Кроме увлечения математикой, он занимается в музыкальной школе. Все его увлечения отмечены победами в олимпиадах и конкурсах. В «Креативном поле» он с интересом работает в эксперименте и легко находит способ, но не останавливается на этом, а продвигается, находя все новые закономерности, проявив

эвристический уровень. Каждый раз он пытается осмыслить и сформулировать свою находку, проверяя ее в последующих заданиях.

В старшей школе большая часть детей (5 человек), являясь победителями и призерами муниципального тура в течение нескольких лет, демонстрируют эвристический уровень в «Креативном поле», т. е. одаренность. Имея надежный способ решения, они размышляют над системой задач и выходят на открытие закономерностей. По результатам анкетирования этой группы направленность на предмет, интерес выступает основной мотивацией их участия в олимпиаде. У них сформировано личное отношение к предмету, которое позволяет им сформулировать его ценность («Я люблю этот предмет за то, что он объясняет все происходящее простым для меня языком»). Уже в этой фразе мы видим, что предмет не воспринимается ребенком как заданное и конечное, а он служит инструментом для познания мира. Основная идея, привлекающая их в предмете («согласованность формул» в физике, «просветление человека» в истории), говорит о том, что их отношение к предмету не утилитарное, они видят красоту предмета и его значение, совершают личные открытия. Иногда ребенок, испытывая трудности формулирования, говорит: «Просто нравится этим заниматься». Таким образом, мы видим, что для этой группы детей познавательная потребность оказывается ведущей.

Приведем примеры детей из стимульно-продуктивной группы с доминированием внешних относительно деятельности мотивов (мотив достижения, одобрение значимого взрослого).

В младшей школе мальчик, победитель олимпиады по математике, легко обучившись и решив задачу основного эксперимента, продолжает анализировать предмет своей деятельности. Он выходит на важное наблюдение, которое могло бы его продвинуть в понимании, но «недодумывает» его и оставляет, возвращаясь к прежнему упроченному способу решения. Экспериментатору он объясняет: «Я проводил, но это оказалось невыгодно. Время идет» (показывая на секундомер). Процесс мышления оказался «невыгоден» в силу опасности выглядеть в глазах взрослого менее успешным и затратить по усилиям. Познавательный мотив, едва проявившись, оказывается побежден мотивом достижения. Это приводит к тому, что ребенок, имея хорошие интеллектуальные потенциалы, остается в эксперименте на стимульно-продуктивном уровне.

Ученица 4 класса является победителем 4 олимпиад. Она легко и быстро обучается. Положительная эмоциональная реакция на задание, уточняющие вопросы характеризуют интерес к деятельности. Работая надежным способом, она использует рационализацию способа

деятельности. Но, обнаруживая отдельные интересные наблюдения, при осмыслении которых могли быть выявлены скрытые особенности системы задач, она не пытается применить их в деятельности. Она продолжает работать освоенным способом, то есть остается на стимульно-продуктивном уровне. Ее работу характеризует четкое выполнение правил, ориентация на одобрение взрослого.

Победа в олимпиаде другого ребенка обусловлена соперничеством со старшим братом – победителем олимпиад. Желание победить, занять равное с братом статусное место определяет основной мотив, который лежит вне познавательной деятельности. Он «обслуживает» социальный интерес, получение признания со стороны значимых взрослых.

В старшей школе среди призеров олимпиады мы также встречаем детей, демонстрирующих стимульно-продуктивный уровень в «Креативном поле». Эти дети решают поставленные задачи, но не проявляют интеллектуальной инициативы. Еще 2 человека отказались участвовать в эксперименте, сославшись на высокую занятость. Их ответы на вопросы анкеты формальны: «не знаю», «не помню», «мне безразлично», «не испытывала никаких чувств», «участвовала просто так».

Попробуем выделить, чем отличаются эти группы, участвуя в олимпиадах.

При качественном анализе данных существенным отличием эвристов является количество олимпиад, в которых они принимают участие (7–12 олимпиад), уровень олимпиады и высокие призовые места. Дети этой группы наряду со «стандартными» олимпиадами побеждают или бывают отмечены в вузовских олимпиадах или специальных конкурсах. Сформированный интерес позволяет ребенку активно продвигаться в определенной деятельности. Дети стимульно-продуктивных групп (2–4 группы) участвуют в меньшем количестве олимпиад. Но важно отметить, что большинство из них и других являются победителями. Дети 5-й группы, показавшие низкий уровень интеллектуального развития, могут участвовать в большом количестве олимпиад, но чаще получают сертификат активного участника, чем призовые места. То есть решающим фактором победы в олимпиаде является уровень интеллекта.

Итак, мы вынуждены констатировать, что по результатам олимпиады нельзя дифференцировать детей на способных к самостоятельному развитию деятельности, т. е. творчеству, и детей, которым необходим внешний стимул, т. е. исполнителей. Она позволяет зафиксировать только настоящий уровень компетенций, интеллектуальный уровень развития ребенка.

Представления учителей о победителях и призерах олимпиад

Мы предполагали, что анкетирование учителей обогатит и дополнит наше исследование и даст возможность выявить суть понимания одаренности среди педагогов, их оценку олимпиад. На вопросы специально разработанной анкеты (опросника) ответили 23 учителя, чьи ученики заняли призовые места в олимпиадах.

Олимпиады носят предметный характер. В них чаще всего побеждают дети, успешные в заявленном предмете (62% имеют высокий уровень успеваемости по предмету, 27% – ближе к высокому и 11% – средний уровень), что подтверждает тезис о том, что олимпиады оценивают интеллектуальный уровень и уровень компетенций.

В качестве основного мотива участия в олимпиадах победителей и призеров учителя выделяют интерес, желание себя попробовать, подготовку к поступлению в вуз. Учителя выделяют в качестве основных характеристик наиболее ярких победителей трудолюбие, самостоятельность, способность к развитию в предмете («труженики», «развиваются в предмете», «подходят после уроков с вопросами»). Другая немногочисленная часть детей, по признанию учителей, стимулирована извне (учителями или родителями). Здесь встречаются ситуации, когда ребенок, по мнению учителя, мог бы занять более высокое место, но этого не случилось, поскольку личной мотивации участия в олимпиаде не было. Таким образом, видение педагогов соотносится с нашим пониманием ситуации, а именно, что в число победителей могут попасть дети с разной мотивационной направленностью личности.

Согласно мнению учителей, успех победителей и призеров олимпиад основан на их способностях и волевых качествах. Их сочетание и определяет разделение на три типа. К первому типу принадлежит самая многочисленная группа среди победителей и призеров, это дети, у которых их способности и воля определяют результат (49%). Второй тип выделяется яркими способностями, легкостью освоения предмета (21%). Третий тип успешен скорее за счет своих волевых качеств при средних способностях (29%). Сопоставив данные учителей с психологическим экспериментом, мы выявили, что эвристы относятся к 1-му и 2-му описанным типам, тогда как дети стимульно-продуктивной группы демонстрируют все три типа.

Теперь поговорим о том, как победа влияет на личность ребенка. Победа в олимпиаде отличников не влияет на их учебу, тогда как у детей со средними оценками по предмету олимпиады учебные

показатели растут и стабилизируются. Интересно, что если участие в олимпиаде стимулировано значимыми взрослыми, а не желанием ребенка, то улучшения в учебе не происходит. Это также согласуется с нашими данными.

Педагоги гуманитарного цикла определяют характер олимпиад как творческий. Здесь учитель работает не только на освоение программы, но и помогает реализовать интерес ребенка. Но важно отметить опасность того, что подготовка к олимпиаде может превратить совместную работу педагога и ребенка в «натаскивание». Тогда познание подменяется другой ценностью – получить лучшее количество баллов, подтвердить статус. Это смещает акцент с интереса к предмету на ориентацию на внешнюю оценку, что не может соответствовать творчеству и одаренности по определению.

На положение ребенка в классе победа в олимпиаде либо не влияет (его статусное место и так высокое), либо укрепляет его. Он может занимать как позицию лидера, звезды, так и «одиночки», но независимо от позиции его уважают. Это характерно для наиболее ярких победителей. В ситуации сплоченного класса в начальной школе учителя говорят о радости сверстников успехам одноклассника.

Учителя считают, что победа в олимпиаде «повышает статус и уверенность в себе» ребенка, тогда как проигрыш «может ослабить его самооценку», «веру в себя и свои способности». Учителя уверены, что олимпиады позволяют ребенку «объективно оценить свои знания по сравнению с другими участниками».

Победители, участвуя в олимпиадах, часто имеют опыт проигрыша. Среди них выделяется три категории. Часть детей «сильно расстраивается, но начинает еще сильнее заниматься». Проигрыш вызывает стресс, но мобилизует. Другая категория в результате проигрыша в олимпиаде проявляет эффект спада деятельности («ребенок сник – внутренняя трагедия»). Третьи, те, кто принимал участие в олимпиаде без личной мотивации, отрицательных переживаний вообще не испытывают. Педагоги старших классов, говоря о стрессогенном и травмирующем влиянии олимпиады, считают его атрибутом современной жизни («подготовка ребенка к жизни в жестких условиях конкуренции»). Таким образом, самыми уязвимыми оказываются заинтересованные дети, которые не могут справиться со стрессом в ситуации проигрыша и здесь мы видим отрицательное влияние олимпиады.

Итак, в младшей школе олимпиады позволяют ребенку «проявить себя, дают возможность самоутвердиться», «развивают во-

левые качества», «порождают веру в свои возможности», «служат развитию творческой инициативы». У старшеклассников они позволяют укрепить базовые знания, дают возможность объективной оценки себя по сравнению с другими участниками. Если у ребенка есть личная мотивация участия, то победа является определенной ступенью в его развитии, тогда как при внешней стимуляции и отсутствии личной мотивации развития не происходит.

Таким образом, мы выяснили, что отношение учителей к олимпиадам в целом положительное. Олимпиада дополняет учебный процесс, ориентирована на детей с высоким интеллектуальным уровнем и позволяет индивидуализировать процесс обучения для этой категории детей. Показательно, что учителя говорят об олимпиадах как развивающих способность добиваться результата, то есть олимпиада выступает некоторым испытанием, которое подтверждает статус, принадлежность к определенному уровню. Кроме того, олимпиада, являясь по сути соревнованием и имея в качестве показателей ограничение времени, массовость процедуры, запускает мотив «быть первым». Иными словами, олимпиада не просто отбирает детей по уровню знаний и упорству, трудолюбию, но стимулирует мотив достижения, тогда как творческий процесс не рождается в этих условиях, поскольку основывается на увлеченности, неспешности и не требует внешнего стимула.

Выводы

1. На разных возрастах удалось подтвердить положение о том, что группа победителей и призеров олимпиад неоднородна по своему творческому потенциалу. Среди победителей есть дети, способные к развитию деятельности, их ведущая направленность личности является познавательной. В методике «Креативное поле» (Д.Б. Богоявленская), имея надежный способ работы, они продолжают анализировать экспериментальный материал, что реализуется в открытии новых способов и понимается нами как творческая одаренность. Они активно участвуют в олимпиадах и побеждают.

Однако в числе победителей и призеров олимпиад оказались дети, демонстрирующие в «Креативном поле» доминирование внешних относительно деятельности мотивов (социальные достижения). Характерный признак их работы в «Креативном поле» – это активная деятельность только в ситуации внешнего стимула и прекращение мыслительной активности в ситуации на-

хождения способа решения, отсутствие интеллектуальной инициативы. В олимпиаде их участие также стимулировано значимыми взрослыми.

2. Часть группы детей, проявивших интеллектуальную активность в методике «Креативного поля», в силу определенных особенностей личности и социального окружения не принимает участия в олимпиадах или участвует только в единичных испытаниях.

Заключение

Диагностика одаренности с помощью серии задач и вопросов появилась в западной психологии в XX веке. Наиболее масштабным и длительным было лонгитюдное исследование Л. Термена (Кузнецова, 1996, с. 58). Определение одаренности как высокого уровня интеллектуального развития неоднократно критиковалось психологами разных направлений. В теории Д.Б. Богоявленской тест рассматривается как фактор, стимулирующий деятельность. Авторами олимпиадного движения предполагается, что высокий уровень сложности олимпиадных заданий позволяет выявлять одаренность как некоторую характеристику способностей ребенка. Но сведение одаренности только к интеллектуальным способностям не соответствует ее пониманию. Безусловно, интеллектуальные способности являются одним из основных компонентов одаренности, но они не являются ключевыми. Наряду с интеллектуальным компонентом равным, а в определенные периоды развития личности и ведущим является мотивационный компонент, основной характеристикой которого является познавательная направленность. Именно этот компонент оказывается решающим в ситуации самостоятельного, не мотивированного извне выбора. Не зря существующие понятия «энциклопедист» и «одаренный» и его высшее проявление «гений» имеют разное наполнение. Энциклопедист – это тот, кто знает, а гений – это тот, который изменяет мир вокруг. Одаренность, «дар» в какой-то деятельности, кроме высокого уровня владения предметом, предполагает желание ею заниматься и способность к ее развитию.

Метод «Креативное поле» Д.Б. Богоявленской позволяет не просто зафиксировать процесс творчества, но определить точки роста этой способности, увидеть отклонения и проблемы в ее становлении, что дает возможность вовремя применить адаптивные и помогающие технологии. Поскольку в исследуемый нами период мотивационный компонент оказывается ведущим и определяющим

становление интеллектуальной активности, особенно важно определить эту группу детей уже на этапе проявления этого качества.

Таким образом не вызывает сомнения, что в олимпиаде как форме работы с детьми есть много плюсов. Олимпиадное движение, объединяющее образовательные и научные учреждения страны, подготовка заданий разного уровня сложности, охватывающих все возрастные этапы, безусловно, способствуют активизации знания. Психологически грамотно выстроено знакомство детей с олимпиадами. Масштаб этих мероприятий формирует у детей представление о своей стране и способствует развитию диалога в становлении знания конкретной тематики. Предлагаемая работа с победителями также очень интересна, полезна и правильна. Но использование олимпиады как основного метода определения одаренности может привести к ошибочным прогнозам в развитии ребенка. Выбор этого подхода в реализации государственной программы выявления одаренных детей может иметь определенные отсроченные во времени отрицательные последствия.

Нам представляется, что взрослое сообщество должно сместить акценты с выявления одаренности на ее развитие. Именно ранее выявление предпосылок одаренности, внимательное ведение данной группы детей является необходимой составляющей процесса развития и формирования одаренной личности.

Участие заинтересованного ребенка в совместной работе с учеными, волонтерских группах, в полезных, социально значимых общественных проектах является более экологичным и правильным по отношению к развивающейся личности. Не ситуация проверки и оценки желательна, а ситуация равного, насколько это возможно, диалога взрослого и ребенка в рамках ценной для него деятельности и предмета.

Литература

- Богоявленская Д.Б.* Метод исследования интеллектуальной активности // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 144–147.
- Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. Самара: Изд. дом «Федоров», 2009. С. 175–211.
- Кузнецова Ю.И.* Изучение и обучение одаренных детей в американской педагогической психологии XX века: Дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 1996.
- Равен Дж.К., Равен Дж., Курт Дж.Х.* Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Раздел 1. Общая часть руководства. М.: Когито-Центр, 1997.

- Bogoyavlenskaya D.B.* Metod issledovaniya intellektual'noi aktivnosti // Voprosy psikhologii. 1971. № 1. S. 144–147.
- Bogoyavlenskaya D.B.* Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostei. Samara: Izdatel'skii dom "Fedorov", 2009. S. 175–211
- Kuznetsova Yu.I.* Izuchenie i obuchenie odarennykh detei v amerikanskoi pedagogicheskoi psikhologii XX veka: Dis. ... kand. psikhol. nauk. N. Novgorod, 1996.
- Raven Dzh.K., Raven Dzh., Kurt Dzh.Kh.* Rukovodstvo k progressivnym matritsam Ravena i slovarnym shkalam. Razdel 1. Obshchaya chast' rukovodstva. M.: Kogito-Tsentr, 1997.

Сведения об авторе

Жукова Елена Сергеевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии одаренности, Психологический институт РАО, Joukovaec@yandex.ru

About author

Zhukova Elena S. – Ph.D. in Psychology, senior researcher, Laboratory of Psychology of Giftedness, Russian Academy of Education Psychological Institute, Joukovaec@yandex.ru

О.В. Гребенникова
Психологический институт РАО

O.V. Grebennikova
Russian Academy of Education Psychological Institute

Социальная идентификация современных подростков и юношей

Social identification of modern teenagers and young men

Освещается проблема социальной идентификации в подростковом и юношеском возрасте. Представленные результаты позволили сделать выводы о том, что большинство подростков и юношей имеют высокие социометрические статусы в группе сверстников, что обеспечивает им успешную социализацию. Групповая принадлежность у современных подростков 13–14 лет связана с дружескими, избирательными привязанностями, а в качестве своей референтной группы подростки выделяют друзей, с которыми их связывают единство ценностей, особенности эмоционального реагирования, личностные мотивы общения. Современные подростки не идентифицируют себя с интернет-сообществами и друзьями-одноклассниками. У юношей социальная идентификация обусловлена с группой однокурсников, где деловые мотивы общения превалируют над личностными и эмоциональное реагирование направлено на внутреннюю жизнь студенческой группы, опосредованное совместной деятельностью – учебно-профессиональной.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентификация, групповая принадлежность, социализация, подросток, юноша.

The article highlights a problem of social identification in adolescence and youth. Presented results allow to conclude that most adolescents and youths have high sociometric status in the peer group, providing them with successful socialization. Group affiliation among modern teenagers 13–14 years is asso-

© Гребенникова О.В., 2017

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 17-06-00077 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

ciated with a friendly, selective affection, and as their reference group adolescents allot the friends with whom they share a unity of values, peculiarities of emotional response, personal motives of communication. Modern teenagers do not identify themselves with online communities and among their friends the classmates are a minority.

In young men the social identification is contingent on a group of classmates, where business motives of communication takes precedence over personal ones and the emotional reaction is directed to the inner life of the student group, mediated by joint activity – educational and professional.

Keywords: identity, social identification, group affiliation, socialization, teenager, youngster.

Глобальные перемены в жизни российского общества создали уникальные механизмы формирования новых социогрупповых идентификаций общества, возросла потребность в отнесении себя к чему-либо, что и привело к идентификационному синдрому, благодаря которому возросла способность формирования новых механизмов социогрупповых идентификаций, а именно активизировался процесс социальной идентификации личности.

Социокультурная идентификация (как принадлежность, отождествление, соотнесение индивида с тем или иным объектом, человеком, социальной группой, образом, архетипом и т. д.) может рассматриваться в качестве стержневого элемента социализации и индивидуализации личности.

Поэтому проблема самоидентификации как процесса отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, образом, происходящего в ходе социализации, посредством которого приобретаются нормы, ценности, социальные роли, моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стремится принадлежать индивид, весьма актуальна.

Сущность феномена социальной идентификации заключается в том, что он обеспечивает индивидам чувство принадлежности к определенной социальной группе. Социальная идентичность проявляется в деятельности индивида и выполняет функцию связующего элемента между личностью и субъектом. Именно механизм социальной идентичности позволяет определить социальное значение своего «Я» (самоидентификация личности) и других деятелей (внешняя идентификация).

Социальная идентификация особую актуальность приобретает в обществе модерна, которую также называют эпохой «современно-

сти», эпохой «индустриального общества» и т. д. Если сравнивать идентификационные процессы традиционного общества и общества модерна, то следует отметить, что в традиционных обществах социальный статус индивида жестко регламентирован рядом факторов, среди которых принадлежность к общине, сословию и т. п.

В эпоху модерна очень резко изменяются макросоциальные условия жизнедеятельности людей, в результате чего происходит параллелизация процессов социальной дифференциации и индивидуализации, а также расширяется спектр потенциальных идентификационных признаков: профессиональных, политических, стилевых, мировоззренческих и т. д. Кроме того, возрастает личностная потребность в самоопределении относительно различных общностей.

Для культуры постмодерна характерна рефлексивность и мозаичность, когда происходит тесное переплетение и взаимовлияние институциональных изменений и внутриличностных трансформаций (Гидденс, 1994). Социологи констатируют, что в данный временной период социальные модели все более усложняются и становятся менее четкими; размываются границы между социальными нормами и социальными отклонениями, позволяющими каждому индивиду самоопределиться методом противопоставления. Выделяются традиционные субъекты девиации: умышленные, преступники, проститутки, сексуальные меньшинства, получают легитимацию и повышение социального статуса и, как следствие, в современном идентификационном пространстве оказываются на равных позициях с образом «нормального человека» (Рассолова, 2005). Личность эпохи постмодерна пребывает в растерянности от частых трансформаций идентификационных моделей. Феномен релятивизации культурных моделей и ценностей является одновременно и результатом, и причиной постоянных социальных изменений, характерных для современных и постсовременных обществ. Индивиды обретают право самостоятельного выбора в отношении потребительских благ, личного жизненного пути, референтной системы ценностей и т. п. Средства массовой информации участвуют при этом в процессе расширения поля ценностей и моделей референции, отражая все, что происходит в мировом сообществе.

Современное российское общество находится в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда ключевыми характеристиками становятся неопределенность и нелинейность, то есть непредопределенность, что отличает его от стабильно трансформирующегося общества западных стран с прогрессирующей

щей экономикой и устойчивой социально-политической системой (Костюк, 1994). Данные характеристики распространяются на всю социальную систему. На микроуровне социальная нестабильность проявляется усилением аморфности и непредсказуемости социальной ситуации, в которой живут и действуют индивиды. Если рассматривать процесс *личностной адаптации* в стабильных системах, то он заключается, прежде всего, в приспособлении индивида к относительно стабильным внешним условиям. В условиях трансформирующегося российского общества процесс личностной адаптации перерастает в сложные субъект-объектные отношения, при которых изменения касаются не только объектов трансформации – социальных институтов, социальных общностей, ценностей и т. п., но и самих субъектов трансформации. Таким образом социальная идентификация принимает на себя и выполняет для индивида адаптивно-защитную функцию.

Социальная и коммуникативная успешность – важнейшие условия и механизмы самоидентификации. Чем выше успешность, тем более приемлемой (присваиваемой, референтной) становится та или иная картина мира, те или иные культурные (субкультурные) стереотипы. Поиск коммуникативной успешности осуществляется, в том числе, через «поиск своих», который в современном обществе осуществляется как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Причем в первом его осуществить несколько сложнее. Это связано:

- а) с ограниченностью территориальных и временных возможностей реального пространства (в реальном пространстве выбор «своей» группы, как правило, ограничен – в лучшем случае доступны не более двух-трех возможных сообществ, условно отвечающих соответствующим требованиям);
- б) с факторами проявления большого набора идентичностей (или ценностей), которые характерны для близкого реального взаимодействия.

Интернет-коммуникация на современном этапе развития общества позволяет найти «своих» легче, так как:

- а) пространство не имеет значения, а фактор времени в значительной мере снижает свое влияние, что расширяет количество вариантов для выбора;
- б) опосредованность взаимодействия (через компьютер) ограничивает набор проявленных ценностей, что также упрощает выбор (в виртуальном сообществе становятся незначимыми многие ценности, важные в пространстве реального взаимодействия);

- в) возможность «маскировки» – использование «маски», некоего выдуманного образа, который позволяет участвовать во взаимодействии, не раскрывая своей истинной сущности. Это дает возможность не просто «отстраниться» от своих внутренних комплексов, но и апробировать для себя иные субъективно идеализированные социальные роли, в том числе и асоциальные.

Процесс формирования идентичности в подростковом и юношеском возрасте является двухсторонним: с одной стороны, референтные группы влияют на самоидентичность личности; с другой – самоидентичность личности является критерием выбора группы с определенной субкультурой. При этом важными (критериальными) характеристиками групповой субкультуры являются не все, а только те, которые соответствуют значимым ценностям.

Формирование идентичности в подростковом и юношеском возрасте обусловлено несколькими линиями развития ребенка. С одной стороны, изменения, связанные с периодом полового созревания и бурным физическим ростом организма, приводят к трансформации образа «Я» и необходимости установления новых критериев оценки своей внешности и личности. С другой стороны, когнитивное развитие подростка позволяет ему выйти за рамки конкретных переживаний, элементы «образа Я» становятся всё более дифференцированными, что приводит к формированию целостного «образа Я» (Ж. Пиаже, И.С. Кон). Развитие абстрактного мышления зависит от социокультурных особенностей среды. Благодаря переходу мышления на уровень формальных операций у подростков появляется способность анализировать собственные мысли и чувства, что приводит к развитию рефлексии. Отношения подростка к миру и к самому себе претерпевают значительные изменения (А. Валлон, Л.И. Божович, А.М. Прихожан). Возникает несоответствие между потребностью подростков добиться признания своей взрослости со стороны взрослых и реальной возможностью «быть взрослым». Поэтому «местом», где подросток может примерить на себя различные паттерны «взрослого поведения», является общество сверстников. Именно в общении со сверстниками устанавливаются отношения равенства и уважения друг к другу, осваиваются нормы социального поведения и морали (Д.Б. Эльконин). Межличностное общение является ведущей деятельностью подросткового возраста (А.Н. Леонтьев), так как под его влиянием происходят все значимые изменения в структуре личности.

Большую значимость приобретают отношения со «значимыми другими», подросток активно ищет модели для подражания. Активно развиваются процессы самосознания и самоопределения, приводящие к формированию ценностных ориентаций (И.В. Дубровина), жизненной позиции и жизненных планов юношей (Л.И. Божович). Таким образом, в подростковом возрасте складываются условия для развития рефлексии, определения своей групповой принадлежности, осознания своей уникальности, формирования временной перспективы и формирующаяся идентичность приводит личные склонности и таланты в соответствие с идентификациями и ролями, данными подростку ранее родителями, сверстниками и обществом (Гринфельд, 2004).

Приоритетным в межличностном взаимодействии подростков и юношей является группа и групповое пространство. Группа в целом может быть охарактеризована как ближайшая социальная среда, обеспечивающая условия проявления личности, развертывания ее поведения и формирования ее социально значимых качеств. Важнейшим параметром, характеристикой группы в этом случае оказывается нормативная обусловленность протекающих в ней процессов. Группа, обладающая нормативно заданной структурной функцией, ролями и статусами, является нормативно организованной социальной средой, включающей нормативно оформленные условия поведения, деятельности, проявления личности. Существование и деятельность личности в нормативно оформленной группе и отображение в сфере личности норм организации группы являются основными, базовыми процессами при формировании личности и ее социального поведения.

Разрабатывая категорию «социальная норма» применительно к области изучения процессов образования и функционирования групп, М. Шериф и К. Шериф выделяют ряд атрибутивных свойств групповых норм. Во-первых, социальные нормы отличаются от норм статистических или «типичных». В связи с этим, по данным Шерифов, групповые нормы не соответствуют буквальным образом так называемому среднему поведению членов группы, или их «типичному» поведению. Во-вторых, социальные нормы являются определенным видом обобщения, категоризации, они представляют ситуации и поведение. В-третьих, социальная норма является оценивающей категорией, используется для обозначения ценного, ожидаемого, должного, приемлемого. И наконец, в-четвертых, будучи генерализованы, выступая как обобщения, социальные нормы определяют границы, объемы разрешенного, дозволенного, приемлемого ряда действий (Бобнева, 1978).

Групповые процессы способствуют становлению групповой идентичности субъектов взаимодействия. Б. Шефер и Б. Шледер считают, что, говоря о групповой идентичности, мы имеем в виду основные правила ориентации и поведения людей, управляющие их взаимоотношениями и общением членов группы. Авторы рассматривают групповую идентичность в двух аспектах: объективном – наличие оценочных репрезентаций и субъективном – наличие группового сознания (Шефер, Шледер, 1993).

Ценным при описании групповой идентичности является понятие «коллективная репрезентация», используемое французскими социологами и социальными психологами Э. Дюркгеймом и С. Московичи. Социальные репрезентации – это общие представления членов группы и такие представления должны анализироваться на социальном – в противопоставлении индивидуальному – уровне. Групповую идентичность определяют и ценности, выступающие в качестве социальных представлений.

Групповое сознание – это представления людей об основных особенностях группы, к которой они принадлежат. Познание характерных групповых свойств опосредовано знанием фактов, касающихся группы, и вынесением соответствующих оценок. При описании группового сознания необходимо принимать во внимание те знания и суждения, которые член группы считает верными относительно своей группы и которые, с его точки зрения, отличают ее от других групп.

Изучение особенностей групповой принадлежности подростков и юношей имеет большое значение для современного общества в психологическом, педагогическом и социальном отношении, так как именно через группу (сверстников, друзей, родных и т. д.) подросток и юноша познает себя, а также учится выделять в себе те качества, которые присущи только ему. Правильное становление идентичности в подростковом и юношеском возрасте является неотъемлемой составной частью для дальнейшей социализации личности.

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение особенностей социальной идентификации современных подростков 13–14 лет и юношей в возрасте 17–19 лет.

Выборка: в исследовании приняли участие 60 человек в возрасте 13–19 лет, обучающихся в образовательных учреждениях г. Москвы.

Методики исследования: социометрия, методика «Я в группе» (Марцинковская, 2015).

В ходе эмпирического исследования мы получили следующие результаты.

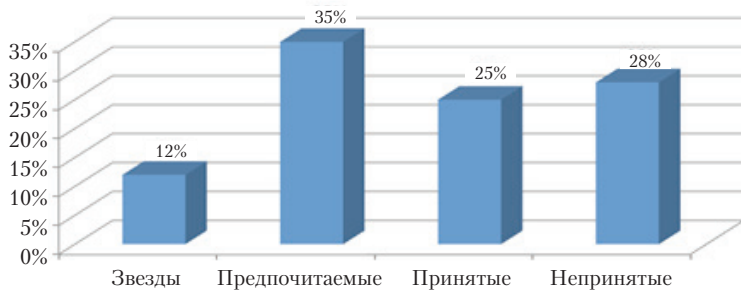

Рис. 1. Социометрический статус подростков 13–14 лет в группе сверстников

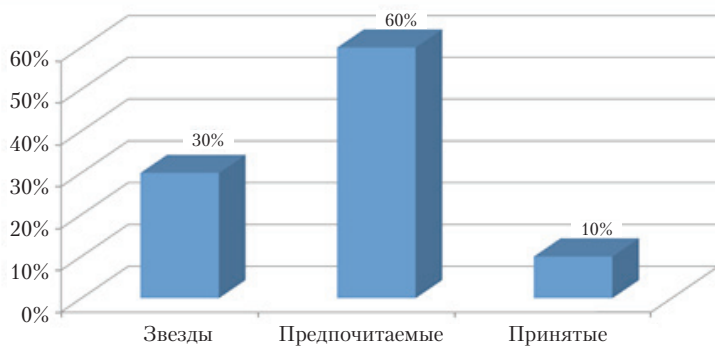

Рис. 2. Социометрический статус юношей в группе сверстников

Данные социометрии показали, что большинство подростков и юношей занимают благоприятные статусные категории в группе сверстников – «звезды» и «предпочитаемые». Это активные, общительные, пользующиеся авторитетом среди сверстников дети. Необходимо отметить, что многие из них занимают лидирующие позиции не только в социальном контексте, но и в познавательном. В большинстве оказались подростки с низким социометрическим статусом (рис. 1), а в группе юношей мы констатируем отсутствие «непринятых» и «изолированных» (рис. 2). В группе подростков – средний уровень благополучия, так как иногда возникают ссоры и конфликты. Коэффициент удовлетворенности взаимоотношениями в группе (КУВ) – средний (40%). В целом в группе юношей отмечается высокий уровень благополучия, так как большинство

находится в благоприятных (звезды, предпочитаемые) статусных категориях – 70% от общего процентного соотношения детей. Коэффициент удовлетворенности взаимоотношениями в группе (КУВ) – 60%, что оценивается как высокий уровень.

Анализ результатов методики «Я в группе» осуществлялся по заданным критериям, проиллюстрируем полученные данные.

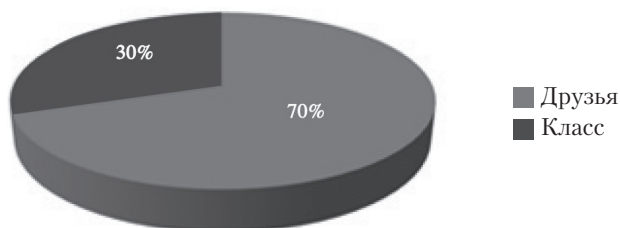

Рис. 3. Особенности групповой принадлежности у современных подростков 13–14 лет

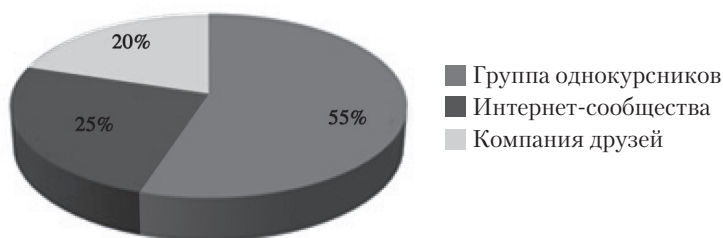

Рис. 4. Особенности групповой принадлежности у современных юношей

Социальная идентификация формируется у подростков 13–14 лет прежде всего в группе, по наличию дружбы и избирательных привязанностей («любимые друзья», «верные друзья», «мои друзья» и т. д.). Количество таких подростков составило 70%. Друзья являются для них той референтной группой, где происходит их социальная идентификация. 30% современных подростков в качестве групповой принадлежности выбрали одноклассников. У юношей приоритетное значение при групповой принадлежности отдано группе однокурсников, значимость которой определяется ведущей учебно-профессиональной деятельностью и интересами, увлечениями возрастного характера. Юношеский возраст известен

в психологической науке как период осмысления, философствования, поиска себя. В процентном соотношении равнозначными оказались интернет-сообщества (например, ВКонтакте или Facebook) и компания друзей вне учебного заведения. Один из респондентов ответил, что для него группой являются друзья детства, с которыми он дружен до сих пор.

Индивидуальные особенности восприятия группы подростков и юношей характеризуются индивидуальными вариантами восприятия той группы, в которой находятся или принадлежат. Ответы по данному критерию характеризовались положительным отношением к группе («отличные товарищи», «верные друзья», «всегда помогут», «веселые и активные», «добрые», «суперские» и т. п.). Следовательно, можно говорить о достаточно дружеских и отзывчивых отношениях или о желании иметь такие отношения в группе.

Рис. 5. Содержание общения (определение ведущего мотива общения) у современных подростков 13–14 лет

Групповое восприятие члена группы характеризуется принятием и выделением данного члена группы (положительные характеристики составляют 65%).

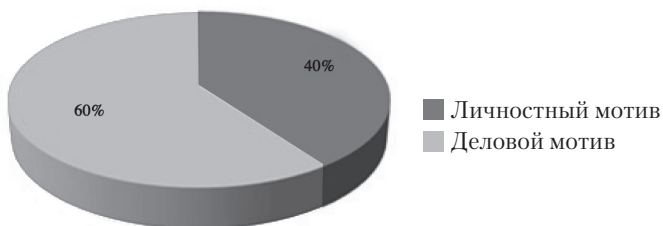

Рис. 6. Содержание общения (определение ведущего мотива общения) у современных юношей

Ведущий мотив общения у современных подростков – личный – 100% (доверительные беседы и разговоры, совместное прослушивание музыки, рассказ интересных и смешных историй). У группы юношей деловой мотив составил 60%, а личный – 40%. Им интересна совместная учебно-профессиональная деятельность, а не просто приятная беседа.

Особенности отношений со сверстниками (эмоциональные отношения подростков и юношей со сверстниками, его эмоциональное благополучие в группе) характеризуются хорошими отношениями со сверстниками, которые при неудачах готовы ему помочь и поддержать. Хорошие отношения со сверстниками продемонстрировали 82% членов группы.

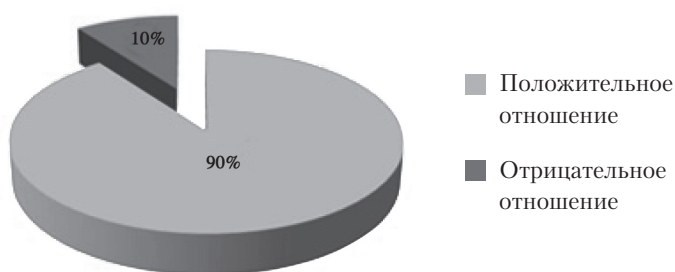

Рис. 7. Отношение к лидерству, к доминированию в группе сверстников у подростков 13–14 лет

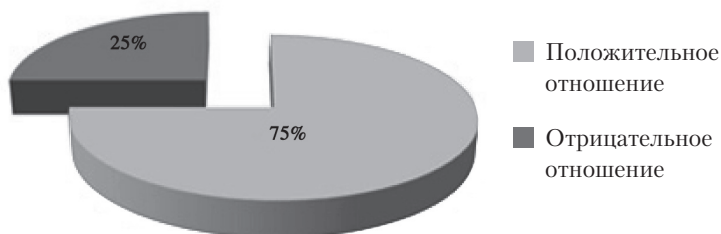

Рис. 8. Отношение к лидерству, к доминированию в группе сверстников у юношей

Отношение к лидерству, к доминированию в группе сверстников определяется положительным отношением – 90%, которые с удовольствием брали бы на себя ответственность, стремились помогать и разрешать конфликты, а также испытывали большое удовлетворение от того, что они не как все (равные), а имеют лидирующие позиции. 10% современных подростков отрицательно относятся к лидерству, так как считают, что это накладывает определенные обязанности перед сверстниками.

У юношей наблюдается уменьшение процентного соотношения, поддерживающих положительное отношение к лидерству – 75% и увеличение процента юношей с отрицательным отношением – 25%. Возможно, в юношеском возрасте начинают реальнее оценивать свои возможности, и позиция доминирования смещается в системе ценностей. Наиболее ценными становятся умения конструктивного взаимодействия, долговременного сотрудничества.

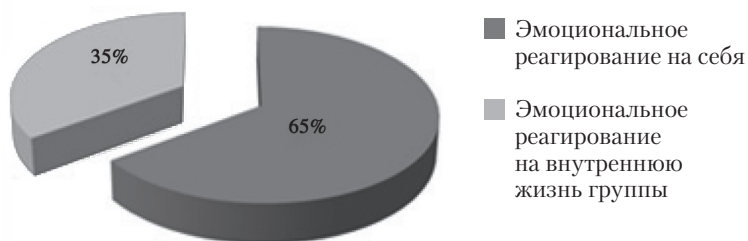

Рис. 9. Особенности эмоциональных проявлений в группе у современных подростков 13–14 лет

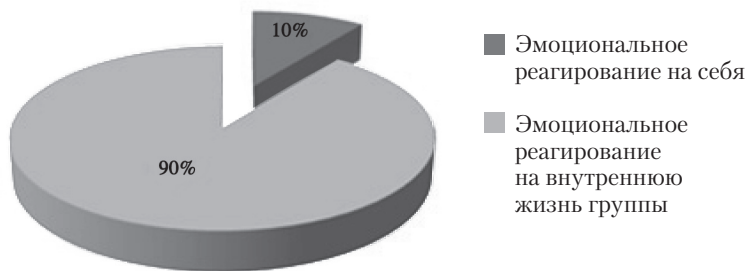

Рис. 10. Особенности эмоциональных проявлений в группе у современных юношей

Большинство современных подростков 13–14 лет констатировали эмоциональное реагирование на себя в группе сверстников, отмечая, что могут испытывать неприятные чувства, когда про них говорят за спиной или смеются. И только 35% эмоционально реагируют на внутреннюю жизнь группы.

Особенности эмоциональных проявлений в группе юношей направлены на внутреннюю жизнь группы (90%). Респонденты в большинстве случаев отвечали: «я радуюсь, когда вижу всех счастливыми», «мне хорошо, когда мы вместе обсуждаем интересные проекты», «мне весело, когда мы вместе».

Выводы

1. Социальная идентификация современных подростков и юношей опосредуется социометрическим статусом в группе сверстников и групповой принадлежностью, так как выбранная ими референтная группа является показателем норм, ценностей, мотивов, особенностей отношений со сверстниками, составляющих базисную основу личности.

2. Успешная социализация и удовлетворенность взаимоотношениями в группе сверстников обуславливается социометрическим статусом. Большинство современных подростков и юношей имеют высокие социометрические статусы, что обеспечивает им высокий уровень психологического благополучия в группе сверстников.

3. Групповая принадлежность большинства современных подростков актуализируется через категорию «друзья», с которой идентифицирует себя подросток, где присутствуют дружба и избирательные привязанности, позитивные взаимоотношения, личностный мотив общения, благоприятный психологический климат. Однако многие подростки стремятся к доминированию в группе и эмоциональному реагированию на себя. Групповая принадлежность юношей характеризуется выбором однокурсников в качестве референтной группы, деловым мотивом общения, положительным отношением к лидерству, эмоциональным реагированием на внутреннюю жизнь группы.

Литература

- Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
Гидденс Э. Современность и самоидентичность // Реферативный журнал. 1994. № 11(2). С. 14–20.

- Гринфельд И.Л.* Динамика процесса формирования социокультурной идентичности в подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Костюк В.Н.* Неравновесие, ценность, эволюция (системный подход) // Устойчивость и неустойчивость целостных структур как предмет системного исследования. 1994. Вып. 1. С. 25.
- Марцинковская Т.Д.* (Ред.) Идентичность и социализация в современном мире. М.: МПГУ, 2015.
- Рассолова И.В.* Социальная идентификация личности в условиях трансформации современного российского общества: Дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2005.
- Шефер Б., Шледер Б.* Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Иностранная психология. 1993. N 1. С. 74–84.

References

- Bobneva M.I.* Sotsial'nye normy i regulyatsiya povedeniya. Moskva: Nauka, 1978.
- Giddens E.* Sovremennost' i samoidentichnost' // Referativnyi zhurnal. 1994. № 11 (2). S. 14–20.
- Grinfeld I.L.* Dinamika protsessy formirovaniya sotsiokul'turnoi identichnosti v podrostkovom vozraste: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Moskva, 2004.
- Kostyuk V.N.* Neravnovesie, tsennost', evolyutsiya (sistemnyi podkhod) // Ustoichivost' i neustoichivost' tselostnykh struktur kak predmet sistemnogo issledovaniya. 1994. Вып. 1. S. 25.
- Martsinkovskaya T.D.* (Red.) Identichnost' i sotsializatsiya v sovremennom mire. Moskva: Mosk. ped. gos. universitet, 2015.
- Rassolova I.V.* Sotsial'naya identifikatsiya lichnosti v usloviyakh transformatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva: Dis. ... kand. sotsiol. nauk. Kazan, 2005.
- Shefer B., Shleder B.* Sotsial'naya identichnost' i gruppovoe soznanie kak mediatory mezhgruppovogo povedeniya // Inostrannaya psikhologiya. 1993. № 1. 74–84.

Об авторе

Гребенникова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, grebennikova577@mail.ru

About the author

Grebennikova Olga V. – Ph.D. in Psychology, senior researcher, Laboratory of teenager's psychology, Russian Academy of Education Psychological Institute, grebennikova577@mail.ru

Работы молодых ученых

Е.Б. Максимова

Психологический институт РАО

E.B. Maximova

Russian Academy of Education Psychological Institute

Соотношение структурных компонентов
эмоционального интеллекта и эмпатии
в подростковом возрасте

The ratio of structural components
of the emotional intelligence
and empathy in adolescents

В статье рассмотрены основные теоретические подходы к структуре и содержанию понятия «эмоциональный интеллект», компоненты которого проявляются как в межличностном, так и во внутриличностном плане. Проведен теоретический анализ структуры и содержания понятия «эмпатия», которое, в зависимости от теоретического подхода, рассматривается либо как компонент в структуре эмоционального интеллекта, либо как необходимое условие для его формирования. Представлены результаты исследования ($n = 33$) эмоциональной сферы современных подростков, поскольку подростковый возраст является тем периодом, когда влияние эмоций на человека становится наиболее очевидным, а эмоции подростков в значительной мере связаны с межличностным общением. Эмоциональная сфера подростков рассматривалась с помощью конструкций «эмоциональный интеллект» и «эмпатия», поскольку эмпатия наряду с децентрацией, идентификацией и рефлексией участвует в построении усложненного образа другого человека, благодаря которому обеспечивается его понимание. Выделяются причины, препятствующие эмпатии – эгоцентрическая ориентация, отчужденность, психологический дискомфорт, безразличие к личности. Произведен математический анализ корреляции между структурными компонентами эмоционального интеллекта и общим уровнем эмпатии, а также ее структурными компонентами у подростков; выявлена умеренная прямая корреляция между общим уровнем эмпатии,

пониманием чужих эмоций и межличностным эмоциональным интеллектом. Также было обозначено отсутствие корреляции между общим уровнем эмпатии и пониманием своих эмоций, а также слабая отрицательная корреляция между внутриличностным эмоциональным интеллектом, способностью к управлению своими эмоциями и общим уровнем эмпатии у подростков. Понимание чужих эмоций и общий уровень эмпатии имеют умеренную прямую связь.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмпатия, восприятие и управление эмоциями, подростковый возраст.

The article considers main theoretical approaches to the structure and content of the concept of “emotional intelligence”, which components manifest themselves both intrapersonally and interpersonally. Theoretical analysis of the structure and content of the concept “empathy” is made and it is considered, depending on the theoretical approach, either as a component in the structure of emotional intelligence, or as a necessary condition for its formation. The article presents results of a study ($n = 33$) of the emotional sphere of teenagers, for an adolescence is the period when the influence of emotions on the person is most evident, and emotions in adolescents is highly correlated with the interpersonal communication. Emotional sphere of adolescents was examined using the constructs of “emotional intelligence” and “empathy” as empathy, along with decentration, identification, and reflection are involved in the complicated construction of the image of another person that provides his understanding. An accent is made on the obstacles to empathy – egocentric orientation, alienation, psychological distress, indifference to personality. There is a mathematical analysis of the correlations between structural components of emotional intelligence and the General level of empathy, as well as its structural components in adolescents. The author reveals a moderate direct correlation between the General level of empathy, understanding emotions in others and interpersonal emotional intelligence. He also notes the lack of correlation between the General level of empathy and understanding of their emotions and weak negative correlation between the intrapersonal emotional intelligence, the ability to control their emotions and the General level of empathy in adolescents. Understanding other people’s emotions and the General level of empathy have a moderate direct relationship.

Keywords: emotional intelligence, empathy, understanding emotions, managing emotions, adolescence.

Теоретические исследования эмоциональной сферы подростков

Для очень большого количества людей подростковый возраст представляет собой период, когда влияние эмоций на человека становится наиболее очевидным.

«Эмоция – это нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» (Изард, 2000, с. 27).

Для эмоциональной сферы подростков, по Е.П. Ильину, характерны высокая эмоциональная возбудимость и большая устойчивость эмоциональных переживаний. Эмоции подростков в значительной мере связаны с межличностным общением (Ильин, 2001), а понимание своих собственных эмоций и эмоций другого человека являются важным для процесса общения между людьми.

Д.Б. Эльконин в подростковом возрасте выделяет интимно-личностное общение как ведущую деятельность данного возраста (Эльконин, 1989). Другой исследователь, Д.И. Фельдштейн, считает ведущей деятельностью подросткового возраста развернутую общественно полезную деятельность (общественно-организационную, трудовую, художественную, спортивную и т. д.) (Фельдштейн, 1978).

В связи с этим крайне актуальным становится возможность рассматривать индивидуально-психологические особенности подростков с помощью конструкта «эмоциональный интеллект», включающей в себя ряд компонентов, а именно: способность идентифицировать эмоциональные явления – как свои собственные, так и чужие эмоции – управление своими и чужими эмоциями, использование эмоций для усиления мышления (Mayer et al., 2000). Кроме того, от уровня развития эмоционального интеллекта зависит успешность ведущей деятельности подросткового возраста, а следовательно, и развития личности подростка в целом.

Модель эмоционального интеллекта, предложенная Дж. Майером, П. Саловеем и Д. Карузо, рассматривает эмоциональный интеллект как «способность различать и контролировать собственные эмоции и чувства, а также эмоции и чувства других людей и использовать эту информацию для того, чтобы контролировать мышление и действия» (Ibid.). В составе эмоционального интеллекта выделено несколько «ветвей» (branches), а именно:

- *восприятие (идентификация) эмоций* – способность воспринимать свои и чужие эмоции;

- *повышение эффективности мышления* – способность испытывать и использовать эмоции для передачи чувств или использовать их в других когнитивных процессах;
- *понимание эмоций* – способность понимать, как эмоции взаимодействуют между собой и развиваются в процессе взаимоотношений, понимать информацию, которую несут эмоции;
- *управление эмоциями* – способность регулировать эмоции в себе и в других.

Восприятие эмоций включает в себя способность распознавать эмоции по невербальным признакам, сюда также включается способность идентифицировать собственные эмоции. Восприятие эмоций делает возможным всю последующую обработку эмоциональной информации, а потому является базовым компонентом эмоционального интеллекта.

Использование эмоций для решения когнитивных задач и стимуляции различных видов когнитивной активности раскрывает содержание «ветви» повышения эффективности мышления с помощью эмоций.

Понимание эмоций рассматривается как способность видеть разницу между эмоциями, способность понимать язык эмоций и оценивать сложные отношения между эмоциями. Способность описывать и понимать, как эмоции изменяются во времени, также включается в «ветвь» понимания эмоций.

Управление эмоциями заключается в способности управлять и своими эмоциями, и эмоциями других людей.

Порядок расположения «ветвей» описывает последовательность развития эмоций от простых к более сложным. База из простых способностей необходима для формирования более сложных способностей. Все компоненты эмоционального интеллекта проявляются как в межличностном, так и во внутриличностном плане.

Р. Бар-Он рассматривает эмоциональный интеллект как «множество некогнитивных способностей и навыков, влияющих на способность успешно справляться с требованиями и давлением окружения» (Bar-On, 2000). Именно Р. Бар-Он ввел в психологическую науку термин EQ – Emotional Quotient (коэффициент эмоциональности). Модель эмоционального интеллекта Р. Бар-Она состоит из пяти основных компонентов, каждый из которых, в свою очередь, состоит из нескольких субкомпонентов, включающих: познание себя (уверенность в себе, осознание своих эмоций, самоуважение, независимость, самоактуализация), навыки межличностного общения (межличностные взаимоотношения, эмпатия), способность к адаптации (гибкость, решение проблем, связь с реальностью),

управление стрессовыми ситуациями (контроль за импульсивностью, устойчивость к стрессу), преобладающее настроение (оптимизм, счастье).

Совмещение личностных теорий и теорий способностей было предложено Джозефом и Ньюманом с помощью «каскадной модели эмоционального интеллекта» (*cascading model of emotional intelligence*). Данная модель показывает связь восприятия эмоций, эмоциональной регуляции и понимания эмоций с сознательностью, эмоциональной стабильностью, когнитивными способностями и успешностью на работе. Джозеф и Ньюман утверждают, что с точки зрения теоретической обоснованности исследование эмоционального интеллекта как когнитивной способности разработано в большей степени, но имеет место недостаток критериальной валидности, а также существенные гендерные различия в результатах тестирования. Понимание эмоционального интеллекта как личностной способности показывает меньшие гендерные различия и более высокую критериальную валидность (Joseph, Newman, 2010).

Понятие «эмоциональный интеллект» в нашей стране было впервые использовано Г.Г. Гарсковой. Эмоциональный интеллект, по мнению автора, – это «способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза» (Гарскова, 1999, с. 26).

Среди российских моделей эмоционального интеллекта подход, разрабатываемый Д.В. Люсиным с коллегами, представлен следующим образом. Эмоциональный интеллект рассматривается как психологический конструкт, формируемый в ходе жизни человека под влиянием ряда факторов, обуславливающих его уровень развития и специфические индивидуальные характеристики. Существуют три группы таких факторов: *когнитивные способности* (характеристика информации, передаваемой эмоциями, скорость и точность ее переработки), *представления об эмоциях* (в качестве ценного источника информации о себе и других), *индивидуальные проявления эмоциональности* (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность). Эмоциональный интеллект рассматривается Д.В. Люсиным как способность к управлению и пониманию своих и чужих эмоций (Люсин, 2006).

Способность к пониманию эмоций означает умение идентифицировать (распознавать) эмоции у себя или другого человека, то есть определять, какую эмоцию испытывает другой человек (или он сам), и, как результат, найти для нее словесное выражение. Помимо этого, способность к идентификации эмоций включает в себя

и понимание причины, вызвавшей данную эмоцию, и последствия, к которым она приведет. Способность к управлению эмоциями означает, что человек способен контролировать внешнее выражение эмоций, интенсивность эмоций и при необходимости может вызвать определенную эмоцию (Робертс и др., 2004).

Другим психологическим аспектом, характеризующим связь индивида с социальным окружением, является способность отзываться на состояния других людей. Это состояние называется эмпатией и определяется следующим образом: и как способ понимания другого человека, и как особый способ отклика на эмоции и переживания.

В психологическую науку понятие «эмпатия» впервые ввел Э. Титченер. Американские исследователи эмпатию рассматривают как когнитивный процесс, заключающийся в восприятии и понимании внутреннего мира человека, эмоционального содержания произведений искусства (Cottrel, Dymond, 1949).

История развития сущностных и структурно-динамических особенностей эмпатии характеризуется многообразием подходов как в зарубежной, так и в отечественной психологии.

Зарубежные исследователи рассматривают эмпатию как основную и необходимую составляющую социального интеллекта (Э. Торнадайк, Дж. Гилфорд), как осознание субъектом своих переживаний и самого себя через содержание предмета или объекта, проецируя в него свое «Я» (Т. Липпс, М. Шеллер), как способность сострадать и сочувствовать (С. Аш, В. Штерн), как способность проникать в психику другого человека, принимать в расчет его чувства и сочувствовать ему (Т. Шибутани). Сущность эмпатии определяется и как способность сопереживать чужим эмоциям (К. Изард), и как способность принять другого человека (Дж. Мид), и как воображение перенесения себя в чувства, мысли и действия другого и структурирование мира по его образцу (Р. Даймонд).

Быть в состоянии эмпатии, по мнению Карла Роджерса, означает «воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим... ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины как он их воспринимает... Но обязательно должен оставаться оттенок “как будто”, если этот оттенок исчезает, то возникает состояние идентификации» (Rogers, 1975).

Эмпатический способ общения с другим человеком подразумевает постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям другого, входение в личный мир другого и пребывание в нем. Как пишет К. Роджерс, это предполагает «временную жизнь

другой жизнью, деликатное пребывание в ней без оценивания и осуждения. Это означает улавливание того, что другой сам не осознает» (Ibid.).

Представители отечественной психологии рассматривают эмпатию как особое эмоциональное состояние, возникающее у человека при виде переживаний другого (Т.П. Гаврилова, Н.Б. Шкопоров, Е.П. Ильин), как стремление эмоционально откликнуться на проблемы другого человека, как его особый способ понимания (Г.М. Андреева), как способность человека распознавать чувства, эмоциональные состояния другого, его социальную чувствительность (М.Н. Ямницкий).

В современной российской психологии выделяются следующие направления в исследовании эмпатии: изучение связи структурных характеристик эмпатии с психологическими особенностями личности и с разными психическими процессами (И.М. Юсупов, О.П. Санникова, В.А. Микаелян и др.), определение качественной природы эмпатии (Ю.Б. Гипшенрейтер, Н.Н. Обозов и др.), исследование процессуального характера эмпатии (Л.П. Стрелкова, В.С. Агеев и др.). В связи с неоднозначной трактовкой содержания понятия эмпатии в работах многих исследователей эмпатия рассматривается под терминами: эмоциональная идентификация, чуткость, социальная сензитивность, сопереживание, сочувствие.

Отечественные психологи неоднозначно определяют содержание понятия эмпатии, определяя ее либо как способность, либо как состояние, либо как процесс, связывая ее с разными психологическими особенностями личности и с разными психическими процессами. Понятие «эмпатия» является синонимом другого психологического понятия – «эмпатические способности», предложенным В.В. Бойко.

В.В. Бойко рассматривает эмпатию как «рационально-эмоционально-интуитивную форму отражения другого человека, которая позволяет преодолеть его психологическую защиту и постичь причины и следствия самопроявлений – свойств, состояний, реакций – в целях прогнозирования и адекватного воздействия на его поведение» (Бойко, 1996, с. 117). Автор выделяет несколько каналов эмпатии: рациональный, характеризующийся направленностью восприятия, мышления и внимания эмпатирующего на сущность, внимание, состояние другого человека; эмоциональный, позволяющий сопереживать и соучаствовать с другими; интуитивный – возможность видеть поведение других, опираясь на собственный опыт. Автором выделяются причины, препятствующие глубокой и полноценной эмпатии – эгоцентрическая ориентация, отчуж-

денность, психологический дискомфорт, безразличие к личности. Поэтому эмпатия может давать искаженную картину внутреннего мира другого человека, так как эмпатирующий проецирует на него свои качества: предвзятые суждения, недостатки, привычки, эмоциональный опыт, а эмпатия зависит, прежде всего, от эмоциональной реактивности и активности личности. Человек, сущность которого постигают, также может препятствовать эмпатии.

Исследование Т.Д. Карягиной показало, что термин «эмпатия» достаточно многозначен и может рассматриваться в категории познания (как особый механизм познания, как способ познания переживания) и как категория отношения, благодаря которой содержание понятия «эмпатия» происходит от философской традиции понятия «симпатия» (Карягина, 2013).

Другой отечественный исследователь эмпатии, Т.П. Гаврилова, считает, что существуют две формы проявления эмпатии – сопереживание и сочувствие. *Сочувствие* – это отзывчивое отношение к переживаниям другого человека, основанное на понимании неблагополучия другого человека, и связано с его потребностями и интересами. *Сопереживание* – это переживание человеком тех же чувств, которые испытывает другой, основанное на своем прошлом опыте и связанное с собственными интересами, с потребностью в собственном благополучии. Поэтому сопереживание, как правило, более импульсивно, более интенсивно, чем сочувствие (Гаврилова, 1981).

Т.П. Гаврилова изучила гендерные и возрастные проявления эмпатии. В результате исследования было обнаружено, что сочувствие – как более сложная опосредованная нравственным знанием форма эмпатического переживания – характерно для подростков, а сопереживание как более непосредственная концентрированная форма эмпатии характерно для младших школьников (Там же).

При разделении эмпатических реакций Л.П. Калининский с соавторами (Калининский и др., 1981) считают, что правильнее было бы говорить не столько о критерии разнонаправленности потребностей, сколько о степени эмоциональной вовлеченности своего «Я» во время такой реакции. По мнению исследователей, сопереживание является индивидуальным свойством, так как связано со слабостью нервной системы, что, как известно, является типологической особенностью, а сочувствие является личностным свойством, поскольку формируется в условиях социального обучения. Однако сочувствие не всегда отражает эмпатию, поскольку для эмпатии обязательно эмоциональное реагирование (сопереживание), а сочувствие может выражаться как социально одобряемая форма эмоционального реагирования.

Для эмпатии является важным осознание эмпатирующим того, что чувства, которые он испытывает, являются отражением чувств партнера по общению, в противном случае такой процесс является скорее идентификацией с собеседником. Следует отметить, что эмпатия не связана с какими-либо конкретными эмоциями и применяется для обозначения сопереживания любым эмоциональным состояниям.

В основе эмпатии, по мнению многих исследователей, лежат эмоциональные явления, из чего следует, что эмпатические способности (эмпатия) зависят от особенностей эмоциональной сферы человека (Психология межличностного познания, 1981). Компоненты способности к эмпатии были раскрыты в работах В.К. Вилюнаса, Н.Н. Обозова, А.В. Петровского и включают: распознавание эмоционального состояния другого, способность адекватно воспринимать имеющуюся ситуацию, способность к сопереживанию и сочувствию. В структуре эмпатии выделяются следующие компоненты: социальный и эмоциональный интеллекты, которые реализуются через эмоциональный и рациональный каналы восприятия с помощью механизмов сопереживания и сочувствия (Дементьев, 2013), рефлексия, тип направленности личности.

Таким образом, в результате проведенного теоретического анализа различных точек зрения эмпатия понимается как психологический феномен, характеризующийся эмоциональной отзывчивостью на переживания другого человека, который способствует пониманию смысловых и эмоциональных оттенков внутреннего мира других людей, содействует взаимопониманию и оптимизации межличностных отношений, делает поведение человека социально обусловленным.

Поскольку эмпатия поддерживается общественными нормами жизни, то является социально одобряемым качеством личности, при этом она может иметь избирательный, индивидуальный характер, когда эмоциональный отклик возникает только на значимого, а не на любого другого человека. Эмпатия наряду с децентрацией, идентификацией и рефлексией участвует в построении усложненного образа другого человека, благодаря которому обеспечивается его понимание (Богачева, 2014).

Эмпирическое исследование

Цель исследования заключалась в определении соотношения компонентов эмоционального интеллекта и эмпатии в подростковом возрасте.

Выборку составили обучающиеся 7-х классов в возрасте 13–14 лет ГБОУ «Школа № 1236» г. Москвы в количестве 33 человек (15 мальчиков, 18 девочек) ($n = 33$). Эмпирическое исследование проводилось с письменного согласия законных представителей несовершеннолетних обучающихся.

В ходе выполнения эмпирической части исследования нами были использованы следующие методы.

1. Опросный метод Д.В. Люсина «Эмоциональный интеллект» («ЭМИн»), направленный на изучение внутриличностного и межличностного, а также интегрального эмоционального интеллекта.

2. Опросный метод В.В. Бойко «Эмпатические способности», направленный на определение общего уровня эмпатических способностей, а также на определение наиболее активных компонентов в структуре эмпатии.

3. Методы описательной статистики (вычисление среднеквадратичного отклонения (SD), вычисление среднего арифметического).

4. Методы параметрической статистики (вычисление χ^2 – критерия Пирсона).

При обработке данных использовался пакет статистических программ Microsoft 2013.

Целью методики «ЭМИн» Д.В. Люсина является определение показателей по различным шкалам эмоционального интеллекта.

По Д.В. Люсину, *способность к пониманию эмоций* означает, что человек может распознать, какую именно эмоцию он сам испытывает, найти для нее словесное выражение, определить, какую эмоцию испытывает другой человек, т. е. может *идентифицировать* эмоцию; способен установить факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека, то есть *распознать* эмоцию, понимает причины, вызвавшие у человека определенную эмоцию и следствия, к которым она может привести.

Способность к управлению эмоциями означает, что человек может при необходимости вызывать нужную эмоцию, может контролировать ее внешнее выражение, а также ее интенсивность (прежде всего приглушать чрезмерно сильные эмоции).

Способность к управлению и пониманию эмоций может быть направлена как на эмоции других людей, так и на свои собственные (Люсин, 2006).

Итак, данные по результатам выполнения теста «ЭМИн» Д.В. Люсина представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты респондентов,
полученные в ходе выполнения
методики Д.В. Люсина «ЭМИн»

Структура эмоционального интеллекта по Д.В. Люсину	Результаты тестирования в баллах (округленные до целого)	Средне-квадратичное отклонение (<i>SD</i>)	Затраченное время, в секундах
Понимание чужих эмоций	18	5,202	75,711
Управление чужими эмоциями	18	3,971	61,34
Понимание своих эмоций	18	3,911	56,665
Управление своими эмоциями	13	3,758	39,756
Контроль экспрессии	12	4,091	39,753
Межличностный эмоциональный интеллект	36	8,265	137,05
Внутриличностный эмоциональный интеллект	31 (42)	9,263	91,924 (131,677)
Понимание эмоций	36	7,563	132,376
Управление эмоциями	42	9,192	136,352
Общий уровень эмоционального интеллекта	78	15,149	268,728

Примечания. Внутриличностный эмоциональный интеллект, согласно Д.В. Люсину, включает в себя три фактора («осознание своих эмоций», «управление своими эмоциями», «контроль экспрессии»), а межличностный эмоциональный интеллект – два фактора («интуитивное понимание чужих эмоций», «управление чужими эмоциями»), поэтому нами суммарный балл по шкале «внутриличностный эмоциональный интеллект» был условно разделен: в скобках указан балл по трем показателям, а перед скобками указан суммарный балл по двум показателям (без учета шкалы «контроль экспрессии») (Изотова, Максимова, 2016).

Исходя из полученных данных, мы видим, что у респондентов управление эмоциями имеет более высокий уровень развития

по сравнению с их пониманием, однако времени было затрачено больше при ответе на вопросы, посвященные именно блоку «управление эмоциями» – 136,352 сек. и 132,376 сек. соответственно. Анализируя более детально данный показатель, мы можем увидеть, что управление чужими эмоциями (18 баллов) у респондентов происходит лучше, чем своими собственными эмоциями (13 баллов), однако время, затраченное респондентами на ответы блока «управление чужими эмоциями», значительно больше (61,34 сек.) времени, затраченного на ответы по блоку «управление своими эмоциями» (39,756 сек.). Понимание своих эмоций (18 баллов) и понимание чужих эмоций (18 баллов) происходит у респондентов в равной степени, однако время, затраченное на ответы по этим блокам, различно: понимание чужих эмоций требует у респондентов больших временных затрат (75,711 сек.) по сравнению со временем, затраченным на понимание своих собственных эмоций (56,665 сек.). Минимальное количество баллов (12 баллов) подростки набирают по шкале «контроль экспрессии», что также легко объясняется снижением эмоциональной устойчивости и регуляции в данном возрасте, перепадами настроения и высокой пластичностью эмоций в контексте гормональной нестабильности. Если говорить о соотношении показателей внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта, то здесь мы видим следующее: межличностный эмоциональный интеллект (36 баллов) в большей степени развит у респондентов по сравнению с внутриличностным эмоциональным интеллектом (31 балл), однако времени, затраченного на ответы по блоку «межличностный эмоциональный интеллект» также было использовано больше (137,05 сек.), чем по блоку «внутриличностный эмоциональный интеллект» (91,924 сек.).

Для измерения эмпатии нами был использован тест В.В. Бойко «Эмпатические способности», позволяющий определить общий уровень эмпатии, а также значимость отдельных параметров в общей структуре эмпатии – рациональный, интуитивный и эмоциональный канал эмпатии, эмпатийные установки, проникающую способность в эмпатии. Анализируются показатели отдельных шкал и общая суммарная оценка. Каждому каналу эмпатии автором даются следующие характеристики:

- а) эмоциональный канал эмпатии фиксирует способность человека входить в «эмоциональный резонанс» с окружающим, сочувствовать, сопереживать, понять внутренний мир другого человека, быть эмоционально отзывчивым посредством «вхождения» в энергетическое поле партнера. Соучастие

и сопереживание играют роль проводника, связующего звена между людьми;

- б) рациональный канал эмпатии характеризует направленность восприятия, внимания и мышления на сущность другого человека – на его поведение, состояние. Это спонтанный интерес к другому человеку, в котором не следует искать логику или мотивацию интереса к другому. Партнер по общению выступает для эмпатирующего человека своей бытийностью, что позволяет непредвзято выявлять его сущность;
- в) интуитивный канал эмпатии предполагает способность человека видеть и прогнозировать поведение других людей, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в сознании. Интуиция в меньшей степени зависит от оценочных стереотипов, чем осмысленное восприятие других людей.

Установки, препятствующие или способствующие эмпатии, соответственно, затрудняют эмпатию или способствуют ей. Если человек считает неуместным проявлять любопытство к другой личности, старается избегать личных контактов, то убеждает себя спокойно относиться к проблемам и переживаниям окружающих. Если нет препятствий со стороны установок личности, то различные каналы эмпатии действуют надежнее и активнее.

Способность человека, позволяющая создать атмосферу доверительности и открытости, расценивается как важное коммуникативное свойство. Каждый из нас своим отношением к партнерам и своим поведением способствует или препятствует информационно-энергетическому обмену. Атмосфера неестественности, напряженности, подозрительности препятствует эмпатическому постижению и раскрытию.

Еще одним условием успешной эмпатии является идентификация – умение понять другого человека на основе постановки себя на место партнера и сопереживания. В основу идентификации входит способность к подражанию, подвижность и гибкость эмпатии (Бойко, 1996).

В исследовании эта методика использовалась с целью определения структуры и ведущих каналов эмпатии.

Результаты общего уровня эмпатических способностей, а также наиболее активных компонентов в структуре эмпатии респондентов представлены в таблице 2.

Таблица 2

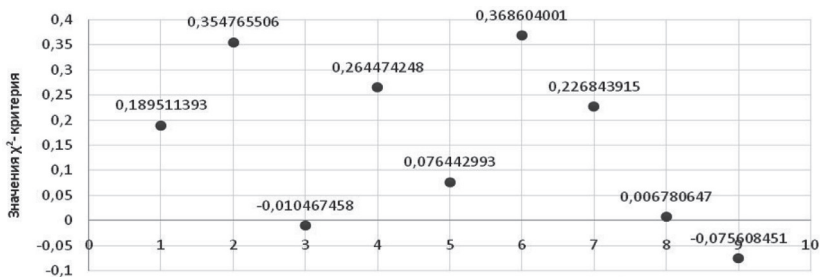
Результаты респондентов,
полученные в ходе выполнения методики В.В. Бойко
«Эмпатические способности»

Измеряемые параметры по В.В. Бойко	Результаты тестирования в баллах	Средне-квадратичное отклонение (<i>SD</i>)
Рациональный канал эмпатии	3	1,547
Эмоциональный канал эмпатии	3	1,402
Интуитивный канал эмпатии	3	1,746
Установки, способствующие эмпатии	3	1,104
Проникающая способность в эмпатии	3	1,116
Идентификация в эмпатии	3	1,499
Суммарный показатель уровня эмпатии (заниженный)	18	4,505

Анализируя полученные данные, интересно отметить тот факт, что у респондентов ($n = 33$) по всем критериям отмечается одинаковый балл (3 балла). Тем не менее, важно отметить различия в показателях среднеквадратичного отклонения. Максимально сходную оценку у респондентов получил критерий «установки, способствующие эмпатии» (стандартное отклонение составляет 1,104), максимальный разброс данных у респондентов относительно критериев эмпатии составляет «интуитивный канал эмпатии» (стандартное отклонение составляет 1,746), который подразумевает способность человека видеть и прогнозировать поведение других людей, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на личный опыт.

Суммарный показатель уровня эмпатии составляет 18 баллов и свидетельствует о заниженном уровне эмпатии при среднеквадратичном отклонении 4,505, что свидетельствует о небольшом разбросе данных по этому критерию.

Для определения наличия либо отсутствия линейной связи между количественными показателями эмоционального интеллекта и общего уровня эмпатии нами был использован метод параметрической статистики, а именно метод вычисления критерия Пирсона. Полученные результаты представлены на рисунке 1.

Структурные компоненты эмоционального интеллекта:

- 1 – общий уровень EQ; 2 – межличностный EQ; 3 – внутриличностный EQ;
 4 – понимание эмоций; 5 – управление эмоциями; 6 – понимание чужих эмоций;
 7 – управление чужими эмоциями; 8 – понимание своих эмоций;
 9 – управление чужими эмоциями.

Рис. 1. Результаты вычисления коэффициента корреляции Пирсона между общим уровнем эмпатии и структурными компонентами эмоционального интеллекта

На рисунке 1 мы можем увидеть результаты вычисления корреляции ($p \leq 0,05$) между различными структурными компонентами эмоционального интеллекта, в том числе и общим уровнем эмоционального интеллекта, и общим уровнем эмпатии. Установлена слабая прямая взаимосвязь между общим уровнем эмоционального интеллекта и эмпатией ($\chi^2 \approx 0,18$), слабая прямая взаимосвязь отмечается также между критерием «понимание эмоций» и эмпатией ($\chi^2 \approx 0,26$), а также между управлением эмоциями и эмпатией ($\chi^2 \approx 0,076$). Установлена слабая обратная взаимосвязь между показателями управлением своими эмоциями и общим уровнем эмпатии ($\chi^2 \approx -0,075$) и показателем внутриличностного эмоционального интеллекта и общего уровня эмпатии ($\chi^2 \approx -0,01$). Коэффициент корреляции признаков «понимание своих эмоций» и общего уровня эмпатии составляет 0,006, что говорит о независимости данных признаков. Умеренная связь была обнаружена между показателями межличностного эмоционального интеллекта и общего уровня эмпатии ($\chi^2 \approx 0,35$), а также между показателями «понимание чужих эмоций» и эмпатии ($\chi^2 \approx 0,36$).

Таким образом, мы можем говорить о том, что изменение одного показателя (общего уровня эмпатии) приводит к изменениям другого показателя (межличностного эмоционального интеллекта и понимания чужих эмоций), и наоборот.

Итак, исходя из данных, полученных в результате выполнения эмпирической части нашего исследования, мы можем утверждать следующее. У респондентов управление эмоциями имеет более высокий уровень развития по сравнению с их пониманием. Данные показатели (понимание и управление эмоциями в целом) имеют слабую прямую корреляцию с общим уровнем эмпатии. Понимание своих эмоций и понимание чужих эмоций происходит у респондентов в равной степени. Однако понимание своих эмоций и общий уровень эмпатии независимы друг от друга, а понимание чужих эмоций и общий уровень эмпатии имеют умеренную прямую связь. Если говорить о соотношении показателей внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта в целом, то межличностный эмоциональный интеллект по сравнению с внутриличностным эмоциональным интеллектом развит у респондентов в большей степени. Внутриличностный эмоциональный интеллект имеет слабую обратную взаимосвязь с общим уровнем эмпатии, при этом общий уровень эмпатии у респондентов является заниженным, а максимальный разброс данных у респондентов относительно критериев эмпатии составляет «интуитивный канал эмпатии», подразумевающий способность человека видеть и прогнозировать поведение других людей, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на личный опыт, хотя общий уровень эмпатии и межличностного эмоционального интеллекта имеет прямую умеренную взаимосвязь.

Заключение

Подростковый возраст является тем периодом, когда влияние эмоций на человека становится наиболее очевидным, поскольку для эмоциональной сферы подростков характерны высокая эмоциональная возбудимость и большая устойчивость эмоциональных переживаний.

Эмоциональная сфера подростка была рассмотрена нами с помощью двух конструкторов: «эмоциональный интеллект» и «эмпатия».

Несмотря на существующие различия в определении природы эмоционального интеллекта, разных взглядов на его структуру, общим как для зарубежных, так и для отечественных теорий эмоционального интеллекта является выделение в структуре эмоционального интеллекта способности человека к восприятию (идентификации) эмоций. Данная характеристика выделяется всеми авторами как необходимый, базовый компонент в его структуре.

Содержание другого исследуемого нами понятия – «эмпатия» – и его структура неоднозначны, и трактуются исследователями по-разному, в связи с чем соотношение понятий эмпатии и эмоционального интеллекта различно. Одни исследователи рассматривают эмпатию как основную и необходимую составляющую эмоционального интеллекта, как необходимый навык межличностного общения, другие исследователи, напротив, считают эмоциональный интеллект одним из компонентов, способствующих эмпатии, как способность человека распознавать чувства, эмоциональные состояния другого.

В результате математического анализа корреляций между отдельными компонентами в структуре эмоционального интеллекта и общим уровнем эмпатии была выявлена умеренная прямая корреляция между общим уровнем эмпатии, пониманием чужих эмоций и межличностным эмоциональным интеллектом. Следует отметить отсутствие корреляции между общим уровнем эмпатии и пониманием своих эмоций, а также слабую отрицательную корреляцию между внутриличностным эмоциональным интеллектом, способностью к управлению своими эмоциями и общим уровнем эмпатии.

Литература

- Богачева О.Ю.* Эмпатия как профессионально важное качество врача: На примере врачей-терапевтов и врачей-хирургов: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2014. 168 с.
- Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М.: Филинь, 1996. 472 с.
- Гаврилова Т.П.* Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков // Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Педагогика, 1981. С. 122–139.
- Гарскова Г.Г.* Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // Аняньевские чтения: Тез. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Деметьев И.В.* Влияние эмпатии на профессиональную успешность офицеров-психологов пограничных органов: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 178 с.
- Изард К.Э.* Психология эмоций: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2000.
- Изотова Е.И., Максимова Е.Б.* Психологические и психофизиологические аспекты исследования эмоционального интеллекта в подростковом и юношеском возрастах // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 7. [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.06.2017).
- Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

- Калининский Л.П., Богданова Н.В., Петрова Т.Е., Смоленская Л.М.* Функциональная классификация эмпатии как феномена социальной перцепции // Психология общения и проблемы коммунистического воспитания: Тезисы докладов. Омск, 1981.
- Карягина Т.Д.* Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 175 с.
- Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Педагогика, 1981.
- Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В.* Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 3–26.
- Фельдштейн Д.И.* Психология воспитания подростка. М.: Знание, 1978. 48 с.
- Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
- Bar-On R.* Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory // Handbook of emotional intelligence / Ed. by R. Bar-On, J.D.A. Parker. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 363, 378.
- Cottrel L.S., Dymond R.* The empathic responses: A neglected field for research // Psychiatry. 1949. V. 12.
- Joseph D.L., Newman D.A.* Emotional Intelligence: An Integrative Meta-Analysis and Cascading Model // Journal of Applied Psychology. 2010. Vol. 95. № 1. P. 54–78.
- Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional intelligence // Handbook of intelligence / Ed. by R.J. Sternberg. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Rogers C.* Empatic: an unappreciated way of being // The Counseling Psychologist. 1975. V. 5. № 2. P. 2–10.

References

- Bogacheva O.Yu.* Empatiya kak professional'no vazhnoe kachestvo vracha: na primere vrachei-terapevtov i vrachei-khirurgov: Dis. ... kand. psikhol. nauk. Yaroslavl', 2014. 168 p.
- Boiko V.V.* Energiya emotsii v obshchenii: Vzglyad na sebya i drugikh. M.: Filin, 1996. 472 p.
- Gavrilova T.P.* Analiz empatiinykh perezhivanii mladshikh shkol'nikov i mladshikh podrostkov // Psikhologiya mezhlchnostnogo poznaniya / Pod red. A.A. Bodaleva. M.: Pedagogika, 1981. P. 122–139.
- Garskova G.G.* Vvedenie ponyatiya "emotsional'nyi intellekt" v psikhologicheskuyu teoriyu // Anan'evskie chteniya: Tez. nauch.-prakt. konf. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999.
- Dement'ev I.V.* Vliyanie empatii na professional'nyuyu uspechnost' ofitserov-psikhologov pogranichnykh organov: Dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 2013. 178 p.
- Izard K.E.* Psikhologiya emotsii: Per. s angl. SPb.: Piter, 2000.

- Izotova E.I., Maksimova E.B.* Psikhologicheskie i psikhofiziologicheskie aspekty issledovaniya emotsional'nogo intellekta v podrostkovom i yunosheskom vozrastakh // Psikhologicheskie issledovaniya. 2016. T. 9. № 46. S. 7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 05.06.2017).
- Il'in E.P.* Emotsii i chuvstva. SPb.: Piter, 2001. 752 p.
- Kalininskii L.P., Bogdanova N.V., Petrova T.E., Smolenskaya L.M.* Funktsional'naya klassifikatsiya empatii kak fenomena sotsial'noi pertseptsii // Psikhologiya obshcheniya i problemy kommunisticheskogo vospitaniya: Tezisy dokladov. Omsk, 1981.
- Karyagina T.D.* Evolyutsiya ponyatiya "empatiya" v psikhologii: Dis. ... kand. psikholog. nauk. M., 2013. 175 p.
- Lyusin D.V.* Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn // Psikhologicheskaya diagnostika. 2006. № 4. P. 3–22.
- Psikhologiya mezhlichnostnogo poznaniya / Pod red. A.A. Bodaleva. M.: Pedagogika, 1981.
- Roberts R.D., Mett'yus Dzh., Zaidner M., Lyusin D.V.* Emotsional'nyi intellekt: Problemy teorii, izmereniya i primeneniya na praktike // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2004. T. 1. № 4. P. 3–26.
- Fel'dshtein D.I.* Psikhologiya vospitaniya podrostka. M.: Znanie, 1978. 48 p.
- El'konin D.B.* Izbrannye psikhologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1989. 560 p.
- Bar-On R.* Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory // Handbook of emotional intelligence / Ed. by R. Bar-On, J.D.A. Parker. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 363, 378.
- Cottrel L.S., Dymond R.* The empathic responses: A neglected field for research // Psychiatry. 1949. V. 12.
- Joseph D.L., Newman D.A.* Emotional Intelligence: An Integrative Meta-Analysis and Cascading Model // Journal of Applied Psychology. 2010. Vol. 95. № 1. P. 54–78.
- Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional intelligence // Handbook of intelligence / Ed. by R.J. Sternberg. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Rogers C.* Empatic: an unappreciated way of being // The Counseling Psychologist. 1975. V. 5. № 2. P. 2–10.

Сведения об авторе

Максимова Елена Борисовна – аспирант, Лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, confused52@yandex.ru

About the author

Maximova Elena B. – postgraduate student, Laboratory of teenager's psychology, Russian Academy of Education Psychological Institute, confused52@yandex.ru

А.П. Карабанов

Институт психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ

A.P. Karabanov

L.S. Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University
for the Humanities

Современные направления исследования аффективных механизмов принятия решений

Modern trends in the study of affective mechanisms of decision-making

В статье обсуждается проблема двойственного обусловливания принятия решений эмоциональной и рациональной системами. В частности, рассматриваются концепции, предлагающие альтернативное и смешанное участие двух систем, а также характер их взаимодействия – конфликтный или иерархический. Центральное место в обсуждении занимает роль аффективных факторов принятия решений – «отсроченных» эмоций, связанных с ожидаемыми результатами выбора и независимых от них, связанных с самой ситуацией выбора – «моментальных» эмоций. Акцент делается на объясняющей мощности включения в модель принятия решения перечисленных факторов, участие которых в процессе принятия решений зависит от широкого перечня характеристик ситуации выбора, в том числе ее неопределенности. В контексте данной модели предпринимается попытка объяснить ряд эффектов иррационального выбора, таких как аффективная миопия, пренебрежение вероятностью, аффективный разрыв и т. п. На основе анализа влияния различных параметров ситуации на их эмоциональную оценку выдвигается ряд гипотез относительно влияния на оценку альтернатив оценки реальности наступления исхода, временной локализации события в прошлом или будущем, намерения делегировать решение другому против самостоятельного решения, вынесения экспертных суждений против «решения для себя», а также оценки исходов вследствие собственных решений против оценки исходов, наступающих как результат аналогичных решений других людей. Делается попытка обобщить многочисленные и разрозненные упоминания об аффективных механизмах и факторах принятия решений, а также обозначить перспективу эмпирических исследований в данном направлении.

Ключевые слова: принятие решений, аффективная миопия, аффективные механизмы принятия решений, аффективный разрыв, иррациональный выбор.

This article considers an issue of dual conditioning in decision-making which involves affective and deliberative systems. Notably it considers the concepts offering alternative and mixed participation of those two systems as well as the nature of their interaction – conflicting or hierarchical. The consideration main point is the role of affective factors in decision-making – expected emotions, associated with the choices results and regardless of them, depending only on the concrete situation of choice, – immediate emotions. The emphasis is laid on an explanatory power of incorporating these two affective factors into a decision-making model with their participation in the decision-making process depending on a wide range of the choice situation characteristics, including ambiguity. In the context of that model an attempt is made to explain a number of irrational choice effects, such as affective myopia, disregard of probability, affective rupture, etc. According to the analysis of the impact of various situation characteristics on their affective evaluation several hypotheses were proposed. For example those that concern the evaluation of alternatives to the assessment of the reality for occurrence of an outcome, the temporal localization of an event in the past or the future, the intention to delegate to another a decision against an independent decision, the delivering an expert judgment “for the self” as well as an evaluation of outcomes resulting from own decisions against assessing the outcomes that come due to similar decisions by other people. Also throughout the mentioned model an attempt is made either to interpret several phenomena of irrational choice, such as affective myopia, probability neglect, affective gap and etc., or to generalize and interpret the vast but segmental evidence of the affective mechanisms in decision-making in order to designate the scope of further investigations.

Keywords: decision-making, affective myopia, affective mechanisms in decision-making, affective gap, irrational choice.

Влияние эмоциональных факторов на принятие решений является аксиоматичным, но его механизмы раскрыты не в полной мере, что создает необходимость рассмотрения роли аффективных механизмов в принятии решений с учетом новых идей и подходов, а также сформулировать возможные направления исследований в данной области.

В нейробиологических исследованиях эмоции преимущественно рассматриваются как фактор, влияющий на определение субъективной ценности вариантов. Базовым предположением является ориентированность нейронных сетей на сравнение альтернатив и принятие наиболее оптимального решения из доступных в момент достижения некоей пороговой разницы между альтернативами. Механизм оценки альтернатив представляется

трехсоставным и включает: 1) павловский условный рефлекс, ответственный за выполнение автоматических рефлекторных поведенческих актов по типу стимул-реакция; 2) целенаправленное поведение; 3) автоматизм (привычка), приобретающий ценность вне зависимости от результата, не требующий достижения цели и являющийся результатом многократного повторения целенаправленного поведения (Rangeletal., 2008). Эти три системы примерно соответствуют выделенным Д. Канеманом автоматической (условный рефлекс и автоматизм) и произвольной (целенаправленное поведение) системам, и функционируют параллельно, что может приводить к конфликту между наиболее весомыми альтернативами систем автоматизированного и целенаправленного поведения (Ключарев и др., 2011).

В исследованиях А. Сенфи на материале игры «Ультиматум» был продемонстрирован конфликт эмоциональной и рациональной оценок конкурирующих альтернатив – в случае несправедливого предложения негативная эмоциональная реакция оказывалась сильнее рационального стремления к выгоде, что приводило к подавлению второй и отказу от сделки (Sanfey et al., 2003). В дальнейших исследованиях с подавлением участвующих в принятии решения корковых центров подчеркивалась связь эгоцентрического рационального поведения с более низкоуровневой автоматической системой, и роль произвольной системы, заключающаяся в преодолении такого рода утилитарных наклонностей (Knoch et al., 2006), подчеркивалось влияние негативного эмоционального прайминга на большую тенденцию отклонять несправедливые предложения (Safney, Chang, 2008), связь предпочтения сиюминутной выгоды с активацией центров «эмоциональной» автоматической системы при отсутствии связи отсроченного вознаграждения с активацией произвольной системы (McClure et al., 2004), влияние эмоциональной нагруженности ситуации на подавление рационального поведения в ходе решения «персонифицированных моральных дилемм» в сравнении с «неперсонифицированными» (Greene et al., 2001).

Перечисленные свидетельства позволяют сделать вывод относительно функциональной нагрузки «автоматической» и «произвольной» систем. Первая, эволюционно более ранняя, преимущественно связывается с моральными, социальными и экономическими табу, лежащими в основе социальных взаимоотношений; вторая, более поздняя, с когнитивным контролем и утилитарным поведением (Ключарев и др., 2011). На эволюционно более ранний характер аффективной системы регуляции поведения также указывают некоторые исследователи в области нейронаук.

Так, J. LeDoux (1996) в исследованиях реакции страха у крыс обнаружил низкоуровневый (напрямую от сенсорного таламуса к миндалине) и высокоуровневый (опосредованно через неокортекс) пути передачи сигнала, что говорит о разворачивании аффективной реакции на стимул, прежде чем появляется возможность реализовать более взвешенные действия за счет высокоуровневых процессов. Таким образом, низкоуровневая система включает аффективные механизмы регуляции поведения и ориентирована на скорейшее удовлетворении потребности по принципу «хочу», тогда как высокоуровневая направлена на достижение желаемого состояния в будущем по принципу «нравится» (Berridge, 1996). Ориентированность на долгосрочную перспективу напрямую связана с развитием префронтальной коры головного мозга и является сугубо человеческим приобретением (Damasio, 1994; Miller, Cohen, 2001). К примеру, было обнаружено, что ответственные за непосредственную ответную реакцию на болевые стимулы низкоуровневые структуры также активировались в случае ожидания электростимуляции, причем сила активации была обратной ожидаемому времени стимула (Berns et al., 2006). Активация корковых центров в ответ на получение вознаграждения и его ожидание также различна – в то время как структуры низкоуровневой системы активируются непосредственно перед получением вознаграждения, высокоуровневая система не демонстрирует такой временной зависимости (Ichi-hara-Takeda, Funahashi, 2006). Сопасающиеся результаты были получены в когнитивных исследованиях связи невременной удаленности вознаграждения с выбором (Mischel et al., 2003), что позволяет сделать вывод относительно важности оценки близости вознаграждения и аффективной реакции на него.

Наличие двух параллельных систем оценки альтернатив обсуждается в большинстве моделей принятия решений, но механизм их взаимодействия является вопросом для дискуссии. Ряд авторов отмечает его иерархический характер, в соответствии с которым имплицитные механизмы определяют отбор релевантной информации, тем самым обуславливая различную эффективность эксплицитных механизмов (Klauer, 1993), итеративный характер взаимодействия двух систем, позволяющий оптимизировать проблему и прийти к наиболее удовлетворительному результату (Goldsmith, Sahlin, 1983). Но наибольшее развитие получило видение проблемы, утверждающее конфликтный характер взаимодействия обсуждаемых систем.

К примеру, J. Metcalfe and W. Mischel (1999) поднимают вопрос саморегуляции и волевой регуляции принятия решения в контексте

конфликта «горячей» (эмоциональной) и «холодной» (когнитивной) систем, ориентированных на выбор быстрой–простой или долгой–сложной программ. Авторы предлагают ряд дихотомий, подчеркивающих различия между этими системами: «горячая» онтогенетически более ранняя, обуславливает простые быстрые реактивные стимул-зависимые реакции, ее влияние растет в условиях стресса; «холодная» онтогенетически более поздняя, обуславливает сложные медленные рефлекслируемые и субъективно контролируемые реакции, ее влияние в условиях стресса падает. Данная модель подчеркивает особенности каждой из систем, однако рассматривает выбор поведенческой программы как результат «победы» одной из конкурирующих систем.

В другой – синтетической – модели поведения обсуждается взаимодействие спонтанной (основанной на предшествующем опыте) и произвольной систем (предполагающей рациональную оценку альтернатив) в ходе выбора поведенческой стратегии. Здесь допускается смешанное обуславливание процесса принятия решения, однако преимущественно рассматривается влияние социальных факторов, таких как чувство ответственности, социальная желательность, расовые предрассудки. Спонтанная система в данной модели предлагает простые привычные программы, тогда как произвольная – ситуативные, основанные на анализе конкретных данных, сопряженные с большей когнитивной нагрузкой и временными затратами. Это, в свою очередь, предполагает значительную мотивированность произвольного поведения, которая может проистекать из множества различных источников (см., например, Fazio et al., 2015).

Схожую дихотомию мы видим и в натуралистической теории принятия решений. В центре внимания данного подхода лежит разделение механизмов принятия решений на аналитические (эксплицитные) и интуитивные (имплицитные) и основанная на нем модель узнавания. Аналитическое познание подразумевает сознательное осмысление, опирающееся на ограниченный ресурс рабочей памяти, оно произвольно, требует усилия, ограничено в возможностях и медленное (Baddeley, 2003). Интуитивное, напротив, подразумевает синтез характеристик ситуации на бессознательном уровне, а потому оно независимо от накладываемых рабочей памятью ограничений, гораздо шире в возможностях и быстрее (Simon 1992, с. 155). В соответствии с этой моделью интуитивное принятие решения включает неосознаваемое сравнение актуальной ситуации с уже имеющимся опытом и способствует принятию похожих решений, если ранее они привели к желаемому

результату (Klein, 2008). Эта модель обуславливает быстрые и правильные решения при условии, что ситуация была правильно отнесена к сфере компетенции индивида и тот обладает необходимым опытом решения идентичных или похожих проблем. При этом, как было показано в исследованиях на шахматистах (Chase, Simon, 1973), пожарных (Klein, 1993) и др., наилучшим оказывалось самое первое предлагаемое ими интуитивное решение, тогда как попытки принять решение на основе аналитических стратегий были куда менее эффективными. Таким образом, обе модели указывают на непродуктивность смешанного процесса взаимодействия эксплицитных и имплицитных механизмов.

Позднее была предложена модель когнитивного континуума и квазирационального принятия решения (Hammond, 2007), в соответствии с которой интуитивное познание участвует в ходе размышлений над проблемой, а характер принимаемых решений и их эффективность обусловлены колебаниями вкладов обеих систем. В качестве факторов, влияющих на соотношение аналитических и интуитивных процессов, были предложены: структура, сложность, степень неопределенности и форма презентации задачи (там же). В свою очередь, участие двух процессов в принятии решения связывается с их гибкостью во взаимодействии с характеристиками самой проблемы и, в более широком плане, характеристиками всей ситуации. При этом выбор системы не всегда бывает однозначно детерминирован, в ряде случаев может потребоваться более холистический подход к ее решению и большая опора на интуитивные механизмы.

В свете рассмотренных подходов следует подчеркнуть важность изучения параметров ситуаций, которым систематически соответствует неоптимальная точка когнитивного континуума, приводящая к систематическим ошибкам в процессе принятия решений. Эффективность аналитической системы зависит от выполнения множества условий и когнитивных ресурсов, тогда как интуитивная вовлечена в значительно больший круг проблем. Это позволяет говорить о последней как о базовом механизме принятия решений, чей вклад пропорционален выраженности ограничений, накладываемых спецификой проблемы на работу аналитической системы (Patterson, Eggleston, 2017). Свидетельства доминирования интуитивных механизмов были получены в исследованиях влияния эвристики репрезентативности и доступности на оценку вероятности событий (Kahneman, 2011), принятия решений профессионалами в их сфере компетентности (Klein, 2008), влияния формы презентации информации на рассуждения, предпочтения и стратегии принятия решений (Betsch, Glockner, 2010) и т. п.

Роль «моментальных» и «ожидаемых» эмоций в принятии решения

Во всех рассмотренных подходах интуитивное принятие решений ассоциируется с эмоциональной сферой. Среди них модель Левенштайна с коллегами (Loewenstein et al., 2015), в которой предпринимается попытка объяснить процесс решения через различные типы аффективного обусловливания, характерные для *эмоциональной* и *рассудительной* систем. В основе модели лежит разделение эмоций на моментальные и ожидаемые. Ожидаемые эмоции не переживаются «здесь и сейчас», но предвкушаются как последствия принятого решения, и в этом отношении перекликаются с идеями Дамасио (Damasio, 1994) о том, что руководящим принципом выбора человека является то, как он будет себя чувствовать в конечном итоге. Моментальные эмоции отражают стремление людей максимизировать позитивные и минимизировать негативные последствия решений (Loewenstein et al., 2015), переживаются в момент выбора и не связаны с решением, т. е. являются побочными. В связи с тем, что моментальные эмоции не связаны с результатом выбора, они должны быть иррелевантны и самому процессу принятия решения, что, однако, противоречит результатам многочисленных исследований (см., например, Ariely, Loewenstein, 2006).

Данная модель предусматривает смешанное обусловливание выбора двумя конкурирующими мотивационными функциями, имеющими свой оптимум. Поведение же понимается как результат взвешенной оценки альтернатив на основе суммирования двух мотивационных функций: 1) ориентированной на получение отсроченной выгоды и основанной на ожидаемых эмоциях; 2) реактивной, подвижной сиюминутными побуждениями – моментальными эмоциями (Loewenstein et al., 2015). Существование двух конкурирующих оптимумов фактически означает, что любой выбор в точном соответствии с одним из них будет сопряжен с «ценой» отказа от второго. Таким образом, выбор происходит «из двух зол» и производится в пользу исхода, минимизирующего потери от несоответствия исхода рассудительному и эмоциональному оптимумам.

В пользу данной модели говорят данные исследований межвременного выбора и быстрых или отсроченных вознаграждений, проблема которых заключается в том, что необходимое для получения вознаграждений время не должно влиять на оценку их полезности. Однако с точки зрения аффективного оптимума это далеко не так, что было показано в сравнении готовности к большему ожиданию подкрепления у крыс в сравнении с голубями (Stevens et al., 2005), у людей в сравнении с обезьянами (Tobin et al., 1996), у детей в срав-

нении со взрослыми (Steinberg et al., 2009). В нейробиологических исследованиях предпочтение краткосрочных выгод связывается с большей активностью ассоциируемых с аффективной системой зон головного мозга (McClure et al., 2004), отмечается прямая связь площади латеральной префронтальной коры (рассудительная система) с *обесцениванием времени* и готовностью дольше ждать подкрепление (Vjork et al., 2009), влияние экспериментального отключения латеральной префронтальной коры на усиление аффективной миопии (Figner et al., 2010). Таким образом, несмотря на рационально осознаваемую независимость вознаграждения от времени, временная удаленность исхода влияет на его оценку, что позволяет рассматривать аффективную миопию как один из принципов эмоциональной системы принятия решения (Loewentein et al., 2015).

Также была показана связь эмоциональной насыщенности объектов выбора и предпочтений, вследствие которых был выдвинут тезис о влиянии данного параметра на предпочтения в силу их связи с эмоциональной системой принятия решений. При этом для аффективно-насыщенных в сравнении с аффективно-бедными вариантами характерен больший изгиб S-образной кривой функции полезности, что выражается в существенной разнице оценок вероятности данных альтернатив и большем искажении оценок вероятности аффективно-насыщенных альтернатив по сравнению с объективными вероятностями (Rottenstreich, Hsee, 2001). Искажение этих оценок может быть значительным вплоть до полного *пренебрежения вероятностью*, что было показано в ходе оценки физиологических реакций на стохастический характер электростимуляции, когда испытуемые демонстрировали одинаковое повышение частоты сердечных сокращений в ответ на электрическую стимуляцию вне зависимости от того, произойдет ли она с вероятностью в 50% или 100%. Таким образом, пренебрежение вероятностью также можно рассматривать как принцип работы эмоциональной системы (Loewentein et al., 2015).

На этот счет существует и альтернативное мнение, основанное уже на нормативной теории. По ряду свидетельств, *аффективный разрыв* приводит к использованию различных стратегий принятия решения – при аффективно-бедном выборе происходит оценка ожидаемой полезности альтернатив, при аффективно-насыщенном применяется *минимаксная*, либо *максимаксная* эвристика (при негативной и позитивной эмоциональной окрашенности альтернатив соответственно), что приводит к выбору прямо противоположных альтернатив в 86–90% случаев (Rachur et al., 2013). Таким образом, эмоциональная насыщенность стимулов может пониматься как требующий оптимизации параметр сложности проблемы.

Обсуждение и перспектива дальнейших исследований

Преимущество данной модели состоит в том, что она позволяет объяснить иррациональность в принятии решений даже в тех случаях, когда человек обладает всей необходимой информацией для осуществления рационального выбора, однако поступает иррационально. Она позволяет объяснить кривизну в оценке вероятности рискованных альтернатив посредством влияния их эмоциональной насыщенности, которая вносит корректировки в оценку их ожидаемой полезности. В этом плане она существенно отличается от нормативной модели, где иррациональность трактуется в терминах ошибок и объясняется работой эвристических механизмов, снижающих сложность процесса принятия решения (Simon, 1990) или сложность самой проблемы (Shah, Oppenheimer, 2008).

Представляется интересным соотнесение модели Левенштайна с эффектом владения – склонностью выше оценивать обладаемые объекты, нежели те, которыми можно завладеть в перспективе. Как отмечает В. Knutson с соавторами (2008), данный эффект обусловлен активацией различных нейронных механизмов при покупке и продаже, что приводит к увеличению сравнительной ценности объектов при продаже в сравнении с покупкой за счет неприятия их потери. В более широком смысле он характерен для любого негативного изменения исходного состояния, что создает существенные трудности в определении ценности альтернатив, которые не только формируются из объективных выгод и потерь, но еще и зависят от намерений человека, множества других факторов. Упомянутые «негативные изменения исходного состояния» позволяют выдвинуть гипотезу об их ценности безотносительно оценки ожидаемой полезности альтернатив, их аффективных и вероятностных характеристик. Эта «ценность бездействия», в свою очередь, может быть тесно связана с широким рядом диспозициональных характеристик людей, особенностями их актуального состояния – в современных реалиях наиболее неоднозначного направления изучения процессов принятия решений.

Не менее интересным направлением исследований нам представляется изучение феномена контрфактуального мышления, заключающегося в появлении негативно окрашенных эмоций в ответ на упущенный желательный (или более желательный) исход (Roese, 1997). Частота проявлений контрфактуального мышления и выраженность связанного с ним негативного аффекта были тем больше, чем более ожидаемым или близким во времени

был упущенный желательный исход. В классическом понимании данный феномен связывается с мотивационной составляющей поведения, однако, как отмечают K.D. Markman и M.N. McMullen (2003), активация контрфактуального мышления может происходить непосредственно в процессе выбора, обуславливая *симуляционную эвристику* – генерацию множества гипотетических исходов события и их сравнения между собой в ходе принятия решения. По аналогии с контрфактуальными причинами наиболее желательного (уже упущенного) исхода «если бы я лучше учился» или «если бы мне повезло», сгенерированные в ходе принятия решения альтернативные исходы также могут быть далеки от реальности, но при этом способны оказывать влияние на выбор. К примеру, генерация гипотетических исходов, таких как «а вдруг мне все-таки повезет», при условии их связи с моментальными побочными эмоциями высокой интенсивности, вполне может объяснить пристрастие к лотереям и другим азартным играм, объективная вероятность выигрыша в которых настолько мала, что не должна оцениваться как отличная от нуля.

В контексте генерации дополнительных альтернатив в следствии активации контрфактуального мышления стоит упомянуть так называемый эффект перегруженности выбором. Его суть заключается в чувстве замешательства, появляющегося у людей при необходимости выбора из значительного количества альтернатив. В исследованиях данного эффекта отмечается связь большего удовлетворения от совершенного выбора с меньшим количеством альтернатив (Wroniarczyk, 2008), зависимость больших сожалений в отношении выбора от большей разности затраченного и субъективно необходимого на принятие решения времени (Inbar et al., 2011). В качестве одного из объяснений такого эффекта была предложена связь количества доступных вариантов с повышением ожиданий от результата выбора (Diehl, Роупог, 2010), что, с одной стороны, дает человеку свободу выбора и возможность найти лучший исход, однако с другой – повышает сложность выбора и вероятность упустить наилучший исход. Негативное влияние когнитивной нагрузки на соответствии решений рассудительному оптимуму и в модели Левенштайна отмечалось в числе основных эффектов, тогда как появление сожалений можно рассматривать двояко. Оно соответствует как представлениям о контрфактуальном мышлении, так и оценке индивидуумом несоответствия сделанного выбора оптимальному соотношению эмоциональных и рассудительных механизмов (в большей степени импульсивно и необдуманно, чем необходимо для достижения наилучшего исхода).

Также нам представляется интересной гипотеза о влиянии реальности проблемы на выбор в рамках модели, предложенной Левенштайном с коллегами (Loewenstein, 2015). Выбор, лишенный компонента реальности, не должен быть сопряжен с моментальными эмоциями, а потому вероятнее всего будет соответствовать рассудительному оптимуму, т. е. окажется наиболее рациональным. Таким образом, сравнение оценок альтернатив в задачах, сформулированных в прошлом и настоящем времени, может оказаться любопытным инструментом для количественной оценки индивидуальных различий эмоционального оптимума и влияния не связанных с результатом выбора моментальных эмоций. Такого рода эффект, в случае своего обнаружения, будет предсказывать существенные различия оценок альтернатив в зависимости от: 1) их локализации в прошлом, либо настоящем-будущем; 2) намерения реализовать на основе оценки выбор самостоятельно, либо делегировать его другим, при вынесении экспертных суждений; 3) оценки собственных действий против оценки вероятности действий других людей в аналогичных ситуациях, например, в антагонистических играх и аналитике такого рода интеракций.

Подытоживая, следует отметить, что между обсуждавшимися теоретическими подходами и направлениями исследований куда больше общего, чем представляется на первый взгляд. При этом нами был рассмотрен далеко не полный перечень связанных с эмоциями факторов принятия решения, в частности, вне поля зрения остались проблемы морального выбора и выбора в условиях социального взаимодействия, роль метакогниций, индивидуальных особенностей и психических состояний. Таким образом, дальнейшая работа в данном направлении должна быть сосредоточена в том числе на синтезе и структурировании уже полученных исследовательских данных, что представляет особый интерес в плане разработки новых, более совершенных теоретических моделей и планирования эмпирических исследований.

Литература

- Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.
- Ariely D., Loewenstein G. The heat of the moment: The effect of sexual arousal on sexual decision making // Journal of Behavioral Decision Making. 2006. V. 19 (2). P. 87–98.
- Baddeley A.D. Working memory: Looking back and looking forward // Nature Reviews Neuroscience. 2003. V. 4 (10). P. 829–839.

- Berns G.S., Chappelow J., Cekic M., Zink C.F., Pagnoni G., Martin-Skurski M.E.* Neurobiological substrates of dread // *Science*. 2006. V. 312 (5774). P. 754–758.
- Berridge K.C.* Food reward: Brain substrates of wanting and liking // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 1996. V. 20 (1). P. 1–25.
- Betsch T., Glockner A.* Intuition in judgment and decision making: Extensive thinking without effort // *Psychological Inquiry*. 2010. V. 21 (4). P. 279–294.
- Bjork J.M., Momenan R., Hommer D.W.* Delay discounting correlates with proportional lateral frontal cortex volumes // *Biological Psychiatry*. 2009. V. 65 (8). P. 710–713.
- Broniarczyk S.M.* Product assortment // *Handbook of consumer psychology*. N.Y.: Taylor and Francis Group / Lawrence Erlbaum Associates, 2008. P. 755–779.
- Chase W.G., Simon H.A.* Perception in Chess // *Cognitive Psychology*. 1973. V. 4. P. 55–81.
- Damasio A.R.* *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*. N.Y.: Putnam, 1994.
- Diehl K., Poynor C.* Great expectations?! Assortment size, expectations and satisfaction // *Journal of Marketing Research*. 2010. V. 47. P. 312–322.
- Epstude K., Roese N.J.* The Functional Theory of Counterfactual Thinking // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. V. 12 (2). P. 168–192.
- Fazio R.H., Pietri E.S., Rocklage M.D., Shook N.J.* Positive versus Negative Valence: Asymmetries in Attitude Formation and Generalization as Fundamental Individual Differences // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2015. V. 51. P. 97–146.
- Figner B., Knoch D., Johnson E.J., Krosch A.R., Lisanby S.H., Fehr E., Weber E.U.* Lateral prefrontal cortex and self-control in intertemporal choice // *Nature Neuroscience*. 2010. V. 13 (5). P. 538–539.
- Goldsmith R.W., Sahlin N.E.* The role of second-order probabilities in decision making // *Analysing and aiding decision processes*. Amsterdam; Budapest: North-Holland and Akadémiai Kiadó, 1983. P. 455–467.
- Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293 (5537). P. 2105–2108.
- Hammond K.R.* *Beyond rationality: The search for wisdom in a troubled time*. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
- Hammond K.R., Hamm R.M., Grassia J., Pearson T.* Direct comparison of the efficacy of intuitive and analytical cognition in expert judgment // *Research on judgment and decision making: Currents, connections and controversies*. N.Y.: Cambridge University Press, 1997. P. 144–180.
- Ichihara-Takeda S., Funahashi S.* Reward-period activity in primate dorsolateral prefrontal and orbitofrontal neurons is affected by reward schedules // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2006. V. 18 (2). P. 212–226.
- Inbar Y., Botti S., Hanks K.* Decision speed and choice regret: When haste feels like waste // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2011. V. 47 (3). P. 533–540.
- Kahneman D.* *Thinking fast and slow*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

- Klauer K.C.* Charge and discharge in problem solving. A theory of declarative simplification: Belastung und Entlastung beim Problemlösen // Eine Theorie des deklarativen Vereinfachens. Göttingen: Hogrefe, 1993.
- Klein G.A.* A recognition-primed decision (RPD) Model of rapid Decision making // Decision making in action: Models and methods. Norwood, NJ: Ablex, 1993. P. 138–147.
- Klein G.* Naturalistic decision making // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 2008 V. 50 (3). P. 456–460.
- Knoch D., Pascual-Leone A., Meyer K., Treyer V., Fehr E.* Diminishing reciprocal fairness by disrupting the right prefrontal cortex // Science. 2006. V. 314 (5800). P. 829–832.
- Knutson B., Elliott Wimmer G., Rick S., Hollon N.G., Prelec D., Loewenstein G.* Neural Antecedents of the Endowment Effect // Neuron. 2008. V. 58 (5). P. 814–822.
- LeDoux J.E.* The emotional brain: The mysterious underpinnings of emotional life. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
- Loewenstein G., O'Donoghue T., Sudeep B.* Modeling the interplay Between Affect and Deliberation // Decision. 2015. V. 2 (2). P. 55–81.
- Markman K.D., McMullen M.N.* A reflection and evaluation model of comparative thinking // Personality and Social Psychology Review. 2003. V. 7 (3). P. 244–267.
- McClure S.M., Laibson D.I., Loewenstein G., Cohen J.D.* Separate neural systems value immediate and delayed monetary rewards // Science. 2004. V. 306 (5695). P. 503–507.
- Miller E.K., Cohen J.D.* An integrative theory of prefrontal cortex function // Annual Review of Neuroscience. 2001. V. 24 (1). P. 167–202.
- Mischel W., Ayduk O., Mendoza-Denton R.* Sustaining delay of gratification over time: A hot-cool systems perspective // Time and decision: Economic and psychological perspectives on intertemporal choice. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2003. P. 175–200.
- Pachur T., Hertwig R., Wolkwitz R.* The Affect Gap in Risky Choice: Affect-rich outcomes attenuate attention to probability information // Decision. 2013. V. 1 (1). P. 64–78.
- Patterson R.E., Eggleston R.G.* Intuitive Cognition // Journal of Cognitive Engineering and Decision Making. 2017. V. 11 (1). P. 5–22.
- Rangel A., Camerer C., Montague P.R.* A framework for studying the neurobiology of value-based decisionmaking // Nature Reviews Neuroscience. 2008. V. 9 (7). P. 545–556.
- Roese N.J.* Counterfactual Thinking // Psychological Bulletin. 1997. V. 121 (1). P. 133–148.
- Rottenstreich Y., Hsee C.K.* Money, kisses, and electric shocks: On the affective psychology of risk // Psychological Science. 2001. V. 12 (3). P. 185–190.
- Sanfey A.G., Chang L.J.* Multiple systems in decision making // Annals of the New York Academy of Sciences. 2008. V. 1128 (1). P. 53–62.
- Sanfey A.G., Rilling J.K., Aronson J.A., Nystrom L.E., Cohen J.D.* The neural basis of economic decisionmaking in the Ultimatum Game // Science. 2003. V. 300 (5626). P. 1755–1758.
- Shah A.K., Oppenheimer D.M.* Heuristics Made Easy: An Effort-Reduction Framework // Psychological Bulletin. 2008. V. 134 (2). P. 207–222.

- Simon H.A.* Invariants of human behavior // *Annual Review of Psychology*. 1990. V. 41. P. 1–19.
- Simon H.A.* What is an explanation of behavior? // *Psychological Science*. 1992. V. 3 (3). P. 150–161.
- Steinberg L., Graham S., O'Brien L., Woolard J., Cauffman E., Banich M.* Age differences in future orientation and delay discounting // *Child Development*. 2009. V. 80 (1). P. 28–44.
- Stevens J.R., Hallinan E.V., Hauser M.D.* The ecology and evolution of patience in two New World monkeys // *Biology Letters*. 2005. V. 1 (2). P. 223–226.
- Tobin H., Logue A.W., Chelonis J.J., Ackerman K.T., May J.G.* Self-control in the monkey *Macaca fascicularis* // *Animal Learning and Behavior*. 1996. 24 (2). P. 168–174.

 References

- Klyucharev V.A., Shmids A., Shestakova A.N.* Neuroekonomika: neurobiologiya prinyatiya reshenii // *Eksperimental'naya psikhologiya*. 2011. V. 4. № 2. P. 14–35.
- Ariely D., Loewenstein G.* The heat of the moment: The effect of sexual arousal on sexual decision making // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2006. V. 19 (2). P. 87–98.
- Baddeley A.D.* Working memory: Looking back and looking forward // *Nature Reviews Neuroscience*. 2003. V. 4 (10). P. 829–839.
- Berns G.S., Chappelow J., Cecic M., Zink C.F., Pagnoni G., Martin-Skurski M.E.* Neurobiological substrates of dread // *Science*. 2006. V. 312 (5774). P. 754–758.
- Berridge K.C.* Food reward: Brain substrates of wanting and liking // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 1996. V. 20 (1). P. 1–25.
- Betsch T., Glockner A.* Intuition in judgment and decision making: Extensive thinking without effort // *Psychological Inquiry*. 2010. V. 21 (4). P. 279–294.
- Bjork J.M., Momenan R., Hommer D.W.* Delay discounting correlates with proportional lateral frontal cortex volumes // *Biological Psychiatry*. 2009. V. 65 (8). P. 710–713.
- Broniarczyk S.M.* Product assortment // *Handbook of consumer psychology*. N.Y.: Taylor and Francis Group / Lawrence Erlbaum Associates, 2008. P. 755–779.
- Chase W.G., Simon H.A.* Perception in Chess // *Cognitive Psychology*. 1973. V. 4. P. 55–81.
- Damasio A.R.* *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*. N.Y.: Putnam, 1994.
- Diehl K., Poynor C.* Great expectations?! Assortment size, expectations and satisfaction // *Journal of Marketing Research*. 2010. V. 47. P. 312–322.
- Epstude K., Roese N.J.* The Functional Theory of Counterfactual Thinking // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. V. 12 (2). P. 168–192.
- Fazio R.H., Pietri E.S., Rocklage M.D., Shook N.J.* Positive versus Negative Valence: Asymmetries in Attitude Formation and Generalization as Fundamental Individual Differences // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2015. V. 51. P. 97–146.

- Figner B., Knoch D., Johnson E.J., Krosch A.R., Lisanby S.H., Fehr E., Weber E.U.* Lateral prefrontal cortex and self-control in intertemporal choice // *Nature Neuroscience*. 2010. V. 13 (5). P. 538–539.
- Goldsmith R.W., Sahlin N.E.* The role of second-order probabilities in decision making // *Analysing and aiding decision processes*. Amsterdam; Budapest: North-Holland and Akadémiai Kiadó, 1983. P. 455–467.
- Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293 (5537). P. 2105–2108.
- Hammond K.R.* Beyond rationality: The search for wisdom in a troubled time. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
- Hammond K.R., Hamm R.M., Grassia J., Pearson T.* Direct comparison of the efficacy of intuitive and analytical cognition in expert judgment // *Research on judgment and decision making: Currents, connections and controversies*. N.Y.: Cambridge University Press, 1997. P. 144–180.
- Ichihara-Takeda S., Funahashi S.* Reward-period activity in primate dorsolateral prefrontal and orbitofrontal neurons is affected by reward schedules // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2006. V. 18 (2). P. 212–226.
- Inbar Y., Botti S., Hanks K.* Decision speed and choice regret: When haste feels like waste // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2011. V. 47 (3). P. 533–540.
- Kahneman D.* Thinking fast and slow. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
- Klauer K.C.* Charge and discharge in problem solving. A theory of declarative simplification: Belastung und Entlastung beim Problemlösen // *Eine Theorie des deklarativen Vereinfachens*. Göttingen: Hogrefe, 1993.
- Klein G.A.* A recognition-primed decision (RPD) Model of rapid Decision making // *Decision making in action: Models and methods*. Norwood, NJ: Ablex, 1993. P. 138–147.
- Klein G.* Naturalistic decision making // *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*. 2008. V. 50 (3). P. 456–460.
- Knoch D., Pascual-Leone A., Meyer K., Treyer V., Fehr E.* Diminishing reciprocal fairness by disrupting the right prefrontal cortex // *Science*. 2006. V. 314 (5800). P. 829–832.
- Knutson B., Elliott Wimmer G., Rick S., Hollon N.G., Prelec D., Loewenstein G.* Neural Antecedents of the Endowment Effect // *Neuron*. 2008. V. 58 (5). P. 814–822.
- LeDoux J.E.* The emotional brain: The mysterious underpinnings of emotional life. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
- Loewenstein G., O'Donoghue T., Sudeep B.* Modeling the interplay Between Affect and Deliberation // *Decision*. 2015. V. 2 (2). P. 55–81.
- Markman K.D., McMullen M.N.* A reflection and evaluation model of comparative thinking // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. V. 7 (3). P. 244–267.
- McClure S.M., Laibson D.I., Loewenstein G., Cohen J.D.* Separate neural systems value immediate and delayed monetary rewards // *Science*. 2004. V. 306 (5695). P. 503–507.
- Miller E.K., Cohen J.D.* An integrative theory of prefrontal cortex function // *Annual Review of Neuroscience*. 2001. V. 24 (1). P. 167–202.

- Mischel W., Ayduk O., Mendoza-Denton R.* Sustaining delay of gratification over time: A hot-cool systems perspective // *Time and decision: Economic and psychological perspectives on intertemporal choice*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2003. P. 175–200.
- Pachur T., Hertwig R., Wolkewitz R.* The Affect Gap in Risky Choice: Affect-rich outcomes attenuate attention to probability information // *Decision*. 2013. V. 1 (1). P. 64–78.
- Patterson R.E., Eggleston R.G.* Intuitive Cognition // *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*. 2017. V. 11 (1). P. 5–22.
- Rangel A., Camerer C., Montague P.R.* A framework for studying the neurobiology of value-based decisionmaking // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. V. 9 (7). P. 545–556.
- Roese N.J.* Counterfactual Thinking // *Psychological Bulletin*. 1997. V. 121 (1). P. 133–148.
- Rottenstreich Y., Hsee C.K.* Money, kisses, and electric shocks: On the affective psychology of risk // *Psychological Science*. 2001. V. 12 (3). P. 185–190.
- Sanfey A.G., Chang L.J.* Multiple systems in decision making // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2008. V. 1128 (1). P. 53–62.
- Sanfey A.G., Rilling J.K., Aronson J.A., Nystrom L.E., Cohen J.D.* The neural basis of economic decisionmaking in the Ultimatum Game // *Science*. 2003. V. 300 (5626). P. 1755–1758.
- Shah A.K., Oppenheimer D.M.* Heuristics Made Easy: An Effort-Reduction Framework // *Psychological Bulletin*. 2008. V. 134 (2). P. 207–222.
- Simon H.A.* Invariants of human behavior // *Annual Review of Psychology*. 1990. V. 41. P. 1–19.
- Simon H.A.* What is an explanation of behavior? // *Psychological Science*. 1992. V. 3 (3). P. 150–161.
- Steinberg L., Graham S., O'Brien L., Woolard J., Cauffman E., Banich M.* Age differences in future orientation and delay discounting // *Child Development*. 2009. V. 80 (1). P. 28–44.
- Stevens J.R., Hallinan E.V., Hauser M.D.* The ecology and evolution of patience in two New World monkeys // *Biology Letters*. 2005. V. 1 (2). P. 223–226.
- Tobin H., Logue A.W., Chelonis J.J., Ackerman K.T., May J.G.* Self-control in the monkey *Macaca fascicularis* // *Animal Learning and Behavior*. 1996. 24 (2). P. 168–174.

Сведения об авторе

Карабанов Артем Петрович – аспирант, преподаватель кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, pacaraban01@gmail.com

About the author

Karabanov Artem P. – postgraduate student, lecturer, Differential Psychology and Psychophysiology Department, L.S. Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University for the Humanities, pacaraban01@gmail.com

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 20.09.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,5.
Тираж 1050 экз. Заказ № 187

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71129
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
